

ИМПЕРАТОРСКАГО
ЮРИДИЧЕСКИЙ КАБИНЕТЪ
С.-Петербургск. Университета

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.

1871.

СОДЕРЖАНІЕ:

Объявленіе отъ книжнаго магазина И. П. Анисимова.

ЮРИДИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

МОСКОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ОБЩЕСТВОМЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

КНИЖКА ШЕСТАЯ.

СЕНТЯБРЬ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°)
на Страстномъ бульварѣ.
1871.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ МОСКОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА 1870 г. *).

23 ноября. По вопросу, предложенному дѣйствительнымъ членомъ В. И. Кохновымъ: „Арендные договоры, заключенные добросовѣстнымъ владѣльцемъ о недвижимомъ его имуществѣ, въ случаѣ отсужденія онаго въ пользу посторонняго лица, обязательны ли для сего послѣдняго?“ (ср. том. X, ч. I, ст. 635, по продол. 1863 г.).

В. И. Кохновъ. Законъ, между прочими видами владѣнія, установляетъ различіе, извѣстное подъ именемъ добросовѣстнаго или недобросовѣстнаго (т. X, ч. I, ст. 523). Владѣніе признается добросовѣстнымъ, когда владѣльцу имущества неизвѣстна незаконность или неправость его владѣнія (того же т. и ч. ст. 529 и 530). Въ случаѣ отсужденія имущества его законному владѣльцу, бывшій добросовѣстный владѣлецъ не обязывается возвращать доходовъ съ онаго, уже полученныхъ, или законно ему слѣдующихъ по день объявленнаго ему спора противъ его владѣнія; напротивъ того пользуется правомъ обратнаго требованія вознагражденія за всѣ постройки и за всѣ дѣйствительныя улучшенія прежнихъ заведеній, если оныя во время возврата имѣнія находятся на лицо и принимающій имѣніе пожелаетъ ихъ оставить за собою; за произведенныя работы для извлеченія изъ земли минераловъ, когда сіи послѣдніе не должны быть за нимъ оставлены; за всѣ расходы на поддержаніе или

*) Отъ Редакціи. Въ первой книжкѣ Юрид. Вѣст. вкрались ошибки: на стр. 3 напечатано: 17 февр. 1870 года, слѣдуетъ читать: 1871 года; на 6 стр. напечатано: 1870 года, слѣдуетъ читать: 1869 года.

возстановленіе предметовъ, которые безъ того пришли бы въ ветхость; за издержки по застрахованію или для предохраненія имущества отъ случайныхъ бѣдствій, на починку или улучшеніе находящихся въ имѣніи домовъ и другихъ зданій, несоставляющихъ предметовъ роскоши (ст. 626—628, 629, 630, 631, 632 и 633 т. X, ч. I). Но добросовѣстный владѣлецъ обязанъ возвратить настоящему хозяину *полученныя имъ впередъ* оброчныя и слѣдующія за наемъ въ томъ имѣніи угодій, домовъ или же чего-либо иного, деньги; *когда же имѣніе имъ заложено, то и всю потребную на выкупъ онаго сумму* (т. X, ч. I, по продолж. 1863 г. ст. 635). Соображая изложенныя права и обязанности добросовѣстнаго владѣльца недвижимымъ имуществомъ, при отсужденіи онаго въ пользу настоящаго хозяина, и обращая особенное вниманіе на то, что даже закладныя крѣпости, совершенныя недобросовѣстнымъ владѣльцемъ, разумѣется и такія, которыя совершены и до дня объявленія ему спора о неправости владѣнія, законъ *признаетъ необязательными для настоящаго хозяина, потому что обязываетъ прежняго владѣльца къ выдачѣ ему потребной на выкупъ суммы*, мы полагаемъ, что тѣмъ болѣе *арендные договоры*, заключенные такимъ владѣльцемъ, не могутъ быть обязательными для посторонняго лица, не принимавшаго въ нихъ никакого участія, такъ какъ договоры имѣютъ законную силу только для договорившихся сторонъ, за исключеніемъ случая, предусмотрѣннаго 1543 ст. том. X, ч. I. Наконецъ, въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ не объ отчужденномъ, а объ отсужденномъ недвижимомъ имуществѣ въ пользу *собственника*, который окончательнымъ судебнымъ рѣшеніемъ вводится въ полное право собственности, право, нетерпящее ограниченій.

А. М. Фальковскій. Хотя договоры объ имуществѣ обязательны только для сторонъ, заключившихъ оные и для ихъ наслѣдниковъ, но съ переходомъ имущества, составляющаго предметъ извѣстнаго договора, къ постороннему лицу, или съ отсужденіемъ его изъ чьего-либо незаконнаго владѣнія въ пользу настоящаго хозяина, возникаетъ вопросъ о правахъ третьихъ лицъ на то имущество. Для разрѣшенія этого-то вопроса и въ особенности, въ данномъ случаѣ, о правѣ арендаторовъ или наемщиковъ имущества, слѣдуетъ, главнымъ образомъ, остановиться на существѣ этого права,

составляетъ ли оно *право на самое имущество*, или только право требованія отъ лица обязавшагося извѣстныхъ дѣйствій, неисполненіе которыхъ имѣетъ своимъ послѣдствіемъ обязательство вознагражденія за убытки? Существо договора аренды или найма имущества состоитъ въ томъ, что одна изъ договаривающихся сторонъ обязывается представить другой какое-либо имущество въ пользованіе на условленное время и за опредѣленную цѣну, которую послѣдняя обязывается ей уплатить. Слѣдовательно арендаторъ или наниматель въ этомъ случаѣ получаетъ только *право на дѣйствіе* хозяина имущества, чтобы онъ предоставилъ ему пользованіе онымъ (том. X, ч. I, ст. 1691). Поэтому арендаторъ или наниматель распоряжается предоставленнымъ ему на имущество правомъ не самостоятельно, онъ состоитъ въ юридическомъ отношеніи *не къ самому имуществу, а только къ лицу хозяина онаго*, обязаннаго дозволить ему пользованіе извѣстными правами. Хотя же хозяинъ не въ правѣ отказать нанимателю до наступленія срока найма (ст. 1705), но это узаконеніе разумѣетъ хозяина, вошедшаго въ договоръ съ нанимателемъ, а не новаго пріобрѣтателя имущества, вслѣдствіе отсужденія его изъ незаконнаго владѣнія перваго. И такъ не признавая за арендаторомъ или нанимателемъ *вещнаго права* на арендуемое имѣніе, мы, на этомъ основаніи, соглашаемся съ отрицаніемъ предложеннаго В. И. Кохновымъ вопроса.

Я. И. Любимцевъ. Хотя по закону (ст. 420 и 423 том. X, ч. I), право собственности въ сущности неограничено, но въ тоже время изъ всей совокупности правъ на имущество нѣкоторыя могутъ быть выдѣлены въ видѣ особаго права (ст. 514 и 535). Но это выдѣленіе только кажущееся. По этому различіе, установленное въ гражданскомъ правѣ между вещными правами и обязательными весьма важно. Посредствомъ первыхъ имущество подчиняется господству нашему, а посредствомъ вторыхъ мы пріобрѣтаемъ право на извѣстное дѣйствіе хозяина имущества, на которое право послѣдняго продолжаетъ существовать. Въ договорѣ найма имущества дѣйствительно заключается только *обязательство хозяина* предоставить нанимателю пользованіе имуществомъ. Почему послѣдній имѣетъ только въ сущности право на дѣйствія перваго, *а не вещное*.

А. М. Богдановскій. Если не ошибаюсь, то вопросъ о томъ обязательны ли договоры о наймѣ имущества при перемѣнѣ владѣльца имѣнія (напр. на основаніи купли) для новаго пріобрѣтателя онаго, былъ разрѣшенъ гражд. касс. деп. правительствующаго сената *) утвердительно, на томъ основаніи что продавецъ имѣнія *не можетъ уступить покупщику болѣе правъ на имѣніе, нежели сколько онъ самъ имѣлъ*, а потому и покупщикъ не въ правѣ нарушить обязательствъ и договоровъ, заключенныхъ по имѣнію прежнимъ его владѣльцемъ. Такое рѣшеніе согласуется вполнѣ и съ 521 ст. том. X, ч. I. Этого кажется достаточно, чтобы убѣдиться, что договоръ аренды или найма имущества иначе понимается высшею судебною практикою и что въ законѣ не проведено строгаго различія между *вещными* правами и правами, вытекающими *изъ договорныхъ* отношеній. Правда, что въ предложенномъ вопросѣ рѣчь идетъ не объ отчужденномъ, а объ отсужденномъ имуществѣ въ пользу настоящаго его хозяина. Но нельзя не замѣтить, что наниматель, и въ данномъ случаѣ, могъ пріобрѣсти свое право по законному акту и въ то время, когда о неправости владѣнія прежняго владѣльца не было никакого спора.

А при такихъ условіяхъ, гдѣ же законное основаніе къ прекращенію дѣйствія договора найма имущества?

В. Н. Лешковъ. 521 ст. т. X ч. I, по которой вотчиннику предоставлено право отчужденія имущества, состоящаго во временномъ владѣніи посторонняго лица, *впрочемъ не стѣсняя тѣмъ правъ отдѣльнаго владѣнія*, указываетъ только на обязанность *вотчинника*, а не *пріобрѣтателя* имѣнія; равнымъ образомъ и 1705 ст. установляетъ только обязательство хозяина имущества. Поэтому, договоръ прежняго собственника немыслимо переносить на пріобрѣтателя имѣнія, *если въ актѣ отчужденія или инымъ образомъ ему не поставлено на видъ право арендатора или нанимателя на то имѣніе.* При отчужденіи же имѣнія изъ незаконнаго, хотя и добросовѣстнаго владѣнія, рѣшительно не представляется основанія къ обремененію настоящаго хозяина обязательствами, заключенными его предшественникомъ. Далѣе я не могу согласиться на примѣненіе вообще къ случаямъ перемѣны владѣльца

*) Касс. рѣш. 8 окт. 1869 г. № 882. Ред.

имѣнія, на какомъ бы то ни было основаніи, правила, по которому „*никто не можетъ уступить другому болѣе правъ на имущество нежели сколько онъ самъ имѣлъ,*“ потому что при отчужденіи право собственности переносится на пріобрѣтателя всецѣло и всякое ограниченіе онаго личными обязательствами отчуждателя немыслимо иначе какъ путемъ особаго соглашенія между *отчуждателемъ и пріобрѣтателемъ*. Мнѣ кажется, что исчисленіе отдѣльныхъ, заключающихся въ собственности, правомочій надъ имуществомъ, немыслимо, хотя наше гражданское право и сводитъ таковыя ко владѣнію, пользованію и распоряженію. Выдѣленіе этихъ правомочій въ видѣ особаго права есть только кажущееся, какъ это выразилъ нашъ сочленъ Я. И. Любимцевъ. Римское право, какъ вамъ извѣстно, мм. гг., въ позднѣйшее время своего развитія признало только четыре рода вещныхъ правъ—jura in re aliena: *гражданскія повинности*: (Servitutes), *наслѣдственная вѣчная аренда* плодоносныхъ земель съ платою ежегодно поземельной ренты (Emphyteusis,) *наемъ незастроенной земли или постройки* съ правомъ на первой воздвигнуть зданіе или пристроить ко второй этажъ и удержать и то и другое на долгое время (Superficies) и *закладъ* (Pignus) (Учеб. Римс. прав. Марецолля). Слѣдуя этой системѣ, я полагаю, что въ каждомъ законодательствѣ *вещныя права* должны быть строго опредѣлены. Въ нашемъ сводѣ зак. гражд. мы не находимъ достаточныхъ основаній къ отнесенію срочныхъ аренды или найма имущества къ вещнымъ правамъ Напротивъ того 1100 ст. устав. гражд. судопр. кажется служитъ достаточнымъ подтвержденіемъ, что наемъ имущества принадлежитъ *къ праву по обязательствамъ*.

Н. П. Ляпидевскій Мнѣ предстоитъ взглянуть на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія пандектическаго права, такъ какъ предшествующими разсужденіями онъ вполнѣ исчерпанъ съ точки зрѣнія нашего дѣйствующаго законодательства.

Арендный договоръ (locatio — conductio rerum) имѣетъ своимъ предметомъ всякую вещь, которую можно отдать для употребленія другому. Дѣйствительность договора здѣсь вовсе не зависитъ оттого, чтобы отдающій внаймы былъ собственникъ вещи. Самъ собственникъ можетъ нанимать свою вещь, насколько она принадлежитъ другимъ лицамъ по вещнымъ правамъ ихъ на нее—jura in re aliena — сервиту-

тамъ личнымъ и вещнымъ, суперфиціарному праву и т. д. Съ другой стороны арендаторъ нанятую имъ вещь можетъ опять самъ отдать въ аренду третьему лицу, при чемъ возникающее обязательство между имъ и sublocutor'омъ нисколько не измѣняетъ правового отношенія между собственникомъ и первоначальнымъ нанимателемъ.

Съ перваго взгляда въ этомъ договорѣ я получаю право непосредственно на вещь, ибо въ дѣйствительности я отношусь прямо къ ней, имѣю дѣло только съ ней. Я получаю detentio этой вещи по договору и употребляю ее такъ, какъ мнѣ нужно. Но юридически это не такъ, мм. гг. Я получаю непосредственно право не на вещь, принадлежащую собственнику, а только на извѣстное его дѣйствіе относительно этой вещи, т. е. я принимаю на себя за извѣстное вознагражденіе собственника извѣстныя, ему принадлежащія дѣйствія по эксплуатаціи его вещи. Такимъ образомъ самая вещь стоитъ уже на второмъ планѣ. Этотъ анализъ весьма вѣренъ, ибо служитъ абсолютнымъ регуляторомъ юридическихъ отношеній между собственникомъ и нанимателемъ. Я потолику имѣю право на извѣстное экономическое дѣйствіе относительно нанятой мною вещи, поколику это дѣйствіе можетъ принадлежать самому собственнику, поколику я въ этомъ дѣйствіи являюсь его представителемъ. Отсюда ясно, что я до тѣхъ поръ могу пользоваться уступленнымъ мнѣ извѣстнымъ правомъ относительно вещи, до коихъ поръ имъ можетъ пользоваться самъ собственникъ; съ прекращеніемъ его права на вещь сами собою погасаютъ всѣ предоставленныя имъ кому либо права, ибо во всѣхъ этихъ правахъ является ничто иное, какъ представительство собственника. *Resoluto jure concedentis resolvitur jus concessum.* Отсюда юридическій афоризмъ: купля ломаетъ наемъ. Итакъ съ прекращеніемъ права на вещь добросовѣстнаго владѣльца переданное имъ подоговору найма право какого бы ни было рода прекращается само собою и объ обязательности его для будущихъ владѣльцевъ не можетъ быть и рѣчи, потому что его нѣтъ уже, оно погасло.

Въ заключеніе я сдѣлаю одно замѣчаніе. Возникаетъ вопросъ: если арендные договоры, заключенные добросовѣстнымъ владѣльцемъ необязательны для другихъ владѣльцевъ при прекращеніи его права на вещь, то вещныя права, пре-

доставленныя имъ другимъ лицамъ, сохраняютъ свою обязательность, такъ напримѣръ сервитуты? Представьте себѣ, мм. гг., слѣдующій случай: законному наслѣднику предстоитъ выдать по завѣщанію одно изъ имѣній, которое отказано кому-либо умершимъ собственникомъ. Прежде нежели явится отказоприниматель и получитъ имѣніе въ свои руки, оно находится во владѣніи наслѣдника, который въ это промежуточное время установляетъ въ пользу сосѣднихъ имѣній разные сервитуты, дорожные, водяные и т. д. Обязательны ли они будутъ для отказопринимателя, если онъ впослѣдствіи явится и получитъ имѣніе? Если память мнѣ не измѣняетъ въ настоящую минуту, этотъ вопросъ возбуждалъ одинъ изъ лучшихъ римскихъ юрисконсультовъ—Марцеллъ L. II. D. VIII. 6. Онъ даетъ отрицательный отвѣтъ, но присовокупляетъ при этомъ, что сервитуты, пріобрѣтенные наслѣдникомъ отъ чужихъ имѣній, переходятъ къ отказопринимателю. Это мнѣніе принято пандектическою наукою. Итакъ, туже судьбу, какъ и арендные договоры, раздѣляютъ и вещныя права и ихъ постигаетъ роковая revocatio juris.

Н. Я. Березницкій. Законъ допускаетъ положительно выдѣленіе владѣнія и пользованія имуществомъ въ видѣ особаго права, пространство, пожизненность или срочность котораго опредѣляется тѣмъ самымъ актомъ, коимъ оно установлено (ст. 514 и 535 т. X ч. I). Въ договорѣ найма недвижимаго имущества и владѣніе и пользованіе переходятъ къ *нанимателю.* Право послѣдняго ограждено требованіемъ закона, тѣмъ что вотчинникъ, отчуждая имущество, не долженъ стѣснять правъ отдѣльнаго *владѣнія* (ст, 521). Это послѣднее имѣетъ вполнѣ характеръ вещнаго права, ибо владѣніе можетъ быть защищаемо противъ всѣхъ и каждаго. Будучи однимъ изъ правомочій, входящихъ въ составъ юридическаго понятія о собственности, *владѣніе* составляетъ какъ бы часть онаго. Послѣ этого кажется вполнѣ правильно указанное здѣсь разрѣшеніе высшимъ судебнымъ мѣстомъ вопроса объ обязательности арендваго договора для пріобрѣтателя имѣнія.

А. М. Хоткевичъ. Позволяю себѣ обратить вниманіе на 1703 ст. том. X ч. I. Это узаконеніе, предусматривая случай договора аренды и содержанія имущества съ полученіемъ арендныхъ денегъ впередъ болѣе чѣмъ за годъ, для ограж-

денія правъ нанимателя, установляетъ совершеніе акта особымъ порядкомъ и требуетъ наложенія запрещенія на арендуемое имѣніе. Это достаточно разъясняетъ, что по закону договоръ аренды не даетъ *вещнаго права*, въ противномъ случаѣ указанныя въ приведенной статьѣ мѣры были бы излишни.

Большинствомъ предложенный вопросъ разрѣшенъ отрицательно.

30 ноября. По вопросу, предложенному В. И. Кохновымъ: „Обязанности, изложенныя въ 194 ст. том. X, ч. I, распространяются ли на незаконнорожденныхъ въ отношеніи ихъ матери?"

В. И. Кохновъ. Нѣтъ кажется надобности перечислять здѣсь узаконенія о союзѣ родителей и незаконныхъ дѣтей (т. X, ч. I, ст. 132—144). Достаточно будетъ обратить ваше вниманіе, мм. гг., на то, что отношенія матери къ незаконнымъ ея дѣтямъ закономъ достаточно не опредѣлены, а въ отношеніи отца, признаваемаго по закону неизвѣстнымъ, это почти и невозможно. По свидельству покойнаго К. А. Неволина древнѣйшіе памятники нашего законодательства, а именно Церковный Владиміровъ Уставъ и Уложеніе царя Алексѣя Михайловича (гл. 22, ст. 26), содержатъ лишь немногія указанія на предметъ, нынѣ насъ занимающій. Позднѣйшая дѣятельность нашего законодательства исчерпывается главнымъ образомъ въ опредѣленіи, какому состоянію слѣдуютъ незаконнорожденныя дѣти и въ какихъ случаяхъ незаконныя дѣти могутъ быть сопричтены къ законнымъ. Въ этомъ отношеніи Высочайше утвержденное 13 іюня 1801 года мнѣніе государственнаго совѣта заслуживаетъ особеннаго вниманія. Но какъ ни скудны наши гражданскіе законы о союзѣ родителей и незаконныхъ дѣтей, но и тѣ немногія нормы, которыя ими установлены свидѣтельствуютъ, что законодательство не сочло возможнымъ вычеркнуть изъ семейнаго права естественный союзъ родителей и незаконныхъ дѣтей. Отказывая симъ послѣднимъ въ правѣ на имя фамиліи отца и законное послѣ него или послѣ матери своей въ имуществѣ наслѣдство (ст. 136 т. X ч. I), законъ тѣмъ не менѣе тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о личныхъ обязанностяхъ родителей и дѣтей, едва ли допускаетъ различіе между законнымъ и естественнымъ ихъ союзомъ. Издревле обязывая мать непокидать незаконное свое дитя, тѣмъ самымъ

законодатель установилъ родительскія ея обязанности. А если это такъ, то несомнѣнно, что такой родительской обязанности соотвѣтствуетъ, по началу взаимности, и обязанность незаконнорожденныхъ дѣтей въ случаѣ бѣдности, дряхлости или немощи матери, доставлять ей пропитаніе и содержаніе по самую ея смерть.

А. М. Фальковскій. Законы о семейномъ правѣ имѣютъ преимущественно своимъ основаніемъ религіозныя и нравственныя начала. Устройство жизни семейной затрогиваетъ близко всѣ стороны не только частнаго, но общественнаго и государственнаго быта народа. Но безъ всякаго сомнѣнія, что законодательство, слѣдуя тѣмъ великимъ началамъ, не могло отвергнуть *по идеѣ* естественной справедливости правъ, принадлежащихъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ *по природѣ* и если подъ вліяніемъ каноническаго права греческой церкви отнеслось къ нимъ нѣсколько строго въ отношеніи имущественныхъ ихъ правъ, то совершенно кажется справедливо высказанное мнѣніе В. И. Кохнова, что въ личныхъ отношеніяхъ родителей и дѣтей оно не имѣло въ виду провести строгое различіе между законными и незаконными дѣтьми. Великое начало *гуманности*, такъ блестяще осуществленное въ дарованныхъ нынѣ Россіи преобразованіяхъ, свидѣтельствуетъ громко о томъ, что это начало должно проникнуть во всѣ сферы права. Если по разуму дѣйствующихъ законовъ незаконнорожденные исключаются изъ семейства въ видахъ охраненія добрыхъ нравовъ, то изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы разорвать природный союзъ матери и ея незаконныхъ дѣтей и игнорировать въ этомъ случаѣ обязанности послѣднихъ къ первой. Да едва ли возможно сказать, чтобы наше гражданское право отвергало всякаго рода отношенія между родителями и ихъ незаконными дѣтьми. Въ воинскихъ артикулахъ и морскомъ уставѣ (1716 г. марта 30 (3006), арт. 176; 1720, янв. 13 (3485); морс. уст. книг. 5 ст. 122) постановлено: „что если холостой человѣкъ пребудетъ съ незамужнею и она родитъ отъ него, то онъ обязанъ по возможности и состоянію своему обезпечить содержаніе матери и младенца.“ Это узаконеніе, по необъяснимому случаю, перешло въ улож. о наказ. угол. и исправ. изд. 1866 г. въ ст. 994 и на этомъ основаніи только судебная практика признаетъ, что это узаконеніе, какъ имѣющее характеръ *ка-*

рательный, не можетъ имѣть мѣста въ вопросахъ о правѣ семейномъ. Но едва ли это правильно. Приведенное узаконеніе не имѣетъ исключительно значенія карательной мѣры, потому что въ числѣ опредѣляемыхъ закономъ наказаній исправительныхъ, между прочимъ, помѣщены и *денежныя взысканія* (ст. 41 улож.), а не обязанность обезпечить содержаніе дѣтей и при томъ по возможности, въ сущности выражающую гражданскія юридическія отношенія.

Наконецъ, если обращать вниманіе только на мѣсто, занимаемое тѣмъ или другимъ узаконеніемъ въ Сводѣ, въ которомъ, какъ всѣмъ извѣстно, несоблюдено строгой научной системы, то нерѣдко и нашимъ юристамъ - практикамъ придется впадать въ ошибки, искажающія истинную цѣль закона. По этимъ соображеніямъ и я присоединяюсь къ мнѣнію, что 194 ст. т. X ч. I распространяется и на незаконныхъ дѣтей, по отношенію къ ихъ матери.

Б. У. Бениславскій. Обращаясь къ другимъ европейскимъ законодательствамъ, мы во многихъ изъ нихъ находимъ постановленія, хотя и неуравнивающія правъ незаконныхъ дѣтей съ законными, но оказывающія покровительство первымъ, допуская ихъ въ опредѣленныхъ случаяхъ и къ праву наслѣдованія. Новое Итальянское гражданское уложеніе болѣе другихъ высказало по сему предмету уваженія къ судьбѣ незаконнорожденныхъ дѣтей. Но я согласенъ, что и наше гражданское право не отвергаетъ личныхъ обязанностей незаконныхъ дѣтей къ ихъ родителямъ, когда сіи послѣдніе имъ извѣстны.

В. Н. Лешковъ. Неоднократно я имѣлъ честь излагать передъ Юридическимъ Обществомъ мои воззрѣнія на семейное право. Если въ языческой древности семья разсматривалась, какъ политическое учрежденіе или какъ частное право гражданина, то со введеніемъ христіанства семья получила новую основу и форму. Будучи перенесена въ область церкви, она въ послѣдствіи, особенно съ реформаціи, снова включена въ кодексы гражданскаго права. Но правильно ли это? На этотъ вопросъ я отвѣчалъ, что принципы гражданскаго права непримѣнимы къ семьѣ и что я семейное право отношу къ общественному. Союзъ брачащихся—это начальное человѣческое общество, первичная форма и основная завязь всѣхъ послѣдующихъ человѣческихъ обществъ,

гдѣ не отдѣльныя дѣйствія, имущества, или средства и способности человѣка сливаются и соединяются, а гдѣ входятъ въ соединеніе цѣлостныя лица, со всею ихъ человѣческою природою, душею и тѣломъ, по всѣмъ человѣческимъ вопросамъ и интересамъ матеріальнымъ и духовнымъ. Изъ брачнаго только союза происходитъ семья, такъ какъ ее понимаетъ законъ. Слѣдовательно, совершенно разумно и послѣдовательно незаконнорожденные устраняются изъ области семейнаго права. Но такъ какъ въ дѣйствительности въ жизни внѣ правоваго союза встрѣчаются и незаконные, то законодательство не можетъ обойти этого явленія и не установить юридическія нормы возникающихъ отсюда отношеній. Но этимъ нормамъ не можетъ быть дано мѣсто въ семейномъ правѣ. И такъ я полагаю, что законъ, установляя права и обязанности родителей и дѣтей, имѣлъ въ виду семью, проистекающую изъ законнаго брачнаго союза. Тѣмъ не менѣе я согласенъ съ мнѣніемъ, что естественная связь родителей съ незаконными дѣтьми не можетъ быть низведена на степень полнѣйшаго безправія и что въ интересахъ самой нравственности совершенно правильно допустить, что и незаконные дѣти обязаны помогать своимъ родителямъ, если они извѣстны, какъ лицамъ ихъ воспитавшимъ и заботившимся объ нихъ во время малолѣтства.

А. М. Фальковскій. Не право, а природа создаетъ семейство. Любовь и преданность, безъ которыхъ немыслимъ союзъ семейственный, не суть дѣло законодательства. Но во всѣ времена и у всѣхъ народовъ законодательство считало необходимымъ установить нормы семейнаго права. Языческій міръ и въ особенности Римскій оставилъ намъ опредѣленіе брака, которое достойно уваженія. Бракъ, по словамъ Модестина, есть союзъ между мущиною и женщиною для нераздѣльнаго бытія во всей жизни, божественной и человѣческой правды общеніе. „Nuptiae sunt conjunctio maris et feminae, consortium omnis vitae, divini et humani juris communicatio.“ Но какъ бы ни были возвышенны идеи о союзѣ семейственномъ, тѣмъ не менѣе законодательства, относящія его къ институтамъ гражданскаго права, не могутъ заслуживать упрека. Святость брака и значеніе семейства не умаляются чрезъ то, что права и обязанности супруговъ, личныя и имущественныя ихъ отношенія, а также дѣтей, находятъ се-

бѣ мѣсто въ гражданскомъ кодексѣ. Размежеваніе наукъ и въ особенности юридическихъ есть дѣло еще неконченное. Системы и дѣленія имѣютъ конечно свою относительную пользу, но ими не исчерпывается содержаніе и сущность предметовъ нашего познанія. Представленіе объ индивидуальности не можетъ быть отдѣлено отъ представленія общественности. Отсюда проистекаетъ трудность въ разграниченіи гражданскаго права отъ общественнаго. Поэтому я думаю, что постановленія объ отношеніяхъ родителей и къ незаконнымъ дѣтямъ должны имѣть мѣсто въ системѣ семейнаго права, составляющаго пока часть гражданскаго. Этимъ однакоже я не намѣренъ отвергнуть любимую мысль нашего многоуважаемаго предсѣдателя, что право вообще должно распадаться на три великіе отдѣла: гражданское, общественное и государственное—„jus tripartitum est."

Послѣ обмѣна возраженій и оживленныхъ преній г. предсѣдателемъ Юридическаго Общества В. Н. Лешковымъ предложено было гг. членамъ, участвовавшимъ въ обсужденіи вопроса, высказать свое окончательное мнѣніе. Все собраніе высказало единодушно, что оно вполнѣ соглашается, что 194 ст. т. X. ч. I распространяется и на незаконнорожденныхъ дѣтей въ отношеніи ихъ матери, когда эта послѣдняя извѣстна и заботилась объ ихъ содержаніи во время малолѣтства.

РИМСКАЯ НАСЛѢДСТЕННАЯ СИСТЕМА

въ ея вліяніи на наслѣдственное право новыхъ народовъ.

(Читано въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ 16 января 1870 года)

Въ предшествующемъ чтеніи о значеніи римскаго права *) я въ общихъ чертахъ сдѣлалъ предъ вами очеркъ того громаднаго вліянія, которое оказывало римское право въ теченіи стольких вѣковъ на правовую жизнь новыхъ народовъ. Вы видѣли, что это былъ фундаментъ, на которомъ воспитывалось правовое сознаніе Европы, и что до тѣхъ поръ намъ нельзя отказаться отъ него пока, ассимилировавъ съ собою весь богатый общій элементъ его, не научимся съ такою же удивительною способностію и силою, какъ Римляне, обработывать данный юридическій матеріалъ.

Моя цѣль была доказать, что римское право не есть отжившее устарѣлое наслѣдство античнаго времени, которое сыграло свою роль въ нашемъ юридическомъ развитіи и теперь должно всецѣло принадлежать исторіи, что мы должны идти путемъ римскаго права, не останавливаясь на немъ, къ высшему юридическому развитію.

Задачею настоящаго изслѣдованія будетъ показать на самомъ дѣлѣ, практически, то вліяніе, которое имѣло римское право на содержаніе положительныхъ законодательствъ новыхъ народовъ. Чтобы представить это во всей яркости, я избираю такую часть римскаго права, которая по преимуществу носитъ своеобразный характеръ—это наслѣдственную систему. Ниодна сторона права не стоитъ въ такой тѣсной

---

*) См. Юридич. Вѣстн., май 1871 г.

связи съ юридическимъ и нравственнымъ воззрѣніемъ народа, ниодна не выражаетъ такъ живо, начиная съ семейнаго склада, всю его субстанціальность, „какъ наслѣдственное право. Поэтому-то у каждаго народа оно болѣе исключительно, болѣе національно, нежели право обязательственное или вещное. Я докажу, что и эта повидимому такая исключительно римская сторона права въ теченіи вѣковъ вошла въ плоть и кровь новыхъ народовъ. Читая положительные кодексы германскихъ и особенно романскихъ народовъ, на первыхъ же шагахъ съ удивленіемъ видишь, какъ мало своего, національнаго, внесено ими и въ систему наслѣдованія. Въ каждой статьѣ современнаго закона усматривается печать Рима, національный же отпечатокъ такъ слабъ, такъ блѣденъ, что совершенно теряется посреди яркихъ красокъ римскаго наслѣдственнаго института.

Въ своемъ изложеніи я долженъ начать съ общихъ положеній римской наслѣдственной системы и слѣдя шагъ за шагомъ за ея развитіемъ я укажу какъ то или другое положеніе наслѣдственнаго права Рима вылилось во французскомъ кодексѣ, въ италіянскомъ уложеніи и въ другихъ положительныхъ законодательствахъ новыхъ народовъ. Вы увидите, что національный элементъ не только слабъ и безсиленъ, какъ я уже сказалъ, но и тамъ, гдѣ становился на мѣсто римскихъ положеній, приводилъ къ такимъ юридическимъ тезисамъ, которые не выдерживаютъ твердой критики съ точки зрѣнія общихъ началъ права и справедливости.

Общіе принципы римской наслѣдственной системы.

Въ содержаніи отношеній лица къ объективному вещественному міру передъ нами ярко раскрываются двѣ стороны экономическая и правовая. Обѣ стороны такъ тѣсно связаны между собою, что возможность и, если хотите, необходимость одной изъ нихъ обусловливается необходимостью и возможностью другой. Но степень этой взаимной зависимости неодинакова. Экономическое свойство вещи, т.-е. служебное положеніе относительно лица, возможно тогда только, когда вещь принадлежитъ лицу, слѣдовательно самая возможность экономическаго строя условливается правомъ. Если правовая сторона не такъ экстензивна, какъ экономическая, если

разнообразіе вещей неизмѣримо, неисчислимо, тогда какъ юридическія отношенія извѣстны, точны и опредѣленны, какъ математическія формулы, за то внутренняя сила правовой стороны, при всей ограниченности объема, безпредѣльна, ибо она, какъ я сейчасъ сказалъ, всецѣло проникаетъ экономическій строй и условливаетъ самую его возможность. Будучи одною изъ формъ, въ которыхъ выражается стремленіе духа во внѣшнемъ мірѣ, право кладетъ на каждый предметъ его печать этого духа. Обнаруживая себя во внѣшнемъ мірѣ, духъ прежде всего стремится обобщиться съ вещами, объединить ихъ съ собою, сдѣлать своими. Вслѣдствіе этого объединенія на каждой вещи ложится печать личности. Вещь, дотолѣ обособленная отъ лица, является соединенною съ нимъ, другими словами вещь дѣлается имѣніемъ. Имѣніе есть соединеніе лица съ вещью. Процессъ объединенія духа и внѣшняго міра нескончаемъ, безпредѣленъ. Перестать входить въ соединеніе съ вещами, перестать пріобрѣтать ихъ значитъ перестать жить и дѣйствовать, и вотъ путемъ постояннаго притяженія къ себѣ вещей человѣческій духъ создаетъ изъ нихъ для себя какъ бы одежду, облеченный которою онъ является во внѣшнемъ мірѣ. Каждый разъ когда вы посмотрите на отношенія лица къ вещи, вамъ представляется областъ вещей, тяготѣющихъ къ личности, сомкнутыхъ въ одну имущественную сферу и подчиненныхъ безусловному господству лицъ надъ ними. И не одни физическія пространственно опредѣленныя тѣла, вещи въ собственномъ смыслѣ, входятъ въ эту сферу; въ нее входятъ и дѣйствія другихъ лицъ, заключающія въ себѣ имущественную цѣнность, вещи безплотныя, res incorporales, какъ игриво назвалъ ихъ римскій юридическій умъ. Итакъ около каждаго лица группируется его имущественная сфера, постоянно претерпѣвающая измѣненія въ своемъ наличномъ составѣ. Она то усложняется, то суживается, принимаетъ въ себя новые ингредіенты, или количественно и качественно разнообразитъ существующіе, и при всемъ этомъ она не можетъ обособиться отъ лица. Оно—ея центръ, и тяготѣніе къ нему также безусловно необходимо и неотразимо, какъ тяготѣніе небесныхъ тѣлъ въ центральной планетѣ.

Всякая жизнь состоитъ въ движеніи, во внѣшнемъ открытіи внутреннихъ силъ. Это есть аттрибутъ и выраженіе

жизни, точно также какъ покой и инерція есть аттрибутъ смерти. И гражданско-правовая жизнь также состоитъ въ движеніи: лица и сгруппированныя около нихъ имущественныя сферы находятся въ постоянномъ вращеніи. Широкія стремленія и постоянно развивающіяся потребности лица дѣлаютъ для него невозможнымъ полное удовлетвореніе въ предѣлахъ собственной сферы. Изолированная жизнь посреди собственнаго имущества, безъ отношенія къ имуществу другихъ лицъ, есть жизнь внѣ цивилизаціи. Далѣе, цѣли, къ которымъ стремятся люди, часто такъ широки, требуютъ такой массы силъ, что единичный объемъ ихъ не только не приведетъ къ достиженію этихъ цѣлей, но даже и не приблизитъ къ нему. Отсюда постоянное стремленіе лица проникнуть въ чуждыя имущественныя сферы и искать въ нихъ удовлетворенія или сплотиться съ ними для достиженія цѣлей. Отсюда постоянный обмѣнъ вещей на вещи, вещей на дѣйствія, дѣйствій на дѣйствія, постоянные договоры, порождающіе неисчислимо-разнообразныя обязательства между людьми, и изъ всего этого складывается частно-правовая жизнь.

Если въ этомъ нахожденіи среди своей имущественной сферы, въ этомъ постоянномъ обмѣнѣ вещей и дѣйствій состоитъ гражданская жизнь лица, то какая же судьба постигаетъ это царство вещей и юридическихъ отношеній, когда владыка ихъ перестаетъ существовать и обнаруживать относительно ихъ свою гражданскую волю? Личная дѣятельность и воля породили эти имущественные міры съ ихъ отношеніями и связали ихъ; но лица не стало, и они повидимому должны распасться, разсѣяться и, не принимая въ себя новаго владыку, сдѣлаться добычею перваго, кто положитъ на нихъ свою руку. Но если такъ, то какая страшная судьба постигаетъ весь результатъ жизненныхъ трудовъ умершаго? Какая же цѣль пріобрѣтать имущество и еще болѣе сберегать и развивать свою вещественную сферу? Въ стремленіяхъ къ обобщенію съ собою предметовъ внѣшняго міра человѣкъ не мыслитъ себя единичнымъ и конечнымъ. Его внутреннія симпатіи, основывающіяся на нравственной склонности или чаще на физическомъ родствѣ, заставляютъ его внутренно объединять съ собою всѣхъ близкихъ къ нему людей, пріобрѣтать для нихъ и во имя ихъ. Охотники дѣвственныхъ лѣсовъ Америки, отрѣшившіеся отъ всякихъ общественныхъ связей и отдавшіеся исключительно

заботѣ о хлѣбѣ насущномъ, не стремятся пріобрѣтать и сохранять того, что выходитъ за предѣлы дневнаго естественнаго удовлетворенія. Въ своихъ физическихъ представителяхъ, т.-е. въ дѣтяхъ и т. д. лицо видитъ повтореніе самаго себя и любитъ фиктивно, посредствомъ ихъ, мыслить себя безконечнымъ. Итакъ по самой природѣ человѣка совокупность правъ и обязанностей, относящихся къ вещамъ и въ нихъ находящихъ свой масштабъ, соединенныхъ въ одномъ лицѣ, какъ въ субъектѣ, словомъ то, что называется имущественнымъ міромъ, должно имѣть продолжительность, независящую отъ жизни отдѣльнаго человѣка. Между тѣмъ съ другой стороны, какъ представить себѣ юридически, какъ осмыслить на правовой почвѣ эту продолжительность за предѣлы моего *я*—того, что существуетъ только во имя его, что въ его бытіи находитъ свою связь, свой смыслъ и свое назначеніе? Исполинскія силы римскаго юридическаго ума выработали блестящее разрѣшеніе этой глубочайшей антиноміи, которая когда-либо возникала въ правовомъ сознаніи человѣчества. *Имущественно правовая личность не умираетъ, имущественно правовой субъектъ безсмертенъ* *). Какъ въ мірѣ политическаго владычества верховный владыка, государь считается безсмертнымъ и за крикомъ *le roi est mort* неизмѣнно и необходимо слѣдуетъ, какъ неумолимое логическое послѣдствіе, *vive le roi*, такъ и въ мірѣ имущественнаго господства владыка вещей, dominus, не умираетъ, какъ такой, исчезаетъ только физическая личность, но не правовая. Въ нее вступаетъ наслѣдникъ; не въ имущество умершаго входитъ онъ, а въ его личность: *heres personam sustinit defuncti.* Какъ государство не разрушается со смертію представителя верховной его власти, и развѣ изрѣдка въ этомъ случаѣ въ стройномъ теченіи политической жизни совершаются моментныя пертурбаціи, такъ и здѣсь, имущественная сфера, группирующаяся около лица не распадается, не теряетъ своего тяготѣнія къ центру этого міра—имущественно правовой личности, хотя физическая исчезла безвозвратно.

---

*) L. 193 D. de R. S. 50, 17. Omnia fere jura heredum perinde habentur ac si continuo sub tempus mortis heredes exstitissent. L. 138 D. cod. Omnis hereditas, quamvis postea adeatur, tamen cum tempore mortis continuatur. Срав. L. 54. D. (29. 2). L. 29 § 4 D. 45. 3.

Итакъ наслѣдственное право есть право на представляемую правомочнымъ личность оставившаго наслѣдство, и вмѣстѣ съ тѣмъ и на его имущество.

Такова римская постановка самаго понятія о наслѣдствѣ. Нельзя не признать всей глубины этого опредѣленія, всего соотвѣтствія всестороннему значенію наслѣдственнаго права Ниодинъ изъ кодексовъ новаго времени не выражаетъ опредѣлительно этого понятія о наслѣдованіи, хотя во всѣхъ оно принято такъ сказать молчаливо, и на немъ строятся весьма важныя стороны наслѣдственнаго института, какъ напримѣръ переходъ обязательствъ на наслѣдниковъ. На чемъ основывается обязанность отвѣтствовать за долги умершаго, удовлетворять за вредъ и убытки, происшедшие отъ его дѣяній и т. д., если мы отвергнемъ ту почву, которую даетъ намъ римское право для объясненія юридической разумности такого перехода обязательствъ? Въ русскомъ правѣ понятіе о вступленіи наслѣдника въ личность умершаго свѣтится такъ ярко, какъ ни въ одномъ изъ западныхъ кодексовъ.

Въ то время какъ большинство европейскихъ законодательствъ обязываютъ наслѣдника отвѣтствовать по обязательствамъ и долгамъ умершаго въ томъ размѣрѣ, въ какомъ осталось наслѣдственное имущество, нашъ сводъ прямо требуетъ отъ принявшаго наслѣдство полнаго удовлетворенія по долгамъ и обязательствамъ, такъ что и собственное имущество наслѣдника идетъ на это удовлетвореніе, если пассивная часть наслѣдства превышаетъ активную (ст. 1259),—словомъ, такого безусловнаго удовлетворенія, котораго можно требовать только отъ лица умершаго должника. Говоря это, я не хочу сказать, чтобы законодательство наше шло въ этомъ случаѣ по слѣдамъ римскаго права. Совсѣмъ нѣтъ, ибо римское право признаетъ наслѣдника обязаннымъ отвѣтствовать настолько по долгамъ умершаго, насколько онъ дѣйствительно получилъ активнаго имущества *) но разумъ этой статьи, ея юридическій смыслъ тотъ, что

*) Я разумѣю „beneficium inventarii," введенное Юстиніаномъ, до котораго наслѣдникъ отвѣчалъ за долги умершаго, если они и превышали активное имущество. L. 8. D. 29. 2. Особенное исключительное право въ этомъ отношеніи было предоставлено воинамъ.

наслѣдникъ представляетъ собою личность умершаго, что вполнѣ совпадаетъ съ началами римскаго пониманія.

Это блестящее положеніе римскаго права, что имущественно правовая личность безсмертна и что наслѣдникъ представляетъ собою продолженіе этой личности послѣ умершаго наслѣдодателя, повидимому, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ ученіемъ о личности самаго наслѣдства, о томъ что наслѣдство, когда оно есть *jacens*, представляетъ собою лицо. По ученію римскаго права въ періодъ времени, протекающій между смертію оставившаго наслѣдство и вступленіемъ въ него наслѣдника, т.-е. формальнымъ изъявленіемъ его воли о принятіи наслѣдства, послѣднее представляетъ собою, по мнѣнію нѣкоторыхъ цивилистовъ, юридическое лицо, которое не только охраняетъ его отъ уничтоженія и безхозяйности, но и производитъ юридическія дѣйствія, которыя могутъ уменьшить или умножить имущество, оно пріобрѣтаетъ чрезъ accessio, оно имѣетъ искъ изъ недозволенныхъ дѣйствій, искъ противъ negotiorum gestor'а, а равно и обязательства, возникшія посредствомъ negotiorum gestio. Все это прямо противорѣчитъ основному положенію наслѣдственнаго права, что имущественная личность безсмертна и отзывается повидимому крайнею непослѣдовательностью со стороны римскаго юридическаго ума. Съ какой стати возводить наслѣдство въ юридическую личность, если правовой субъектъ наслѣдства постоянно существуетъ? какая въ этомъ надобность? Наслѣдство не принято, jacet, какъ говорили Римляне. Но что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ ли то, что непринятіе наслѣдства въ данный моментъ, отсутствіе около него лица безусловно предполагаетъ, что такое лицо пока вовсе не существуетъ? Совсѣмъ нѣтъ. Развѣ нельзя быть юридически субъектомъ извѣстнаго права, не обладая имъ въ тоже время фактически? Правовой субъектъ наслѣдства, наслѣдникъ, всегда существуетъ, будетъ ли это родственникъ по нисходящей, восходящей или боковой линіи, или же за отсутствіемъ и неправоспособностью ихъ казна — все равно. Мы не можемъ согласиться съ мнѣніемъ, проводимымъ весьма почтенными юристами, что принадлежность наслѣднику права на открывшееся наслѣдство съ самаго момента смерти наслѣдодателя безусловно, въ силу

непрерывности юридической жизни, предполагаетъ принятіе наслѣдственнаго имущества. Нѣтъ, принятіе имущества не есть существенный моментъ, созидающій наслѣдника. Я могу быть наслѣдникомъ, когда нѣтъ ни активнаго, ни пассивнаго имущества, стало-быть когда и принимать *нечего.* Итакъ, какая же нужда фиктировать въ лежащемъ наслѣдствѣ юридическое лицо? Одно что-нибудь: или есть моменты, когда нѣтъ правоваго субъекта, слѣдовательно имущественно правовая личность не безсмертна, или же наслѣдство никогда не есть юридическое лицо. Это обстоятельство приводитъ въ крайнее смущеніе, если признавать за несомнѣнное, что Римляне считали наслѣдство юридическимъ лицомъ. Но этого никогда не было на самомъ дѣлѣ. Римское право далеко отъ этого признанія, непослѣдовательность вовсе была несвойственна Риму. Нѣкоторыя выраженія corpus juris о лежащемъ наслѣдствѣ, т.-е. которое еще не принято наслѣдниками, выраженія каковы *domina, defuncti locum obtinet, domini loco habetur* (L. 15. D. 11. 1. L. 31 § 1. D. 38. 5), породили неправильное мнѣніе, что наслѣдство есть юридическое лицо, и долго поддерживали самыхъ ученѣйшихъ цивилистовъ въ этомъ заблужденіи. Не разъ загорались жаркіе споры о томъ, считать ли наслѣдство юридическимъ лицомъ. Горячимъ сторонникомъ этого мнѣнія является Пухта. Въ своихъ пандектахъ онъ рѣзко высказывается противъ Игеринга и Савиньи, не признающихъ юридическаго лица въ наслѣдствѣ *). Сначала Розгиртъ, а потомъ Савиньи, Арнтсъ, Блунчли, Бринцъ, Синтенисъ **) и, наконецъ, въ послѣднее время профессоръ Марбургскаго университета Кеппенъ (въ своемъ превосходномъ сочиненіи System des heutigen röm. Erbrechts, 1862) положительно доказали, что фикція юридическаго лица въ приложеніи къ лежащему наслѣдству никогда не была раздѣляема римскими юристами и что всецѣло она изобрѣтена цивилистами новаго времени. При правильномъ пониманіи римскаго права оказывается, что для лежащаго наслѣдства доступны лишь такія юридическія отношенія, которыя вовсе не обу-

*) Pandekt. von Puchta § 447. Vorlesung. § 447.

**) Roszhirt. Arch. Bd. X. § 314. Savigny Syst. II. § 363—373. Arndts Pand. § 465 Anm. 2. Bluntschli deut. Privatr. § 65, 531. Brinz Lehrb. § 154—155. Sintenis. Pract. Civilr. Bd. 1. Buch. II § 13. Anm. 14.

словливаются существованіемъ личности и въ которыя можетъ стать всякое имущество или само по себѣ, такъ сказать, *ipso jure*, или вслѣдствіе осуществленія какого-либо факта, отъ котораго извѣстныя юридическія отношенія были поставлены въ зависимость самимъ завѣщателемъ. Для лежащаго наслѣдства никогда не доступно пріобрѣтеніе такихъ правъ и обязательствъ, происхожденіе и бытіе которыхъ немыслимо безъ существованія физическаго лица. Приложеніе фикціи юридическаго лица къ лежащему наслѣдству является главнымъ образомъ при пріобрѣтеніи рабами, принадлежащими къ hereditas jacens. Рабъ не могъ ничего пріобрѣтать лично, его способность пріобрѣтенія вообще исходила отъ его господина, слѣдовательно предполагала извѣстное и правоспособное лицо; если же нѣтъ, то пріобрѣтеніе не имѣло никакого юридическаго значенія, или по крайней мѣрѣ весьма сомнительное. Къ пріобрѣтенію рабами по строго-цивильному праву принадлежало и назначеніе ихъ наслѣдниками; дѣйствительность этого назначенія обусловливалась тѣмъ, что рабъ въ моментъ составленія завѣщанія имѣлъ господина правоспособнаго къ назначенію наслѣдника, т.-е. который былъ testabilis. То же самое является и при пріобрѣтеніи требованій, возникающихъ изъ стипуляцій рабовъ, равно какъ и при пріобрѣтеніи собственности, если рабъ позволилъ себѣ манципировать вещь. Чтобы поставить это въ строгія формы права, римляне ввели для пріобрѣтенія рабами, принадлежащими къ наслѣдству еще не принятому, фикцію, что правоспособность ихъ, т.-е. рабовъ, исходитъ отъ умершаго лица, оставившаго наслѣдство, такъ какъ правоспособность неизвѣстнаго еще наслѣдника была недостовѣрна вполнѣ. Практическій интересъ этой фикціи мы объяснимъ въ слѣдующихъ примѣрахъ: если правоспособный римлянинъ умиралъ безъ завѣщанія и кто-либо назначалъ своимъ наслѣдникомъ раба, принадлежавшаго къ оставленному имъ наслѣдству, которое еще не получило опредѣленнаго представителя, то назначеніе это имѣло юридическую силу вслѣдствіе вышеозначенной фикціи, ибо оно относилось къ умершему — правоспособному дѣлать назначеніе наслѣдника; безъ этой фикціи дѣйствительность назначенія оставалась сомнительною, потому что неизвѣстный будущій наслѣдникъ могъ быть *intestabilis*. Точно также и

стипуляціонный договоръ раба „spondes-spondeo" могъ быть осмысленъ только изъ предположенія полной правоспобности умершаго его господина, а никакъ не будущаго наслѣдника.

Это открытіе, сдѣланное великимъ мастеромъ науки Савиньи (Syst. 12. § 363—373), вызвало горячую полемику, въ которой особенно важную роль занимаютъ Пухта, Игерингъ, Унгеръ и Виндшейдъ. Споръ этотъ, возбужденный Савиньи до настоящаго дня остается нерѣшеннымъ. *)

Вотъ въ какомъ смыслѣ римляне понимали личность въ лежащемъ наслѣдствѣ. Мы прямо можемъ сказать, что наслѣдство никогда не было юридическимъ лицомъ, и все то, что приписываютъ ему какъ лицу, относилось не къ наслѣдству, а къ умершему его собственнику. Если олицетворять наслѣдство, у котораго еще нѣтъ опредѣленнаго собственника, то съ такимъ же правомъ мы можемъ считать юридическимъ лицомъ имущество, принадлежащее безвѣстно-отсутствующему. Повторяемъ, что въ свѣтломъ правовомъ пониманіи римлянъ имущественная гражданская личность была безсмертна, что никакого перерыва въ юридическомъ смыслѣ они не допускали между имущественными правами наслѣдодателя и наслѣдника, и потому не предстояло никакой надобности олицетворять лежащее наслѣдство. Ни на одинъ моментъ въ гражданской правовой жизни имущество не остается безъ владыки. Это провозглашается всѣми кодексами, которые не выражаютъ прямо римскаго понятія о наслѣдствѣ, но оно такъ глубоко, такъ могуче, что какъ бы помимо сознанія и воли молчаливо кладется въ основаніе для постройки ими существенныхъ сторонъ наслѣдственнаго института.

Мы должны перейти теперь къ другой не менѣе замѣчательной особенности римскаго права, которая составляетъ какъ бы логическое послѣдствіе предыдущаго положенія,

---

*) Вся полемика эта о hereditas jacens превосходно изложена въ капитальнѣйшемъ трудѣ профессора В. Н. Никольскаго „Объ основныхъ моментахъ наслѣдованія" и который по громадной эрудиціи, строгой послѣдовательности выводовъ и ясности изложенія занимаетъ первое мѣсто въ ряду произведеній нашей юридической литературы.

„что имущественно гражданская личность безсмертна,“ это —къ универсальности наслѣдованія.

Въ массу вещей, группирующихся около личности во весь этотъ имущественный міръ, наслѣдникъ вступаетъ всецѣло и, такъ сказать, въ одинъ моментъ. Онъ сразу дѣлается центромъ тяготѣнія всѣхъ составныхъ частей этого міра, но не принимаетъ отдѣльно каждаго права. Послѣднее, т.-е. сингулярное преемство составляетъ исключеніе, которое всегда предполагаетъ существованіе общаго правила, т.-е. универсальнаго наслѣдованія. Такое пониманіе, имѣющее научный философскій характеръ, было господствующимъ въ Римѣ въ самыя древнія эпохи. Оно выражено ясно и отчетливо въ законѣ 12-ти таблицъ. Къ нему пришелъ Римъ не путемъ абстрактныхъ соображеній, а чисто вслѣдствіе громаднаго правоваго такта, которымъ такъ богато былъ одаренъ его юридическій умъ. То, что высказано въ законѣ 12-ти таблицъ, было столь достаточно и глубоко, что, по свидѣтельству Савиньи *), наукѣ права въ пору самаго блестящаго ея развитія ничего не оставалось къ этому прибавить. Не столько юрисконсульты, сколько императоры въ своихъ рескриптахъ это инстинктивное пониманіе римскаго народа „что наслѣдство должно имѣть исключительно универсальный характеръ“ возвели до апогея **).

Есть писатели, которые универсальное наслѣдованіе считаютъ исключительною принадлежностію римскаго наслѣдственнаго института, чѣмъ по ихъ мнѣнію оно и должно оставаться въ противоположность другимъ законодательствамъ (какъ напримѣръ, германскимъ), которые вовсе не должны смущаться универсальностію наслѣдованія по римскому праву. Но послѣ вышеизложеннаго мы считаемъ излишнимъ опровергать это. Еще Савиньи высказывалъ глубокое сожалѣніе, что у этихъ писателей идея національности господствуетъ надъ требованіями высшаго юридическаго разума ***). Если въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Англіи, Америкѣ и Германіи,

---

*) См. Syst. B. 1, § 57.

**) См. L. 6. Cod. 3, 36. L. 25. § 3. C. 10, 2. L. 7. Cod. 4, 16. L. 26, Cod. 2, 3.

***) System. Bd. 8, § 374.

говоритъ Савиньи *), выказывается исключительное понятіе о сингулярномъ наслѣдованіи, то это значитъ только то, что въ положительномъ правѣ этихъ государствъ наслѣдственный институтъ стоитъ на низшей ступени своего развитія, тогда какъ у римлянъ вслѣдствіе правоваго такта онъ получилъ еще въ раннее время самое блестящее развитіе.

Болѣе 12-ти вѣковъ прошло съ того времени, какъ окончательно сложилась римская наслѣдственная система. Въ этомъ законченномъ зданіи, во всей его конструкціи и подробностяхъ, вы видите такую тѣсную необходимую связь, что каждое положеніе логически вытекаетъ изъ другаго и служитъ его предположеніемъ. Это не рядъ правовыхъ отношеній, выработанныхъ жизнію и правовымъ сознаніемъ народа, это какъ бы философская система, по которой проходитъ глубочайшая діалектическая связь. Изъ этого положенія, что наслѣдникъ вступаетъ моментно во все имущество и права умершаго, римскій юридическій умъ вывелъ другое коренное положеніе наслѣдственнаго права: *никто не можетъ имѣть двухъ наслѣдниковъ по завѣщанію и по закону* (nemo pro parte testatus, pro parte intestatus decedire potest). Съ другой стороны то же положеніе вытекаетъ изъ общаго принципа наслѣдственнаго права, что наслѣдникъ вступаетъ не въ имущество, а въ личность умершаго. Единство личности наслѣдодателя можетъ быть воплощено только въ одномъ лицѣ наслѣдника. Вотъ почему римское право сингулярныхъ преемниковъ вовсе не считало наслѣдниками—heres, оно называло ихъ легатаріями, отказопринимателями, не имѣвшими никакого прямаго отношенія къ личности умершаго.

Говоря объ общихъ принципахъ римской наслѣдственной системы, я долженъ указать еще на послѣднюю характеристическую черту ея, именно на отношеніе между собою наслѣдованія по завѣщанію и по закону. Я говорилъ въ предшествующей статьѣ, что въ римскомъ гражданскомъ правѣ вылились всѣ симпатіи, вся душа республиканскаго народа. Политическое самодержавіе римскаго гражданина

*) Ibid.

перешло въ сферу его имущественнаго господства съ такимъ же безпредѣльнымъ самоопредѣленіемъ относительно объектовъ его частнаго права, какъ безпредѣльно оно было въ народныхъ собраніяхъ въ сферѣ политическихъ отношеній. Вспомнимъ эти крупныя выраженія закона 12-ти таблицъ „*paterfamilias reti legassit uti occupassit ita jus esto*“ и предъ нами еще яснѣе обрисовывается частно-правовое могущество полноправнаго римскаго гражданина. Какъ одно изъ самыхъ замѣчательныхъ выраженій и, если хотите, аттрибутовъ этого могущества, есть право создавать себѣ наслѣдника, право, въ которомъ выражается безпредѣльная автономія гражданской воли относительно судебъ своего имущества. Это назначеніе наслѣдника было столь дорогою и любимою стороною среди гражданскихъ правомочій римлянина, что для него не было наказанія тяжелѣе и чувствительнѣе какъ сдѣлаться intestabilis — т.-е. потерять право назначать себѣ наслѣдниковъ, ибо это право есть необходимое условіе для того, чтобы самому сдѣлаться наслѣдникомъ по тестаменту. И такъ завѣщательное наслѣдованіе есть основной порядокъ наслѣдованія по римскому праву, и только отсутствіе тестамента открывало дорогу для наслѣдованія по закону. Завѣщаніе по римскому праву есть необходимая принадлежность права собственности. Мы не знаемъ когда первоначально въ Римѣ явился тестаментъ; намъ неизвѣстно также былъ ли онъ въ эпоху священнаго права (jus sacrum). Но въ законѣ 12-ти таблицъ онъ выступаетъ во всей своей обособленности отъ закононаслѣдственнаго порядка. Трудно объяснить это явленіе, если вспомнимъ, что тестаментъ вовсе не вяжется съ родовымъ бытомъ, а между тѣмъ въ первыя эпохи римской исторіи триста родовъ образуютъ изъ себя и своимъ развитіемъ опредѣляютъ государственный организмъ Рима и его жизнь. Да съ другой стороны не было и предметовъ завѣщанія, ибо въ ту эпоху поземельной собственности отдѣльныхъ лицъ не существовало; ager publicus былъ предметомъ только государственной собственности, которая уступалась во временное владѣніе римскимъ гражданамъ. Движимость, имѣвшая какое либо отношеніе къ войнѣ, слѣдовательно всѣ металлы и т. д. разсматривалась также какъ собственность государства. Естественно, что въ корпораціи по-

строенной на войнѣ и грабежѣ, чѣмъ и былъ Римъ въ первыя эпохи, всякое имущество, имѣя одно общее назначеніе, разсматривается какъ общее достояніе. Слѣдовательно первые моменты возникновенія тестамента совершенно правильно мы можемъ относить ко времени возникновенія частной собственности, т.-е. послѣ секуляризаціи священнаго права, совершившейся въ концѣ царскаго періода.

Совершенно другое мы видимъ у германскихъ народовъ. Тамъ завѣщательное наслѣдованіе представляется слишкомъ позднимъ и исключительнымъ явленіемъ. Наслѣдство переходитъ подъ вліяніемъ родоваго быта исключительно къ тѣмъ лицамъ, которыя стоятъ съ умершимъ въ кровной родовой связи. Отсюда основное положеніе германскаго права, что не человѣкъ, а Богъ создаетъ наслѣдника (Gott, nicht der Mensch, macht den Erben). Даже послѣ принятія римскаго права отношеніе наслѣдственнаго права по закону къ наслѣдованію по завѣщанію было измѣнено настолько, что правило римскаго права, по которому наслѣдованіе по закону представляетъ исключеніе вслѣдствіе отсутствія тестамента, измѣняется въ германскомъ правѣ такъ, что въ немъ является важнымъ по своимъ послѣдствіямъ правиломъ естественное наслѣдованіе семейства. Нѣкоторые изъ кодексовъ романскихъ народовъ усвоили себѣ римскій взглядъ на отношеніе между собою завѣщательнаго и законнаго порядка наслѣдованія, какъ правила и исключенія. Рельефнѣе другихъ это высказывается въ гражданскомъ уложеніи Итальянскаго королевства. Наслѣдство представляется по завѣщанію или по закону, говоритъ ст. 720, и наслѣдство по закону имѣетъ мѣсто только въ томъ случаѣ, когда нѣтъ завѣщанія на все или на часть имущества.

Но какъ смотрѣть на отношеніе обоихъ порядковъ наслѣдованія между собою съ точки зрѣнія общихъ началъ права? Какой системѣ принадлежитъ большая сообразность съ требованіями высшаго юридическаго разума, римской или германской? Едва ли можно долго колебаться въ признаніи юридической правильности и безусловной разумности римской системы. Завѣщаніе есть составная часть собственности, въ немъ высказывается право полновластнаго *распоряженія* своимъ имуществомъ, словомъ то, въ чемъ выра-

жается всегда право собственности. Если по этому праву власть моя надъ вещью безпредѣльна и простирается до ея уничтоженія, то во имя этой власти я могу безотчетно передать ее послѣ моей смерти тому, съ кѣмъ я соединенъ физическими или нравственными узами. Въ ограниченіи завѣщательнаго распоряженія прямо выражается ограниченіе собственности, слѣдовательно несвободность, неразвитость всей гражданско-правовой жизни. Вообще свобода завѣщанія можетъ служить вѣрнымъ указателемъ степени юридическаго развитія гражданскаго общества. Родовой элементъ поражаетъ завѣщаніе и одно уже присутствіе его въ положительномъ законѣ свидѣтельствуетъ о юридической незрѣлости этого послѣдняго. Французское право въ лицѣ составителей наполеонова кодекса уничтожило всякое различіе между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ имуществомъ (biens propres et acquêtés). Скоро ли и мы разстанемся съ этою юридическою аномаліею, которая родилась на почвѣ не гражданскаго, а государственнаго права, и въ своемъ настоящемъ существованіи не оправдывается ни потребностями быта, ни правовымъ воззрѣніемъ нашего народа.

Н. П. Ляпидевскій.

ОБЪ УГОЛОВНОМЪ ПРЕСЛѢДОВАНІИ

покусившихся на самоубійство.

„Предавать же суду тѣхъ, кому не угрожаетъ ни уголовное, ни исправительное наказаніе, было бы вовсе не согласно съ цѣлію уголовнаго правосудія.“

(Изд. Гос. Канц., Уст. Угол. Суд. стр. 361).

1473 ст. Уложенія о Наказаніяхъ давно уже въ своемъ практическомъ примѣненіи возбуждаетъ недоразумѣнія и пререканія между органами судебной власти. Направленіе дѣлъ по преступленіямъ, преслѣдуемымъ этою статьей, понимается различно, отчего нерѣдко между судомъ и прокурорскимъ надзоромъ возникаютъ пререканія, исходъ которыхъ закономъ прямо не предусмотрѣнъ, такъ какъ 528 ст. Уст. Угол. Суд. очевидно тутъ не помогаетъ, ясно намекая, однако, на стремленіе закона выгородить свободу мнѣнія направляющаго дѣло прокурора отъ всякаго контроля, или вліянія суда. Въ виду этого послѣдняго, во всѣхъ отношеніяхъ неудобнаго обстоятельства, желательно установить разъ навсегда общій для всѣхъ органовъ правосудія взглядъ на то направленіе дѣлъ о покусившихся на самоубійство, которое довольно, кажется, ясно опредѣляется закономъ, если сообразить разсматриваемую нами статью Уложенія съ другими, а также съ подлежащими указаніями Уст. Угол. Суд.

Лучшимъ средствомъ для установленія такого общаго взгляда представляется на первый разъ обмѣнъ мыслей между юристами практиками и юристами теоретиками, а лучшимъ мѣстомъ для этого страницы юридическаго журнала,

спеціально посвященнаго разработкѣ всѣхъ возникающихъ на практикѣ вопросовъ и недоразумѣній.

Такъ какъ мнѣнія, сталкивающіяся на практикѣ, при своей противоположности скудны доводами, то мы сочли небезполезнымъ, излагая свой личный взглядъ, разсмотрѣть вопросъ во всемъ его объемѣ.

1473 ст. толкуется, главнымъ образомъ, двояко. По мнѣнію однихъ, дѣла о покусившихся лишить себя жизни подлежатъ окружному суду, по мнѣнію другихъ—суду духовному. Мы раздѣляемъ послѣднее мнѣніе и даже не понимаемъ возможности перваго, и вотъ почему.

Сторонники перваго взгляда основываютъ его исключительно на географическомъ положеніи этой статьи въ раздѣлѣ X о преступленіяхъ противъ чести, свободы, здравія и жизни частныхъ лицъ, и поэтому покушеніе на самоубійство не признаютъ изъятымъ изъ общаго порядка судопроизводства, не считая, вслѣдствіе того, правильнымъ примѣненіе къ этому случаю 1002 ст. Уст. Угол. Суд., по которой преступленія, влекущія за собою одно лишь церковное покаяніе, вѣдаются духовнымъ судомъ. Предположивъ даже, что смыслъ извѣстной статьи долженъ быть истолкованъ единственно на основаніи того, или другаго отдѣла, къ которому пріурочена она составителемъ кодекса, все-таки нельзя убѣдиться въ правильности такого взгляда уже по одному тому очень простому соображенію, что ст. 1001—1016 Уст. Угол. Суд. хотя и касаются, какъ это объяснено въ заглавіи, преступленій противъ вѣры и другихъ, соединенныхъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ, но не смотря на то распространяются и на другіе отдѣлы Уложенія, какъ это видно по ссылкамъ, указаннымъ въ 1015 и 1016 ст. Уст. Угол. Суд. на 1569 и 1585 ст., помѣщенныя въ совершенно другомъ, XI раздѣлѣ Уложенія „о преступленіяхъ *противъ правъ семейственныхъ*.“

Слѣдовательно несомнѣнно, даже по географическому способу распознаванія смысла статей, (въ особенности неудобному при системѣ нашего Уложенія), что ст. 1001—1016 Уст. Угол. Суд. обнимаютъ собою не одинъ только II раздѣлъ Уложенія, но и всѣ безразлично остальные, гдѣ только имѣются статьи, опредѣляющія, кромѣ уголовнаго или

исправительнаго наказанія, и церковное покаяніе по распоряженію духовнаго начальства, или одно только послѣднее.

Затѣмъ тотъ же географическій способъ, вторично поражая вооруженныхъ имъ, ясно показываетъ намъ, что первая глава, говорящая „о преступленіяхъ противъ вѣры и другихъ, соединенныхъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ" начинаетъ собою раздѣлъ 1 третьей книги Устава Угол. Суд., а этотъ раздѣлъ носитъ слѣдующее общее заглавіе: «*о судопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства,» т. е. такимъ, по которымъ законъ опредѣляетъ въ наказаніе или одно только церковное покаяніе, какъ въ 1473 ст., или это покаяніе совмѣстно съ другимъ уголовнымъ или исправительнымъ возмездіемъ*. Такъ участіе духовнаго вѣдомства въ сихъ дѣлахъ неизбѣжно, а преступленія, влекущія за собою подобныя наказанія, разсыпаны безразлично по всему Уложенію, съ первыхъ его и до послѣднихъ статей. Такимъ образомъ заглавіе 1 главы 1 раздѣла 3 книги Уст. Угол. Суд. представляется весьма неудачнымъ девизомъ сторонниковъ мнѣнія о подсудности покусившихся на самоубійство окружному суду.

Оставляя теперь столько же возлюбленную ими, сколько и предательскую для нихъ географическую почву, обратимся къ инымъ источникамъ истиннаго пониманія 1473 ст.

По этой статьѣ покусившійся въ здравомъ умѣ лишить себя жизни и остановленный въ томъ посторонними обстоятельствами „предается, *если онъ христіанинъ*, церковному покаянію по распоряженію своего духовнаго начальства;" а по ст. 1002 Уст. Угол. Суд. дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которыхъ *въ законахъ уголовныхъ* полагается лишь церковное покаяніе, или отсылка виновнаго къ духовному суду, подлежатъ *исключительно* сему суду." Сопоставленіе этихъ двухъ статей не допускаетъ, кажется, ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что дѣла о покусившихся на самоубійство, если только слѣдствіемъ не обнаружено какого либо сторонняго къ тому содѣйствія или вліянія (1475 и 1476 ст. Улож.), не могутъ подлежать разсмотрѣнію свѣтскаго суда; а религіозный характеръ, который приданъ этому преступленію выраженіемъ „*если онъ христіанинъ*," ясно указываетъ на подсудность подобныхъ дѣлъ духовному суду даже

при томъ узкомъ толкованіи 1002 ст. Уст., о которомъ мы говорили выше.

Наказанія, которыя въ правѣ налагать окружный судъ *всѣ* перечислены во второй главѣ I раздѣла Уложенія. Между ними *нигдѣ* не встрѣчается *„церковнаго покаянія"*, или *„отсылки къ духовному суду,"* въ смыслѣ самостоятельнаго наказанія, а лишь упоминается о нихъ, въ ст. 58 этого раздѣла, *какъ о придаточныхъ,* въ извѣстныхъ случаяхъ къ уголовному, или исправительному наказанію, при чемъ духовное начальство опредѣляетъ виды и сроки этого покаянія.

Далѣе, для того чтобы преступленіе, влекущее за собою такъ, или иначе церковное покаяніе, подлежало окружному суду, по смыслу закона требуется наличность трехъ условій: или чтобы оно заключало въ себѣ два дѣянія подсудныхъ одно свѣтскому, а другое духовному судамъ въ неразрывной между собою связи, или же относилось къ двумъ различнымъ дѣяніямъ, каждое особо подлежащимъ вѣдомству сихъ обоихъ судовъ, или же, наконецъ, чтобы преданіе церковному покаянію явилось бы неминуемымъ послѣдствіемъ вмѣненія свѣтскаго и уже свѣтски-наказаннаго преступленія. Ниодно изъ преступленій, влекущихъ за собою по Уложенію лишь церковное покаяніе, не совмѣщаетъ въ себѣ ниодного изъ такихъ условій. Вышеобъясненный смыслъ закона очень категорически разработанъ въ комментаріяхъ къ ст. 1001—1029 Уст. Угол. Суд. по изданію Гос. Канц.

Правило это, раскрывающееся общимъ смысломъ закона совершенно разумно и цѣлесообразно. Дѣйствительно, свѣтскій судъ можетъ быть компетентенъ только относительно преступленій, караемыхъ свѣтскимъ наказаніемъ. Существуетъ множество дѣяній, противныхъ правиламъ нравственности и религіи, не преслѣдуемыхъ однако ни въ одномъ свѣтскомъ кодексѣ, для котораго неуловимъ религіозный, внутренній міръ человѣческой души. Что наше законодательство покушеніе на самоубійство, если такое совершено не въ безуміи, сумасшествіи, или временномъ безпамятствѣ, относить именно къ сферѣ такихъ религіозныхъ преступленій, ясно изъ того, что оно преслѣдуетъ за то *лишь виновныхъ христіанскаго вѣроисповѣданія.* Изъятіе это нигдѣ не встрѣчается въ другихъ предусмотрѣнныхъ Уложеніемъ на-

казаніяхъ. И, дѣйствительно, возможно ли гражданскую подсудность даннаго преступленія опредѣлять принадлежностью обвиняемаго къ тому, или другому вѣроисповѣданію: кража, грабежъ, поджогъ, убійство и т. п. одинаково вѣдаются окружнымъ судомъ, совершены ли они христіаниномъ, евреемъ, или магометаниномъ; къ чему бы, слѣдовательно, оставлять безъ преслѣдованія евреевъ и магометанъ, покусившихся лишить себя жизни, еслибы такое преступленіе, дѣйствительно, подлежало разсмотрѣнію свѣтскаго суда?

Эти общія соображенія подтверждаются и частнымъ, мелочнымъ обслѣдованіемъ интересующаго насъ вопроса. Такъ въ раздѣлѣ II Уложенія „о преступленіяхъ противъ вѣры и о нарушеніи ограждающихъ оную постановленій“ мы находимъ *одну только* 208 статью, по которой виновные изъ лицъ православнаго исповѣданія, уклоняющіеся отъ исповѣди и причащенія по нерадѣнію, не преслѣдуемые свѣтскимъ судомъ, „подвергаются церковнымъ наказаніямъ по усмотрѣнію и распоряженію духовнаго начальства;“ изъ остальныхъ затѣмъ статей этого раздѣла только 185, 188 и 207 не опредѣляютъ за означенныя въ нихъ дѣянія свѣтскихъ наказаній, но и эти три статьи назначаютъ не „церковное покаяніе“ или отсылку виновнаго къ духовному суду“, а лишь „*вразумленія*“, „*увѣщанія*“ и „поступленія по правиламъ церковнымъ.“ Мѣры эти, очевидно, не имѣютъ никакого уголовнаго характера и не могутъ назваться „наказаніями“ въ смыслѣ возмездія, кары, или исправленія. Слѣдовательно, если смотрѣть на ст. 1002 Уст. Угол. Суд., какъ относящуюся, по выше упомянутому толкованію, исключительно къ этому II раздѣлу Уложенія, то окажется, что она касается *лишь одного, и то не преступленія, а проступка*, состоящаго въ уклоненіи по нерадѣнію отъ исповѣди и причащенія; между тѣмъ какъ такой выводъ уже по грамматическому толкованію будетъ несогласенъ съ буквальнымъ текстомъ 1002 ст., говорящей о „*дѣлахъ*“ по *преступленіямъ и проступкамъ, за которые въ законахъ уголовныхъ* полагается“ и т. д.

Наконецъ пріуроченіе этой статьи только ко II раздѣлу Уложенія, какъ на основаніи тождества заглавій первой главы I раздѣла Уст Угол. Суд. и втораго раздѣла Уложенія о наказаніяхъ, такъ и того мѣста, которое статья эта занимаетъ въ Уставѣ, оказывается неосновательнымъ, кромѣ

того, что глава эта составляетъ часть раздѣла *„о судопроизводствѣ по уголовнымъ дѣламъ, производимымъ съ участіемъ духовнаго вѣдомства,“* какъ объ этомъ мы говорили уже выше, и потому что 1002 ст. сотвѣтствуетъ 149 статьѣ Основныхъ Положеній, которая въ этихъ Положеніяхъ помѣщена въ 5 отдѣлѣ *„о судопроизводствѣ по дѣламъ смѣшанной подсудности* гражданской и духовной“, *но не въ 1 „о судопроизводствѣ противъ вѣры“*. Съ другой стороны 1002 ст., какъ это видно изъ заглавія ея частнаго отдѣла, не относится къ преступленіямъ противъ вѣры только, какъ утверждаютъ сторонники противнаго намъ мнѣнія, но касается и *всѣхъ „другихъ, соединенныхъ съ нарушеніемъ церковныхъ правилъ“*. Къ этой послѣдней категоріи нельзя не отнести и покушенія на самоубійство, такъ какъ виновный въ томъ *не по нерадѣнію* (ст. 208 Улож.), *а умышленно уклоняется отъ исповѣди и причащенія*, разставаясь съ жизнію, и знаетъ притомъ, что ему грозитъ *лишеніе христіанскаго погребенія* (ст. 1472 Улож.), а слѣдовательно, посягая на свою жизнь, прямо *нарушаетъ церковныя правила.*

Такимъ образомъ вопросъ о правѣ окружнаго суда судить покусившихся на самоубійство разрѣшается въ принципѣ отрицательно и разрѣшается такъ на точномъ основаніи текста, смысла и взаимной логической связи подлежащихъ и разсмотрѣнныхъ нами законоположеній. Къ тому же убѣжденію приходимъ мы и *въ виду практическихъ послѣдствій* разрѣшенія его въ сторону противоположную. Несообразнымъ тутъ прежде всего является то, что отвѣтственными подсудимыми будутъ одни только христіане. Лица же другихъ вѣроисповѣданій тотъ же проступокъ будутъ совершать безнаказанно, и суду останется лишь смотрѣть на нихъ, сложа руки. Затѣмъ судъ, признавъ подсудимаго виновнымъ, окажется несостоятельнымъ въ опредѣленіи ему рода и степени наказанія, что прямо противорѣчитъ коренному началу судопроизводства, и наконецъ, духовное начальство, получивъ приговоръ окружнаго суда о признаніи подсудимаго виновнымъ, обязано будетъ привести этотъ приговоръ во что бы то ни стало въ исполненіе, не пользуясь тѣми гарантіями и тою долею вліянія, которыя предоставлены ему въ прочихъ дѣлахъ, вѣдаемыхъ свѣтскою и исполняемыхъ духовною властями (1020—1029 ст. Уст. Угол. Суд.), и такимъ образомъ сдѣлать-

ся по отношенію окружнаго суда простымъ исполнительнымъ мѣстомъ, что вовсе не соотвѣтствуетъ цѣли и духу Уставовъ 20 ноября, стремившихся въ подобныхъ случаяхъ сохранить за духовнымъ судомъ и управленіемъ ту самостоятельность,которая присвоена имъ „древними вселенскими постановленіями церкви, всегда долженствующими сохранить свою обязательную силу", и поэтому съ „особенною осторожностью" относившихся къ „обсужденію всякаго рода вновь вводимыхъ мѣръ, въ чемъ либо касающихся духовнаго суда и правленія и вообще церковнаго законодательства". (Изд. Гос. Канц. комм. къ ст. 1016).

Само собою разумѣется, что, не признавая дѣла о покушеніи на самоубійство подсудными окружному суду, мы вовсе не желаемъ тѣмъ совершенно изъять ихъ отъ всякаго контроля и вліянія свѣтской судебной власти. Понятно, что дѣла эти должны начинаться общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, обслѣдоваться въ виду возможности предполагать въ такихъ случаяхъ или другія преступленія (1475 и 1476 ст. Улож.), или безуміе и сумасшествіе, влекущія за собою гражданскія административныя послѣдствія *), и поступать затѣмъ на разсмотрѣніе прокурорскаго надзора, который всегда въ правѣ, не усматривая въ нихъ ни другаго свѣтскаго преступленія, ни признаковъ безумія, или сумасшествія обвиняемаго, составить заключеніе о передачѣ дѣла духовному начальству.

Въ заключеніе считаемъ долгомъ высказать, что такъ какъ мнѣніе о подсудности покусившихся на самоубійство окружному суду — *мнѣніе господствующее*, а въ подкрѣпленіе его приводятся только разсмотрѣнные нами доводы, то мы, излагая свой личный взглядъ, признали полезнымъ укрѣпить его подробными основаніями, хотя всякое возраженіе противъ нихъ примемъ съ благодарностью.

П. Н. Обнинскій.

---

*) Ст. 95 Улож. и Прил. IV.

ЮРИДИЧЕСКІЕ ВОПРОСЫ,

разрѣшенные московскою судебною палатою при разсмотрѣніи нѣкоторыхъ дѣлъ въ 1871 году *).

XXVI.

По поводу толкованія 1520 ст. и примѣненія вмѣсто ея 1458 ст. Улож. о Нак.

Обстоятельствами дѣла обнаружено, что ночью на 9 апрѣля 1871 года къ избѣ крестьянки Дудиной подошелъ крестьянинъ Г—ъ и, постучавъ въ окно, спросилъ, гдѣ спитъ жилецъ ея портной Козловъ. На отвѣтъ Дудиной, что Козловъ спитъ у окна, выходящаго въ поле, Г—ъ подойдя къ сему послѣднему, началъ вызывать портнаго на улицу, говоря, что бьютъ его знакомаго солдата. Боясь Г—ва, съ которымъ онъ находился въ дурныхъ отношеніяхъ, Козловъ не согласился выйти изъ дому. Спустя около часа, Козловъ и всѣ бывшіе съ нимъ въ избѣ услыхали голосъ Г—ва, кричавшаго подъ окномъ, гдѣ спалъ Козловъ: „отпирай, мы идемъ" и грозилъ убить его. Затѣмъ начали ломать ставни у окна, гдѣ стояла кровать Козлова. Испуганный Козловъ сталъ за простѣнокъ, а женщины спрятались на печь и на палати. Когда отломанъ былъ болтъ у ставней и отворено окно, то раздались одинъ за другимъ два выстрѣла, отъ которыхъ

---

*) Эти вопросы составляютъ продолженіе вопросовъ, помѣщенныхъ мною въ *Судебномъ Вѣстникѣ* 1871 г. въ №№ 135, 136, 155, 168, 169, 180, 181, 183, 190. Авт.

освѣтило избу—значитъ, стрѣляли на близкомъ разстояніи, Дробь осыпала стѣны и окно. Чрезъ нѣсколько времени отломанъ былъ ставень у другаго окна и также былъ сдѣланъ выстрѣлъ дробью; наконецъ приступлено было къ отломанію ставня у третьяго окна, но болтъ не подался усиліямъ и выстрѣлъ сдѣланъ былъ въ ставень. Прокурорскимъ надзоромъ примѣнена была къ данному случаю 1520 ст. Улож. о Нак., но судебная палата нашла примѣненіе этого закона невозможнымъ. Основное начало, признаваемое Уложеніемъ въ приведенной статьѣ, состоитъ въ томъ, что отвѣтственность виновнаго существуетъ какъ тогда, когда онъ, совершая что-либо, предвидѣлъ возможность причиненія комунибудь смерти, такъ и тогда, когда онъ видѣлъ, что подобный результатъ произойдетъ отъ его бездѣйствія. Изъ сего слѣдуетъ, что законъ не ограничиваетъ понятія убійства случаями положительнаго дѣйствія виновнаго на пострадавшаго и не устраняетъ отвѣтственности за лишеніе жизни отрицательнымъ способомъ — бездѣйствіемъ. Хотя 1520 ст. говоритъ только о завѣдомомъ поставленіи кого-либо въ опасное положеніе, не упоминая о томъ, кончилось ли это смертью или нѣтъ, но примѣненіе ея всегда обусловливается фактомъ смерти оставленнаго. Это вытекаетъ какъ изъ приведенныхъ выше соображеній, такъ и изъ того, что она приравниваетъ указанные въ ней случаи къ 1458 ст., а эта послѣдняя считаетъ дѣяніе оконченнымъ только тогда, когда послѣдовала смерть, въ противномъ же случаѣ допускаетъ покушеніе. Опредѣливъ такимъ образомъ значеніе 1520 ст., оказывается, что дѣйствіе ея не можетъ распространяться на данный случай, заключающій въ себѣ не противозаконное бездѣйствіе виновнаго, а положительное воздѣйствіе его на пострадавшихъ. Останавливаясь затѣмъ на юридической оцѣнкѣ дѣянія Г—ва, судебная палата нашла, что оно состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ преступленій. Питая къ портному Козлову непріязнь, крестьянинъ Г—ъ, узнавъ гдѣ онъ спалъ ночью на 9 апрѣля, сдѣлалъ выстрѣлы по направленію въ своего врага, чѣмъ совершилъ покушеніе на убійство при указанныхъ въ 1454 ст. обстоятельствахъ. Что же касается до остальныхъ дѣйствій подсудимаго Г—ва, то на взглядъ палаты они представились въ слѣдующемъ видѣ: знаніе и предвидѣніе послѣдствій, какъ во-

обще внутренняя сторона преступленія, сказано въ палатскомъ опредѣленіи (мой докладъ 9 сентября 1871 г.), можетъ быть возстановляема кромѣ сознанія подсудимаго и по другимъ обстоятельствамъ дѣла. Поэтому если лицо, находящееся въ состояніи вмѣняемости, стрѣляетъ въ жилую избу, зная о нахожденіи въ ней людей, какъ это было въ данномъ случаѣ, то не остается сомнѣнія, что лицо это совершаетъ такое дѣйствіе, которое предвидѣннымъ послѣдствіемъ могло имѣть или опасность для жизни людей, или даже самую смерть, хотя безъ прямаго умысла на убійство. Здѣсь должна имѣть примѣненіе статья 1458, отличающаяся отъ даннаго случая лишь тѣмъ, что смерти отъ выстрѣловъ Г—ва никому не послѣдовало, по обстоятельствамъ отъ подсудимаго независѣвшимъ. По симъ соображеніямъ судебная палата дала этому дѣлу направленіе по 9, 1454 и 1458 ст. Улож. о Наказ.

XXVII.

Производящіяся въ мировыхъ установленіяхъ дѣла по преступленіямъ, преслѣдуемымъ въ порядкѣ частнаго обвиненія, до постановленія приговора, должны ли быть передаваемы въ общіе суды, на томъ основаніи, что подсудимый, кромѣ того, обвиняется въ преступленіи, подлежащемъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ?

Изъ часто встрѣчающихся на практикѣ случаевъ видно, что къ дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію палаты въ качествѣ высшей обвинительной камеры (523 и 518 ст.), присоединяются другія дѣла о томъ же подсудимомъ по обвиненію его въ какомъ-нибудь предусмотрѣнномъ уставомъ о наказ. проступкѣ и притомъ подлежащемъ преслѣдованію въ порядкѣ частнаго обвиненія (18 ст. уст. о нак.). Оказываются же они присоединенными къ дѣлу потому, что мировые судьи, на основаніи 205 ст., передаютъ ихъ къ судебнымъ слѣдователямъ для пріобщенія къ производимымъ ими дѣламъ, подлежащимъ обсужденію общихъ судебныхъ мѣстъ. Дѣла эти, пріобщенныя слѣдователями къ своему производству, остаются безъ всякаго движенія до окончанія слѣдствія о главномъ преступленіи подсудимаго, затѣмъ они поступаютъ къ прокурорскому надзору, который, не разсматривая

ихъ (511 ст. уст. уг. суд.), представляетъ въ судебную палату вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ или заключеніемъ по главному преступленію подсудимаго. Судебная же палата, разсматривая подлежащія ей въ предѣлахъ 518 и 523 ст. уст. уг. суд. заключенія и акты и руководствуясь рѣш. касс. деп. 1870 г. № 619, постоянно *направляетъ переданныя мировыми судьями дѣла частнаго обвиненія обратно на ихъ разрѣшеніе.* Процессуальная особенность дѣлъ по преступленіямъ частнаго обвиненія, сказано въ палатскомъ опредѣленіи по докладу 9 сентября, заключается въ томъ, что, начинаясь только по жалобамъ потерпѣвшихъ лицъ, они могутъ быть необлагаемы никакимъ наказаніемъ въ случаѣ примиренія потерпѣвшаго съ виновнымъ въ преступленіи лицомъ (18, 19 и 20 ст. уст. о нак.). Обязывая мироваго судью и предсѣдателя съѣзда (120 и 165 уст. уг. суд.) въ дѣлахъ этого рода, до постановленія приговора, склонять стороны къ миру, законъ eo ipso относитъ эти дѣла къ числу тѣхъ, разбирательство коихъ *исключительно свойственно мировымъ установленіямъ*, такъ какъ они во всякій моментъ до приведенія рѣшенія въ исполненіе могутъ быть прекращены примиреніемъ (16 ст. уст. уг. суд.). А отсюда по словамъ сената вытекаетъ тотъ выводъ, что въ случаѣ обвиненія кого-либо, кромѣ того, въ преступленіи подсудномъ общимъ судамъ, передача до постановленія приговора всякаго подлежащаго мировому разбирательству дѣла, *въ какомъ бы оное положеніи ни находилось*, изъ мироваго установленія въ суды общіе, было бы несогласно съ разумомъ и цѣлью закона. И дѣйствительно, не представляется никакой надобности въ передачѣ означенныхъ дѣлъ въ общіе суды, потому что безъ всякаго процессуальнаго неудобства, на основаніи 213 ст. уст. уг. суд., мировые судьи могутъ разрѣшить подлежащее ихъ разсмотрѣнію дѣло съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы въ случаѣ осужденія подсудимаго приговоры свои передавали по принадлежности для соображенія при постановленіи приговора по правиламъ о совокупности преступленій. Такого взгляда держится палата и въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ преданія обвиняемаго суду окружные суды, на основаніи 549 ст. уст. уг. суд., представляютъ еще другія о томъ же подсудимомъ дѣла частнаго обвиненія въ какихъ-либо незначительныхъ проступкахъ, поступившія прямо въ судъ изъ

мировыхъ учрежденій. Въ каждомъ подлежащемъ случаѣ палата проводитъ въ своихъ опредѣленіяхъ ту мысль, что окружнымъ судамъ не предстоитъ основанія руководствоваться 549 ст., такъ какъ по силѣ этого закона на усмотрѣніе палаты представляются только такія новыя обстоятельства, которыя могутъ имѣть вліяніе на измѣненіе подсудности или порядка судопроизводства (рѣш. касс. деп. 1869 г. № 49). Обнаруженіе же того, что преданный суду за высшее преступленіе подсудимый, обвиняется еще въ дѣяніи менѣе значительномъ, могущемъ окончиться примиреніемъ, не должно быть признаваемо новымъ обстоятельствомъ въ смыслѣ 549 ст. Представленія подобнаго рода оставляются безъ послѣдствій, а препровождаемыя при нихъ дѣла, по изложеннымъ выше соображеніямъ, передаются обратно въ мировыя учрежденія (докладъ 1 сентября и друг.).

XXVIII.

Какимъ порядкомъ могутъ быть взысканы убытки съ порубщика умершаго послѣ преданія суду, но до врученія ему копіи съ обвинительнаго акта?

Вопросъ этотъ возникъ въ судебной палатѣ въ первый разъ.—Поводомъ къ возбужденію его послужили слѣдующія обстоятельства. Лѣсные сторожа Ивановъ, Борисовъ и Федосѣевъ и пожарный староста Шуваловъ преданы были суду окружнаго суда за нерадѣніе по охраненію ввѣренныхъ имъ лѣсныхъ участковъ въ Брейтовской казенной дачѣ. Во время приготовительныхъ къ суду распоряженій оказалось, что сторожъ Борисовъ, до врученія ему копіи съ обвинительнаго акта, умеръ. Окружный судъ, разсмотрѣвъ дѣло по отношенію лишь къ наличнымъ подсудимымъ, призналъ ихъ по 351 ст. улож. о наказ. виновными и возложилъ на нихъ взысканіе въ пользу казны стоимости порубленнаго лѣса, судебное же преслѣдованіе относительно умершаго Борисова, за силою 16 ст. уст. угол. суд., прекратилъ. Но управленіе государственныхъ имуществъ на приговоръ этотъ принесло жалобу, въ которой проситъ слѣдующее съ умершаго Борисова, на основаніи 351 ст. улож. о наказ., денежное взысканіе въ количествѣ 9 руб. 90 коп. за порубленный въ его участкѣ лѣсъ, взыскать съ его наслѣдниковъ. При со-

ображеніи изложеннаго, необходимо принять на видъ, что по закону взысканіе за причиненные преступленіемъ вредъ и убытки имѣетъ мѣсто при доказанности происхожденія того преступленія по винѣ подсудимаго. Основываясь на этомъ коренномъ правилѣ, выраженномъ въ 59 ст. улож. о наказ., оказывается, что взысканіе съ наслѣдниковъ убытковъ, происшедшихъ отъ порубки лѣса во ввѣренномъ надзору участкѣ умершаго лѣснаго сторожа Борисова, возможно лишь въ случаѣ признанія его судебнымъ рѣшеніемъ виновнымъ въ небрежномъ охраненіи означеннаго участка (351, 59 и 360 ст. улож. о наказ.) Очевидно, что суду не предстоитъ надобности въ постановленіи рѣшенія о винѣ или невинности умершаго подсудимаго Борисова въ томъ смыслѣ, какой вообще придается этому рѣшенію уставами уголовнаго судопроизводства, но тѣмъ не менѣе судъ, производящій дѣло объ этомъ подсудимомъ, умершемъ послѣ преданія суду и до врученія ему копіи съ обвинительнаго акта, не долженъ былъ устранять себя отъ сужденія о гражданской отвѣтственности умершаго подсудимаго, т.-е. на сколько доказано совершеніе имъ дѣянія, дающаго право требовать вознагражденія за вредъ и убытки, причиненные симъ дѣяніемъ и насколько уважительно самое требованіе о вознагражденіи (рѣш. кас. деп. 1870 г. № 647). Такое обсужденіе дѣянія умершаго подсудимаго представлялось тѣмъ болѣе необходимымъ въ настоящемъ случаѣ, что къ нему предъявленъ былъ со стороны казеннаго управленія искъ о вознагражденіи, въ законѣ же (17 ст. уст. угол. суд.), по этому предмету сказано, что такіе иски о вознагражденіи, начатые въ уголовныхъ судахъ до прекращенія судебнаго преслѣдованія, разрѣшаются тѣмъ же уголовнымъ судомъ. Вслѣдствіе сего окружному суду, имѣвшему въ виду, что управленіе государственныхъ имуществъ требованіе свое о присужденіи съ умершаго подсудимаго вознагражденія за вредъ и убытки предъявило во время производства дѣла въ уголовномъ порядкѣ, надлежало войти въ разсмотрѣніе сего требованія въ изложенномъ выше порядкѣ, основанномъ (933 ст. уст. угол. суд.) на точномъ смыслѣ рѣшенія сената, помѣщеннаго въ сборникѣ 1870 г. подъ № 647. Обнаруживъ такимъ образомъ неправильное дѣйствіе въ производствѣ по сему дѣлу окружнаго суда, судебная палата въ качествѣ

высшаго въ порядкѣ подчиненности установленія, обязана съ тѣмъ вмѣстѣ принять и мѣры къ возстановленію нарушеннаго порядка (250 ст. уст. угол. суд.) Принимая на видъ, что по общему духу судопроизводства каждое дѣло рѣшается въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ (11 ст. общ. пол. 1862 г.) судебная палата находитъ, что разрѣшеніе дѣла по отношенію къ Борисову въ настоящее время въ палатѣ представлялось бы нарушеніемъ приведеннаго правила, потому что палата въ порядкѣ апелляціонной инстанціи разсматриваетъ лишь неокончательные приговоры окружныхъ судовъ (845 ст. уст. угол. суд.), каковаго приговора относительно Борисова и постановлено еще не было. Отсюда явствуетъ, что для правильнаго и согласнаго съ 1 ст. уст. угол. суд. направленія, настоящее дѣло слѣдуетъ возвратить для постановленія о дѣяніи Борисова приговора въ судъ первой инстанціи, т.-е. окружный судъ. Согласно съ этимъ настоящее дѣло разрѣшено и Московскою Судебною Палатою. (Докладъ 21 августа).

XXIX.

Упоминаемое въ 1649 ст. улож. о наказ. выраженіе «главный виновный» имѣетъ ли тождественное значеніе съ опредѣленіемъ этого рода участія по 12 ст. улож. о наказ.?

Обстоятельствами дѣла представлялось доказаннымъ, что жившій у крестьянина Котухова въ работникахъ крестьянинъ И. Савосинъ обвинялся въ пособничествѣ на кражу со взломомъ у своего хозяина денегъ, сговорившись предварительно съ другимъ крестьяниномъ, который долженъ былъ совершить самое преступленіе. Калужскій прокурорскій надзоръ примѣнилъ къ работнику Савосину 1647 ст., а не 1649 ст. улож. о нак., такъ какъ онъ былъ не главнымъ виновнымъ, а только пособникомъ. Обсуждая правильность сего взгляда, судебная палата приняла на видъ: 1) что главнымъ виновнымъ по 12 ст. улож. о наказ. называется распоряжавшійся дѣйствіями другихъ безъ предварительнаго съ ними соглашенія и 2) что въ 1649 ст. говоритсяо совершеніи кражи главнымъ виновнымъ по уговору, или что тоже по соглашенію съ другими лицами. Такимъ образомъ выраженіе „главный виновный“ въ 1649 ст. употреблено не въ томъ смыслѣ, ка-

кой ему придается 12 статьею, а для обозначенія слуги, работника и проч., которые, не смотря на различную степень участія въ кражѣ, всегда представляются по закону главными виновными, потому что, содѣйствуя другимъ лицамъ къ совершенію преступленія, они во всякомъ случаѣ нарушаютъ особенныя отношенія какъ къ хозяину, такъ и къ мѣсту, гдѣ учинено ими преступленіе. Руководствуясь 151 ст. улож. о нак., палата (докладъ 11 января) нашла справедливымъ и согласнымъ съ точнымъ смысломъ закона признать дѣяніе означеннаго Савосина, согласившагося съ товарищемъ на кражу у своего хозяина и принявшаго на себя роль не главнаго участника, а пособника, предусмотрѣннымъ 1649 ст. улож. о наказ. Такое направленіе даетъ палата и другимъ подобнымъ дѣламъ, хотя прокурорскій надзоръ нѣкоторыхъ судовъ держится взгляда, высказаннаго калужскимъ прокурорскимъ надзоромъ.

Членъ Московской Судебной Палаты Д. Тихомировъ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Община—мѣрило чувства гражданственности въ русскомъ человѣкѣ. — Консультація—видъ общины.—Духъ индивидуализма—преобладающая черта въ адвокатурѣ въ настоящій моментъ.—Администрація о вывѣскахъ.—Необходимость дѣленія адвокатуры на нѣсколько ясно очерченныхъ отдѣловъ.—Дѣло о скопцахъ Кудриныхъ.—Различныя настроенія ума присяжныхъ засѣдателей при различномъ количествѣ подсудимыхъ. — Съѣзды нѣмецкихъ юристовъ въ совокупности съ нотаріусами.—Юридическое Общество, какъ промежуточная школа между университетомъ и судомъ.

„Наиболѣе осязательнымъ мѣриломъ искренности стремленій къ благу народному, по моему мнѣнію, могутъ служить, между прочимъ, тѣ или другія отношенія къ вопросу о нашей *общинѣ*. Въ этомъ вопросѣ, безъ всякаго сомнѣнія, заключается альфа и омега бытовой жизни нашего народа, вся будущность его специфическаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вся сущность своеобразія русской социальной гражданственности, и притомъ же самый надежный, наиболѣе неизмѣнный оплотъ Россіи противъ золъ, съ которыми на жизнь и на смерть идетъ соціальная борьба у передовыхъ народовъ Запада, гдѣ явно, какъ во Франціи, гдѣ подъ оболочкой парламентарныхъ формъ.“ Такъ говоритъ въ майской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ текущаго года г. Клаусъ, одинъ изъ немногихъ изслѣдователей, съ самоотверженіемъ и любовью трудящихся надъ уясненіемъ бытовыхъ сторонъ русскаго народа. Община, какъ экономически-юридическое понятіе, какъ основная, такъ сказать, завязь соціальнаго строя нашей жизни, составляетъ въ послѣднее время у насъ предметъ самыхъ серьезныхъ изслѣдованій. А что такое консультація, что такое особыя собранія присяжныхъ повѣренныхъ, какъ не та же *община* въ первичномъ, элементарномъ пониманіи этого слова, какъ не своеобразная форма общин-

наго начала. Выписанныя нами выше строки, характеризуя значеніе общины вообще, какъ нельзя болѣе примѣнимы и къ нашему дѣлу, дѣлу консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что въ вопросѣ о консультаціи „заключается альфа и омега бытовой жизни" нашей адвокатуры, „вся будущность ея специфическаго развитія" „и притомъ самый надежный, наиболѣе неизмѣнный оплотъ" сословія „противъ борьбы", которая отъ времени до времени, какъ бы выростая изъ земли, происходитъ въ рядахъ адвокатуры, распространяясь далеко за предѣлы ея. Само собою разумѣется, если смотрѣть на адвокатуру, какъ на соединеніе людей, только механически связанныхъ между собою, тогда всякія разсужденія объ „альфѣ и омегѣ", о „бытовой жизни" сословія представляются болѣе чѣмъ ненужными, они просто-на-просто кажутся смѣшными. Но не до смѣху однако тамъ, гдѣ отъ времени до времени журналистика публично заявляетъ „о безстыдствѣ защитниковъ", „о тройственномъ союзѣ малодушія, невѣжества и грубыхъ инстинктовъ", и въ недоумѣніи восклицаетъ: „это наши *барристеры*".... Можно конечно, и даже должно, не вступать въ пререканія съ такими рекомендаціями о насъ, но нельзя оставаться равнодушнымъ наединѣ съ своею совѣстью къ подобнымъ заявленіямъ. Представляемъ ли мы дѣйствительно союзъ невѣжества съ грубыми инстинктами, или мы—нѣчто иное, но намъ нужно главнѣе всего позаботиться о томъ, чтобы подобное мнѣніе, какъ бы оно ни казалось основательнымъ, не встрѣчало себѣ сочувствія въ болѣе развитой части нашего общества. Достигнуть же этого мы можемъ не слѣпымъ потворствомъ тому, чѣмъ хотятъ насъ запугать, а яснымъ, твердымъ сознаніемъ того, что мы есть и чѣмъ мы быть должны. Приведенные нами отзывы трехъ газетъ служатъ, между прочимъ, прискорбнымъ поученіемъ того, что, несмотря на отдѣльныя личности изъ среды московской адвокатуры, заслуживающія полнаго уваженія, благодаря своимъ знаніямъ, таланту и добросовѣстности, вся заслуженная репутація ихъ не спасаетъ однако цѣлое сословіе отъ огульнаго обвиненія „въ безстыдствѣ, малодушіи и невѣжествѣ". Отчего все это? Отчего всѣ наши усилія, повидимому самыя энергичныя, наши старанія, самыя искреннія, парализуются съ необыкновенною легкостью? Нѣтъ, не отъ иде-

ализма, вы жестоко заблуждаетесь, а отъ непомѣрнаго, обуявшаго всѣхъ и каждаго изъ насъ, духа индивидуализма, этого врага въ принципѣ всякаго общественнаго начинанія всякой зараждающейся общины. Правительство и общество' эти двѣ силы, организующія жизнь, перемѣщаютъ центры своей тяжести одно въ сферу другаго. Сегодня общество берется поучать правительство тамъ, гдѣ въ поученіяхъ его не имѣется надобности; завтра правительство, сознавая неотложную потребность вступиться въ интересы народной жизни, по необходимости беретъ на себя излишнюю заботу въ томъ, что должно бы составлять иниціативу самого общества. „Административная власть, говорятъ *Русскія Вѣдомости* въ 211 № отъ 30 сентября, *вынуждена* прибѣгать *въ интересахъ лицъ*, имѣющихъ дѣло съ частными ходатаями, къ ограниченію тѣхъ внѣшнихъ приманокъ, помощію которыхъ эти импровизированные адвокаты привлекаютъ къ себѣ неопытныхъ кліентовъ. Къ этимъ приманкамъ относятся, напримѣръ, вывѣски, которыми украшаютъ они свои квартиры, краснорѣчивыя объявленія въ газетахъ, заявляющія объ ихъ необычайныхъ адвокатскихъ талантахъ. Болѣе этого (т. е. болѣе того, чтобы ограничить у частныхъ ходатаевъ право на этого рода заявленія условіемъ наличности извѣстнаго образовательнаго ценза),—говорятъ совершенно справедливо нѣсколько строкъ ниже *Русскія Вѣдомости*,—административная власть *едвали* что-нибудь *можетъ сдѣлать; жаль даже*, что обстоятельства заставляютъ ее прибѣгать къ этому стѣсненію. Было бы гораздо лучше, еслибы такъ-именуемые „аблакаты" были вытѣснены изъ камеръ нашихъ мировыхъ судей корпорацією людей, серьезно и честно посвятившихъ себя этому болѣе скромному, но не менѣе почтенному роду адвокатской дѣятельности. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ зарождались такія корпораціи, но кажется ни тамъ, ни здѣсь они почему-то не могли сложиться. Большую пользу въ этомъ дѣлѣ,—продолжаютъ *Русскія Вѣдомости*, — могли бы оказать присяжные повѣренные, принявъ на себя иниціативу его и подкрѣпивъ своимъ авторитетомъ такое начинаніе." Вполнѣ раздѣляя мнѣніе *Русскихъ Вѣдомостей*, мы считаемъ однако обязанностью сказать, что изъ числа частныхъ адвокатовъ есть лица, которыя хотя и не получили полнаго академическаго образованія, но настолько развили себя практикой и

облагородили свой образъ дѣйствій какъ адвокаты, что относиться къ нимъ нельзя иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ. Есть наконецъ другой классъ людей, которые, владѣя университетскими дипломами, имѣя за собою служебную опытность болѣе или менѣе длиннаго ряда лѣтъ, по разнымъ причинамъ не состоятъ въ числѣ присяжныхъ повѣренныхъ, практикуя частнымъ образомъ. Все это лица, болѣе или менѣе достойные, и мы никогда не посмѣемъ смѣшивать ихъ съ тѣмъ разрядомъ людей, о которомъ говорятъ *Русскія Вѣдомости.* Это образованіе въ средѣ адвокатуры нѣскольких, болѣе или менѣе характерныхъ группъ зависитъ отъ тысячи разнообразныхъ условій, лежащихъ какъ внѣ, такъ и внутри совѣсти человѣка и едвали не указываетъ на необходимость дѣленія адвокатуры по характеру судебныхъ учрежденій. Адвокатура мировыхъ учрежденій, адвокатура при общихъ судебныхъ мѣстахъ съ правомъ конечно являться и въ мировые суды, и наконецъ адвокатура при кассаціонномъ судѣ, какъ цвѣтъ всей адвокатуры,—вотъ три основныя естественныя группы, на которыя указываетъ сама жизнь, въ особенности на первыя двѣ, и которыя въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ не могутъ, намъ кажется, не быть осуществлены. Институтъ барро въ той формѣ, въ какой мы видимъ его теперь у насъ, есть только первое слово законодателя. Въ немъ кроются зачатки многосторонняго развитія въ будущемъ, не въ смыслѣ только интеллектуальномъ, но какъ общественнаго учрежденія. Теперешнее совмѣщеніе въ лицѣ адвоката всѣхъ стадій процесса, весьма вредно отзывающееся иногда на самомъ взглядѣ на адвокатуру, съ теченіемъ времени должно конечно обособиться въ нѣсколько болѣе или менѣе самостоятельныхъ отраслей адвокатуры. Общество ждетъ теперь отъ адвоката не только предварительнаго собиранія всѣхъ нужныхъ для предъявленія иска бумагъ, но оно требуетъ отъ него и приведенія въ исполненіе рѣшеній суда, поскольку конечно это зависитъ отъ повѣреннаго. Такимъ образомъ дѣятельность русскаго адвоката нашихъ дней до чрезвычайности уразнообразилась, и сообразно съ этимъ осложнился и взглядъ общества на обязанности его. Адвокатъ въ большинствѣ случаевъ не только ведетъ и защищаетъ дѣла, онъ нерѣдко вноситъ деньги по векселямъ своихъ довѣрителей, разъѣзжаетъ изъ гор ода въ городъ за собираніемъ справокъ

и все это дѣлаетъ, въ ущербъ истинному достоинству адвокатуры, только потому, что пока не имѣетъ кѣмъ замѣнить себя. Общество не хочетъ, да и не можетъ понять, что для того чтобы адвокатура заняла подобающее ей мѣсто въ странѣ, дѣятельность адвоката должна ограничиваться его собственнымъ кабинетомъ и стѣнами суда. И такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока у насъ не организуются особые, какъ составныя части адвокатуры, институты стряпчихъ, адвокатовъ при кассаціонномъ судѣ и т. п. Помощники присяжныхъ повѣренныхъ, присяжные стряпчіе, кандидаты на судебныя должности,кандидаты правъ, наконецъ тѣ группы адвокатовъ, о которыхъ мы говорили выше, все это обширный контингентъ пестро смѣшивающейся массы людей, извѣстной теперь подъ общимъ именемъ адвокатуры, но изъ котораго время и здравая политика должны выработать ясно очерченныя формы и части барро, о которыхъ мы говоримъ теперь.

Приведенная нами выше цитата изъ *Русскихъ Вѣдомостей* во многихъ отношеніяхъ не безъинтересна. Вопервыхъ, въ ней сквозитъ та совершенно вѣрная мысль, что прежде всего слѣдовало бы самому обществу, т.-е. той его части, которая наиболѣе заинтересована въ этомъ, именно сословію присяжныхъ повѣренныхъ повести дѣло такъ, чтобы профессія адвоката не профанировалась аршинными вывѣсками на улицахъ à la dentiste и газетными рекламами въ родѣ того, что „нѣтъ болѣе гемороя". Но время упущено, вывѣски входятъ въ обычай, и сама администрація такъ или иначе вынуждена положить имъ предѣлъ. Да, вывѣска—не дощечка и вещь нехорошая даже и для частныхъ ходатаевъ. Вовторыхъ, *Русскія Вѣдомости*, указывая на „большую пользу, которую могли бы оказать присяжные повѣренные, принявъ на себя иниціативу серьезнаго и честнаго веденія дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ и подкрѣпивъ своимъ авторитетомъ такое начинаніе", въ сущности указываютъ на нашу недолюбливаемую консультацію присяжныхъ повѣренныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мысль *Русскихъ Вѣдомостей* вѣрна,—а что она вѣрна, скажемъ болѣе благотворна, въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія,—то въ какой же иной формѣ можетъ воплотиться эта „иниціатива", какъ не въ формѣ консультаціи присяжныхъ повѣренныхъ. Втретьихъ, самый фактъ

появленія такой premier-статьи на столбцахъ газеты свидѣтельствуетъ, помимо всѣхъ другихъ соображеній, о томъ, что дѣло консультаціи мало-по-малу начинаетъ пріобрѣтать сочувствіе въ сознаніи общественнаго мнѣнія. И наконецъ вчетвертыхъ, какъ резюме всего, что кто что тамъ ни говори, а консультація силою самыхъ вещей близится къ осуществленію. Жаль только, что не мы сами, а администрація работаетъ за насъ...

Въ теченіи сентября въ московскомъ окружномъ судѣ разсматривалось, какъ извѣстно уже изъ газетъ, дѣло о скопцахъ Кудриныхъ и др. Защита въ преніяхъ своихъ по этому дѣлу указывала между прочимъ на недостаточную основательность привлеченія многихъ изъ подсудимыхъ къ суду, и дѣйствительно результатъ процесса показалъ, что изъ 28 судившихся за скопчество 13 было оправдано. Не входя въ частности въ дѣло Кудрина, нельзя въ самомъ дѣлѣ не замѣтить, что обвинительная власть иногда впадаетъ въ погрѣшность, привлекая къ суду лицъ при довольно сомнительныхъ основаніяхъ. Отчего это происходитъ и лежитъ ли причина оправданій только въ слабости собранныхъ уликъ противъ подсудимаго, или она главнымъ образомъ кроется въ судебномъ слѣдствіи и преніяхъ сторонъ, мы не беремся разрѣшать этого, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту. Можно сказать однако, что признанный перевѣсъ силъ адвокатуры передъ обвинительною властью служитъ однимъ, если не самымъ главнымъ, условіемъ значительнаго количества оправдательныхъ приговоровъ. Въ особенности это сказывается въ тѣхъ процессахъ, гдѣ одному обвинителю приходится, какъ напримѣръ въ кудринскомъ дѣлѣ, имѣть дѣло съ десятью защитниками. Силы здѣсь очевидно не уравновѣшены. Нуженъ слишкомъ сильный умъ и обширная опытность въ дѣлѣ публичныхъ дебатовъ, чтобы разомъ противостать противъ десяти, пятнадцати соображеній, съ различныхъ сторонъ подтачивающихъ обвиненіе. Кромѣ того настроеніе ума присяжныхъ засѣдателей всегда, намъ кажется, бываетъ нѣсколько иное при разрѣшеніи вопроса о винѣ одного подсудимаго среди другихъ двадцати, чѣмъ когда имъ приходится имѣть дѣло съ однимъ, много съ двумя подсудимыми. Законъ сравненія и неизбѣжныя отсюда симпатіи и равнодушія значительно сказывается въ дѣлахъ, гдѣ мно-

го обвиняемыхъ. Подобный законъ, намъ кажется, оказалъ свое рѣшительное дѣйствіе въ знаменитомъ дѣлѣ Кострубы-Карицкаго. Нельзя отрицать, что юридическій интересъ этого процесса главнымъ образомъ сосредоточивался на г. Карицкомъ. Отъ обвиненія или оправданія его зависѣла участь остальныхъ подсудимыхъ. И это не потому, чтобы дѣйствія его были органически связаны съ дѣйствіями другихъ, но просто въ силу неуловимыхъ движеній человѣческой души. Если оправдать того, за что же обвинить этого, такъ разсуждаетъ и такъ всегда будетъ разсуждать человѣческая совѣсть. Вина одного нейтрализуется виною другаго. Тамъ, гдѣ, будучи единичною виною, она предстала бы, такъ сказать, въ цѣльномъ образѣ, являясь на ряду съ преступною волею другаго, она производитъ болѣе слабое впечатлѣніе на совѣсть присяжныхъ. Вотъ почему принимая въ соображеніе человѣческую душу до самыхъ тончайшихъ ея ощущеній, можно кажется навѣрное утверждать, что каждая данная группа подсудимыхъ, состоящая примѣрно изъ 10 обвиняемыхъ, при равенствѣ всѣхъ условій, непремѣнно дастъ изъ себя извѣстный процентъ оправданныхъ. Мысль эта намъ кажется до такой степени вѣрною, что, признаемся, мы были бы не мало удивлены, еслибы архивы всѣхъ новыхъ судовъ съ присяжными, указали намъ хотя одно дѣло, гдѣ при наличности 10, даже 9 подсудимыхъ, не было бы хотя одного оправданнаго. Здѣсь кроется законъ, силу котораго можно было бы прослѣдить даже въ числахъ, если бы основныя черты его намъ были доступны при должной разработкѣ матеріаловъ для статистики.

Отсутствіе всякаго общенія между центрами нашей магистратуры, общенія помимо годовыхъ отчетовъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Россіи въ одинъ общій министерскій отчетъ, служитъ не маловажною причиною слабости вообще нашего юридическаго мышленія. Съѣзды юристовъ, подобные тѣмъ, о которыхъ заявлено въ послѣдней книжкѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ „Разныхъ извѣстій“, для насъ еще pia desideria. Тамъ было между прочимъ сказано, что въ послѣднее время замѣчается движеніе на различныхъ пунктахъ въ юридическомъ мірѣ. Смыслъ этого движенія долженъ быть понятенъ всякому, кто понимаетъ вообще соціальное движеніе въ Европѣ за послѣдніе годы. Германская наука, дол-

гое время таившаяся въ кабинетахъ ученыхъ, съ изумительною силою стала вторгаться въ самую жизнь народовъ, особенно начиная съ 1866 года. Въ тиши кабинетовъ мысль достигла той степени напряженности, когда ей стало тѣсно въ мертвящихъ рамкахъ цеховой учености. Событія 1870 года, въ связи съ движеніемъ французскихъ коммунистовъ, взрыли до корня всѣ вопросы права и общественности, свободы и личности. Стремительный напоръ всеразрушающихъ тенденцій заставилъ науку выйти изъ заколдованнаго круга своихъ аудиторій и стать лицомъ къ лицу съ живыми, неотложными вопросами дня. Вся ученость Гнейстовъ оказывается безсильною для обузданія разъяренныхъ умовъ, мятущихся безъ цѣли изъ стороны въ сторону. Наука поняла наконецъ, что если для „изслѣдованій" своихъ ей прежде всего необходимо „полнѣйшее спокойствіе," то во всякомъ случаѣ эпоха, въ которой мы живемъ, далеко не такова, чтобы ученый могъ по долгу оставаться въ своемъ безвыходномъ cercle vicieux. Страсти слишкомъ разыгрываются кругомъ, чтобы живой, творческій умъ не спѣшилъ регулировать ихъ. И вотъ въ то время, когда Германія не успѣла еще оправиться отъ гигантскихъ потрясеній страшной войны, когда Австріи приходится развертывать всѣ силы свои въ виду развивающагося столкновенія двухъ великихъ племенъ, нѣмецкаго и славянскаго, нѣмецкіе юристы, какъ бы застигнутые врасплохъ, стекаются въ числѣ 600 человѣкъ изъ Австріи и Германіи на съѣздъ въ Штутгартъ. Такое многочисленное собраніе, имѣя въ главѣ знаменитаго Гнейста, не можетъ не внушать особаго довѣрія къ коллективной силѣ юридическаго ума. Собраніе какъ бы громко заявляетъ міру, что наука и жизнь отнынѣ вступаютъ между собою въ тѣсный союзъ. До какой степени съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ желаетъ придать своимъ собраніямъ характеръ не исключительно цѣлей научныхъ, понимая слово научный въ томъ отвлеченномъ, чуждомъ всякаго общенія съ жизнью, смыслѣ, въ какомъ оно до сихъ поръ понималось и многими продолжаетъ пониматься и теперь, видно между прочимъ изъ того, что въ съѣздѣ этомъ приняли участіе также и германскіе нотаріусы, люди по преимуществу дѣла, которые въ свою очередь рѣшились на этомъ собраніи основать „Общество нѣмецкихъ нотаріусовъ," съ участіемъ

въ немъ также нотаріусовъ нѣмецкихъ областей Австріи. Что сдѣлаютъ юристы, сошедшіеся съ нотаріусами, мы пока еще не знаемъ, но можно заранѣе сказать, беря въ расчетъ качество состава самаго съѣзда, что результаты, къ какимъ бы они ни пришли, обѣщаютъ оказать непосредственное вліяніе на юридическое сознаніе самаго народа. У насъ съ давнихъ поръ существуютъ всевозможныя конференціи, съѣзды естествоиспытателей, въ послѣднее время даже съѣзды желѣзно-дорожные, только съѣзды юристовъ у насъ явленіе небывалое. Нашему Юридическому Обществу,—почемъ знать чего не знаешь,—быть можетъ суждено служить теперь микроскопическимъ зародышемъ нашихъ будущихъ съѣздовъ россійскихъ юристовъ. Вспомнимъ, что было оно восемь-девять мѣсяцевъ тому назадъ. То было время, когда не сегодня-завтра оно, казалось, должно кануть въ вѣчность. Оно и теперь еще не окрѣпло, но слава Богу въ послѣднее время замѣчаются признаки оживленія въ немъ. И мы надѣемся, что молодыя, свѣжія силы, все чаще и чаще появляющіяся въ немъ, вдохнутъ жизнь въ наше Общество, поддержатъ крѣпнущія силы его.

Пусть профессаріатъ не даритъ его вниманіемъ, пусть магистратура игнорируетъ его, пусть само барро, въ нѣкоторой своей части, не признаетъ пользы существованія Общества — все это отголоски отъ худшихъ дней его. Оно пережило свой кризисъ разложенія, оно крѣпчаетъ незамѣтно, съ упованіемъ идетъ на встрѣчу лучшихъ дней....

Поколѣнію, только что оставившему школу, предстоитъ иная, быть можетъ, болѣе славная дѣятельность, чѣмъ наша. Изъ аудиторіи университета оно не перейдетъ прямо на публичную дѣятельность оратора въ судѣ, оно прежде чѣмъ плѣнять краснорѣчіемъ предъ невзыскательною публикой научится цѣнить его въ себѣ и въ другихъ предъ лицомъ справедливости и знанія. Опытъ послѣднихъ пяти-шести лѣтъ показалъ, что непосредственный переходъ изъ университетовъ въ суды, со школьной скамьи на трибуну адвоката имѣетъ въ себѣ не много утѣшительнаго. Увлекаемый соблазномъ эгоистическихъ притязаній своей кліентуры, въ погонѣ за славой одержанныхъ успѣховъ, адвокатъ нашихъ дней не имѣетъ ни времени, ни охоты подыматься отъ времени до времени на ту умственную высоту,

откуда, по прекрасному выраженію Беркье, вѣетъ здоровое дыханіе великой интеллектуальной жизни и свободы. Консультаціи, юридическія собранія, словомъ всѣ тѣ учрежденія, которыя цементируются знаніемъ и имѣютъ цѣлью общее дѣло, грезятся намъ, какъ зачатки такихъ школъ. И сословіе, которому тогда выпадетъ на долю уяснять свой политическій процессъ, не вызоветъ отъ публициста, какъ наше, всей горечи ироніи въ этихъ краткихъ но ѣдкихъ словахъ: „и это наши *барристеры*“.... Барристеры, которые станутъ защищать „многострадальное терпѣніе и гордо вздымающуюся голову“ не заслужатъ упрека отъ журналиста въ „безстыдствѣ защитниковъ“ и двадцать товарищей, сошедшихся у товарища трезво обсудить интересы достоинства своей корпораціи, не будутъ рисковать обратиться на утро въ чудовищный союзъ „малодушія, невѣжества и грубаго инстинкта.“....

В. И. Кохновъ.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

Московскаго окружнаго суда.

I.

Засѣданіе 7 сентября 1871 года.

Дѣло о крестьянинѣ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи, деревни Большаго Воейкова, Прохорѣ Ивановѣ Живорыкинѣ, обвиняемомъ въ покушеніи на убійство своей жены.

Предсѣдательствовалъ И. Н. Шестаковъ въ составѣ членовъ суда Анцыферова и Булыгинскаго. Обвинялъ Товарищъ Прокурора Обнинскій; защищалъ Присяжный Повѣренный Березницкій. Составъ присяжныхъ былъ большею частію изъ чиновниковъ, кромѣ 2 купцовъ и 1 мѣщанина. Старшиной избранъ былъ Редлигъ.

Обстоятельства этого дѣла, какъ видно изъ обвинительнаго акта, слѣдующія: 13 апрѣля 1870 года городовой Ефимовъ представилъ въ контору 3 квартала пятницкой части Прохора Живорыкина, объяснивъ, что Живорыкинъ нанесъ своей женѣ Авдотьѣ Петровой нѣсколько ранъ топоромъ. Въ тотъ же день былъ сдѣланъ врачемъ пятницкой части осмотръ Авдотьѣ Петровой, по каковому осмотру оказалось слѣдующее: 1) на правой темянной сторонѣ головы рана, проникающая до кости, около 2-хъ вершковъ, 2) позади этой раны другая, длиною $1^1/_2$ вершка, тоже до кости, 3) отъ правой ушной раковины, на $1^1/_2$ вершка назадъ третья рана съ поврежденіемъ височной кости и задней части ушной раковины, 4) нѣсколько ранъ различной глубины и формы съ правой стороны шеи, лопатки и на рукахъ. При тщательномъ изслѣдованіи Авдотьи Петровой въ городской больницѣ оказалось, что рана позади правой ушной раковины проникала не только

толщину мягкихъ костей, но и самый сосковатый отростокъ, который представлялся надрубленнымъ; точно такъ и рана темянной части проникала кость черепнаго свода. Авдотья Петрова жила на квартирѣ Ефимова безъ мужа и занимала комнату противъ комнаты, гдѣ помѣщалось семейство Ефимова. Въ комнатѣ Авдотьи Петровой и въ сѣняхъ оказались въ разныхъ мѣстахъ кровавыя пятна. Прохоръ Живорыкинъ, не сознавшись въ покушеніи на убійство, показалъ, что, приходя неоднократно на квартиру жены, онъ заставалъ ее съ ея любовникомъ, городовымъ Труфакинымъ, при чемъ его самаго выгоняла изъ дому. 13 апрѣля будучи у жены, онъ сталъ ей выговаривать о поведеніи, но она не слушавъ его, стала браниться и говорила, что на зло ему будетъ жить съ любовникомъ. Тогда Живорыкинъ, какъ онъ говоритъ, увидѣвъ подъ кроватью топоръ, схватилъ его и ударилъ имъ жену раза два, въ чемъ и признаетъ себя виновнымъ; сдѣлалъ онъ это въ изступленіи. На предварительномъ слѣдствіи связь жены Живорыкина съ Труфакинымъ подтвердилась. Потерпѣвшая отъ преступленія показала, что мужъ ея еще прежде грозился убить ее, а именно на сырной недѣлѣ, когда они шли вмѣстѣ изъ Рогожскаго, но оставилъ это намѣреніе вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ ея, при чемъ сказалъ „рано или поздно судьба тебя настигнетъ." (Объ этомъ производилось дознаніе вслѣдствіе жалобы Авдотьи Петровой, поданной 19 марта 1870 г.). 13 апрѣля она встрѣтила его у своей тетки, откуда отправилась домой, куда вскорѣ за ней пришелъ и подсудимый, держа руки въ карманахъ и сѣлъ на сундукъ противъ двери. Въ комнату входилъ дворникъ Алексѣй и мужъ съ нимъ разговаривалъ. Когда Алексѣй ушелъ, мужъ ея подошелъ къ двери, постоялъ минутъ 10 и потомъ, хлопнувъ дверью, ушелъ. Затѣмъ подкравшись, вошелъ опять къ ней, подошелъ къ постели, на которой она лежала, поднялъ топоръ и ударилъ ее по головѣ 2 раза. Послѣ этого она свалилась на полъ, онъ сталъ зажимать ей ротъ и придавилъ ее колѣнкой. Она ловила его за рукавъ и топоръ; потомъ, успѣвъ вырваться, убѣжала въ сѣни. Мужъ побѣжалъ за ней и замахнулся опять топоромъ; тогда Авдотья Петрова закричала. На крикъ выскочила жена Ефимова Пелагея и вырвала у него топоръ. Топоръ этотъ, по показанію Авдотьи Петровой, онъ принесъ съ собой; у нея же топора не было. Пелагея Ефимова показала, что, выскочивъ въ сѣни, она увидала подсудимаго сидящимъ верхомъ на Авдотьѣ Петровой съ топоромъ въ рукахъ. При ней онъ успѣлъ нанести еще одинъ разъ ударъ, но затѣмъ она вырвала у него топоръ и побѣжала разбудить своего мужа, спавшаго въ то время. Спрошенные свидѣтели по этому дѣлу на предварительномъ слѣдствіи всѣ показали, что

топора въ комнатѣ Авдотьи Петровой въ то время никакого не было. На основаніи вышеизложеннаго Живорыкинъ обвиняется въ покушеніи на убійство своей жены съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ, что составляетъ преступленіе, предусмотрѣнное 9, 114 и 1451 ст, улож. о наказ., поэтому онъ подлежитъ на основаніи 201 ст. уст. угол. судопр. суду московскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

Подсудимый на вопросъ предсѣдателя: признаетъ ли себя виновнымъ въ вышеозначенномъ преступленіи, не сознался, объяснивъ, что „етого у меня въ мысляхъ не было; поучить манечко хотѣлъ, да вотъ грѣхъ и случился.“ Присяжнымъ были предъявлены вещественныя доказательства—топоръ и окровавленный платокъ, принадлежащій Авдотьѣ Петровой. Въ числѣ спрошенныхъ свидѣтелей первая показывала Авдотья Петрова и, какъ потерпѣвшая отъ преступленія, была спрошена безъ присяги; прочіе же подъ присягой. Предсѣдатель объяснилъ свидѣтельницѣ, что по закону она можетъ отказаться отъ дачи показанія на судѣ, но Авдотья Петрова изъявила желаніе показывать.

Свидѣтельница Авдотья Петрова Живорыкина. (Съ развязными манерами, рѣзкимъ голосомъ, говоритъ—словно читаетъ).

Когда я жила съ нимъ (указывая на подсудимаго) и онъ жилъ очень даже скверно, и я не могла переносить жизни этакой и поступила въ услуженіе. Онъ мнѣ ни питья, ни ѣды не давалъ, а еще я его обувала, одѣвала и деньги ему завсегда давала. Приходитъ ко мнѣ, работать не работаетъ, все говоритъ: стану, — ноньче-завтра, ноньче-завтра,—а деньги всѣ у меня и повытаскалъ. Значитъ, г. судья, я сама себя понимаю и пришла въ такое разстройство...

Предсѣдатель. Что вы можете разсказать о происшествіи 13 апрѣля?

Свидѣтельница. Въ это самое время отправилась я къ тетенькѣ поздравить съ праздникомъ Свѣтлаго Христова Воскресенья. Сидимъ, значитъ, пьемъ чай, входитъ это онъ (указывая на подсудимаго), ну, я посидѣла, чашку чаю еще выпила, одѣлась и пошла домой. Съ 10 до 4 часовъ вечера я спала, потомъ стучится кто-то въ дверь, и слышу его голосъ: „отопри“, говоритъ мнѣ, я встала, отперла. Входитъ это, руки въ карманъ, подошелъ къ окну и сѣлъ на сундукъ; потомъ сейчасъ входитъ и Алексѣй. Онъ его сталъ посылать за водкою, нехорошое, говорю это онъ задумалъ, неспроста это онъ водку покупаетъ, я это говорю Бѣляевой, жилицѣ, значитъ. Въ это самое время вошли на дворъ двое персонъ, кавалеръ и дама; дверь наружную ищутъ, Алексѣй и ушелъ. Уставши значитъ, хотѣла получить себѣ спокойствіе и легла спать, а онъ увидавши мое та-

кое положеніе, схватилъ топоръ и меня по головѣ, потомъ другой разъ. Я вскочила, стала съ нимъ барахтаться, прошу „отпусти душу на покаяніе“ Онъ ничего этого не слушаетъ, глаза такіе страшные, свалилъ меня на полъ и колѣнкомъ придавилъ. Я закричала что есть мочи и выскочила въ сѣни. Тутъ упала и что ужь было, не помню.

Прокуроръ. Скажите пожалуста, это вашъ топоръ, что лежитъ на столѣ?

Свидѣтельница. Нѣтъ-съ, топоръ не мой; платокъ вотъ это мой.

Прокуроръ. А въ комнатѣ у васъ топора не было?

Свидѣтельница. У насъ топоры были, только тѣ у Ефимова, тѣ не похожи, а въ моей коморкѣ топора не было, и никто его тамъ не клалъ. Это онъ съ собой принесъ топоръ.

Прокуроръ. Вы это вѣрно знаете?

Свидѣтельница. Потому какъ у меня топора не было, откуда жъ бы онъ его взялъ? (На дальнѣйшіе вопросы прокурора): Я девятый годъ замужемъ, а жила съ нимъ съ годъ, потому моей мочи ужъ не хватило. Какъ онъ поведенія маральнаго и все пьянствуетъ, я съ нимъ жить не могла больше. Отъ общества я просила билетъ себѣ на жительство, а онъ не давалъ. Когда я жила на мѣстахъ, онъ ко мнѣ хаживалъ. Да все съ бранью, съ укоромъ. Всѣ эти 8 лѣтъ онъ постоянно пьянствовалъ, потому отъ мѣстовъ ему отказывали.

Прокуроръ. У васъ дѣти были.?

Свидѣтельница. Былъ одинъ маленькій.

Прокуроръ. Отъ него?

Свидѣтельница. (Помолчавъ) Отъ него.

Прокуроръ. Скажите, вы знали городоваго Труфакина?

Свидѣтельница. Никакого-съ я Труфакина не знала и любви не имѣла. Какъ есть законная жена, а онъ меня ко всякому ревновалъ, еще первый годъ, какъ мы съ нимъ жили. Другой человѣкъ и не стоющій вниманія безъ всякаго обращенія, онъ и къ этому ревнуетъ. Съ кѣмъ разговариваешь, сейчасъ мнѣ, „зачѣмъ говоришь, должна мужа уважать.“ Какая же такая я ему невольница, чтобъ онъ надо мной тиранствовалъ.

Прокуроръ. Скажите, чѣмъ вы объясняете желаніе вашего мужа убить васъ, когда онъ ничего предосудительнаго за вами не замѣчалъ?

Свидѣтельница. Я не знаю-съ, а что онъ мнѣ причинилъ такое разстройство, и теперь въ ненастную погоду я чувствую боль головы и спины. Въ больницѣ я лежала 11 дёнъ безъ памяти.

Защитникъ. Авдотья Петрова, когда вошелъ къ вамъ вашъ мужъ 11 апрѣля, онъ въ чемъ былъ одѣтъ?

Свидѣтельница. На немъ была поддевка. Пришелъ это, руки въ карманы, и сейчасъ сѣлъ на сундукъ, молчитъ. Тутъ закричало дитя, и я пошла его кормить. Потомъ это самое и случилось. Онъ схватилъ топоръ и меня ударилъ.

Защитникъ. Откуда же онъ досталъ топоръ.?

Свидѣтельница. Онъ его съ собою принесъ.

Защитникъ. Сами вы это видѣли, или только догадываетесь?

Свидѣтельница. Видать не видала, а что это онъ принесъ, это вѣрно. У насъ такого топора въ цѣломъ домѣ нѣтъ.

Защитникъ. Вы говорите, что онъ съ собою принесъ топоръ. Войдя въ комнату, вѣдь онъ ходилъ, вставалъ, какимъ же образомъ вы тотчасъ не замѣтили топора, если онъ у него былъ?

Свидѣтельница. У меня дитя больное было, я и не замѣтила. А онъ могъ его привѣсить подъ поддевкой. Она вѣдь широка и не замѣтишь.

Защитникъ. Но вѣдь вы сами этого не видѣли, только догадываетесь?

Свидѣтельница. Видать не видала, а все же это его топоръ.

Защитникъ. Нусъ, а какой рукой онъ схватилъ топоръ?

Свидѣтельница. Этого я ужь упомнить не могу, давно было. Такъ онъ его приспособилъ подъ поддевкой и въ умѣ намѣреніе держалъ, чтобъ такъ со мной поступить.

Защитникъ. Вотъ вы сказали прокурору, что онъ у васъ часто просилъ денегъ, а не предлагалъ ли онъ вамъ 10 или 15 руб., а вы его еще прогнали, „свинья, убирайся къ чорту.“?

Свидѣтельница. Никогда онъ мнѣ денегъ не давалъ, какъ есть онъ безпутный человѣкъ. Я жила въ убожествѣ, отрепалась, обносилась и все же таки я сама себя кормила, а отъ него ничего не получала. Разъ только принесъ онъ фунтъ баранокъ, какъ дитя у него было. Что же ты это дѣлаешь, говорю, на смѣхъ, что ли? Надо денегъ, а ты мнѣ баранки суешь. И такъ я на свой счетъ произвела дитя въ крещеную вѣру, помощи отъ него не видала.

Защитникъ. Имѣли вы любовную связь съ Труфакинымъ?

Свидѣтельница. Никакого Труфакина я не знаю.

Защитникъ. Не знаете?

Свидѣтельница. Не знаю-съ.

Защитникъ. И въ глаза его никогда не видали?

Свидѣтельница. И въ глаза его никогда не видала... (Спохватившись) Можетъ и видѣла, только я его не знаю, а какъ ходятъ много всякаго народа, солдатъ всякихъ.

Защитникъ. Авдотья Петрова! Вы вотъ говорите, что Труфа-

кина совершенно не знаете и ни въ какихъ отношеніяхъ къ нему не состояли, между тѣмъ на предварительномъ слѣдствіи многіе показали, что вы находились въ любовной связи съ нимъ и что мужъ объ этомъ зналъ. Теперь вы отрицаете всякое знакомство съ нимъ. Вмѣсто запирательства вы можете сказать только, что вы не желаете отвѣчать на предложенные вопросы и съ насъ будетъ этого достаточно.

Свидѣтельница. Никакого городоваго я не знаю; какъ есть я законная жена....

На показаніе Авдотьи Петровой *подсудимый* возразилъ слѣдующее: ваше благородіе! сколько разъ я ходилъ къ ней на квартиру, завсегда, это самое, заставалъ ее съ Труфакинымъ. Она, значитъ, все это напротивъ показываетъ. Потомъ, это самое, говоритъ, меня обувала, одѣвала.... Гдѣ ей, распутнаго поведенія, обуть меня? Я самъ себя содержалъ, въ услуженіи находился. Разъ прихожу, у ней, это самое, полюбовникъ сидитъ, мнѣ сказывали. Меня въ этотъ разъ выгнали, не допустили. Захожу другой разъ, опять Труфакинъ тамъ былъ. Сталъ я ее урезонивать: брось ты, это самое, глупости эти, а она мнѣ: „на зло тебѣ буду дѣлать, творить,“ и заперлась въ комнаткѣ. Плюнулъ я это и ушелъ.

Предсѣдатель. Топоръ это вашъ?

Подсудимый. Нѣтъ, не мой; взялъ я его подъ кроватью у нея. Можетъ, это топоръ Труфакина.—Какъ это, значитъ, онъ ей самоваръ предлагалъ, можетъ быть и топоръ оставилъ, не могу знать. На другой день пасхи прихожу къ ней, начинаю говорить: „малое у тебя дитя, мужъ есть; зачѣмъ ты возжаешься съ солдатомъ этимъ.“ А она, это самое, все напротивъ; какъ змѣя такъ и шипитъ.... Ну, не сдержалъ я—ударилъ ее раза два—топоръ тутъ подвернулся.

Защитникъ. Я прошу г. предсѣдателя спросить у подсудимаго, ссорился ли онъ прежде съ своей женой?

Подсудимый. (На вопросъ предсѣдателя). Прежде ничего не замѣчалъ я за ней, а потомъ, Богъ ее знаетъ, что съ ней сдѣлалось, завела полюбовниковъ.... Какъ же мнѣ было смотрѣть на это. (На вопросъ предсѣдателя): Труфакина видѣлъ у ней раза 4, не то 5. Первый разъ, это самое, помню до Рождества. Брось, говорю, эти глупости, „не твое дѣло,“ отвѣчаетъ, „я сама по себѣ живу.“ Вотъ, ваше благородіе, до чего довела она....

Афанасій Ефимовъ, городовой. 18 марта прошлаго года пришелъ къ намъ въ первый разъ этотъ самый господинъ (указывая на подсудимаго) и говоритъ, къ Авдотьѣ Петровой, что у насъ жила. Я сталъ его гнать, ступай братецъ, говорю; нѣтъ ея дома, потому, Богъ его знаетъ, что это за человѣкъ, какъ я не зналъ,

что онъ мужъ ея. Разлучать я ихъ не думалъ, съ тѣхъ поръ онъ сталъ ходить къ ней. Ссорились ли они прежде, не могу знать. 13 апрѣля, этакъ къ вечерни, я спалъ, только потомъ крикнулъ кто-то: жена выскочила. Видите, сидитъ Прохоръ на Авдотьѣ Петровой и рубитъ ее топоромъ; это жена мнѣ говорила, самъ я не видалъ. Потомъ разбудили меня. Я сейчасъ его въ кварталъ представилъ, а жену его въ больницу свезли. Топоръ этотъ не нашъ, у насъ другіе. Кто его принесъ, не знаю. Когда отняли Авдотью Петрову отъ мужа, она стонала и была очень слаба; изъ головы текла кровь; голову перевязали платкомъ. Мужъ ея стоялъ и ничего не говорилъ. (На вопросъ прокурора): Топоровъ въ комнатѣ у Авдотьи Петровой не было; мой въ сараѣ въ то время былъ. Когда я велъ его въ кварталъ, онъ молчалъ, не объяснялъ зачѣмъ это сдѣлалъ. Въ это время онъ не былъ пьянъ, такъ немножко выпивши. Труфакинъ ходилъ къ намъ иногда, связи у нихъ съ Авдотьей Петровой никакой не было.

Защитникъ. Вы говорите, что связи у нихъ не было, дома вы бывали рѣдко, слѣдовательно и слѣдить за ними не имѣли возможности.

Свидѣтель. Это можетъ быть; г. Живорыкина прежде не зналъ, потомъ онъ сталъ приходить. Нраву онъ былъ тихаго, пьянъ сильно онъ въ тотъ день не былъ.

Защитникъ. Не слыхали ли вы, что Труфакинъ платилъ за квартиру Авдотьи Петровой?

Свидѣтель. Нѣтъ-съ, этого я не слыхалъ и никакихъ разговоровъ насчетъ денегъ у Авдотьи Петровой съ Труфакинымъ я не слыхалъ. Когда Труфакинъ узналъ, что Живорыкинъ недоволенъ его знакомствомъ съ Авдотьей Петровой, онъ пересталъ ходить. На службѣ я бывалъ, а все же таки могъ бы замѣтить, если что у нихъ такое было.

Предсѣдатель. Труфакинъ ночевалъ у Авдотьи Петровой?

Свидѣтель. Никогда-съ, днемъ посидитъ и уйдетъ.

Защитникъ. Вы это говорите, на основаніи лишь слуховъ, или считаете это за достовѣрное?

Свидѣтель. Ворота у насъ ночью на запорѣ, и если кто входитъ, это мнѣ извѣстно.

Защитникъ. Но скажите, еслибы ночью пришелъ Труфакинъ, неужели бы вашъ дворникъ обязанъ вамъ объ этомъ докладывать; неужели это такое важное происшествіе?

Свидѣтель. Да, кто бываетъ—мнѣ извѣстно. Навѣрно поручиться не могу, что не ночевалъ, а кажется, что нѣтъ.

Прокуроръ. Ваша комната напротивъ Авдотьи Петровой?

Свидѣтель. Да, черезъ сѣни, ея дверь немного правѣе.

Подсудимый. Первый разъ прихожу къ женѣ, мнѣ говоритъ

Тулупова, тамъ полюбовникъ сидитъ, меня не допустили. Ефимовъ меня съ дворникомъ выгнали со двора. Потомъ прихожу передъ Пасхой; опять Труфакинъ тамъ, на постели съ женой сидятъ.

Одинъ изъ присяжныхъ. Лично ли самъ онъ ихъ видѣлъ на постели, или только слышалъ объ этомъ?

Подсудимый. Двери каморки были заперты, а тамъ дырочка есть, я и смотрѣлъ.

Предсѣдатель. Какъ же, Труфакинъ сидѣлъ или лежалъ?

Подсудимый. Тогда сидѣлъ на стулѣ. Одинъ разъ, въ субботу значитъ, на страстной недѣлѣ, видѣлъ я это самое. Въ воскресенье прихожу, Труфакинъ лежитъ на постели и жена тутъ же. Брось, говорю женѣ, это самое; сталъ ругать ее; Труфакину выговаривалъ, зачѣмъ онъ, это самое, жену отбиваетъ. Такъ и ушелъ. Въ понедѣльникъ Труфакина не видалъ у нея. Про полюбовниковъ я еще прежде слышалъ, а значитъ самъ въ пятницу только увидѣлъ; всего видѣлъ раза четыре или пять.

Предсѣдатель. Вы говорите, что первый разъ увидали Труфакина въ пятницу, затѣмъ въ суботу и воскресенье; слѣдовательно всего три раза. Какъ же вы говорите четыре или пять? Можетъ быть вы нѣсколько разъ въ день приходили?

Подсудимый. Не упомню; можетъ, приходилъ, давно ужь это было.

Пелагея Поликарпова. На святой недѣлѣ въ понедѣльникъ въ 3 часа сдѣлалась у насъ непріятность. Сижу я въ своей комнатѣ, только вдругъ слышу Авдотья Петрова закричала страннымъ голосомъ. Выхожу и вижу: въ сѣняхъ лежитъ Авдотья Петрова, а на ней ея мужъ и колѣномъ придавилъ. У самого топоръ въ рукахъ и рубитъ ее этимъ топоромъ. Кровь была ужасная. Я сзади потихоньку подкралась и вырвала топоръ. Потомъ, вводятъ Авдотью Петрову въ комнату и на стулъ посадили. (На вопросы прокурора): Наша комната напротивъ, гдѣ жила Авдотья Петрова. Ходилъ ли къ ней Труфакинъ—не видѣла, полицейскій онъ, мужъ его знаетъ. Въ комнатѣ Авдотьи Петровой топора не было, и чей это топоръ—я не знаю. Живорыкинъ ничего не говорилъ, когда рубилъ... (На вопросъ защитника): Что мужъ у нея былъ—я знала; онъ къ намъ рѣдко ходилъ. Труфакина 6 лѣтъ знаю, хаживалъ къ намъ, но ночью у Авдотьи Петровой не бывалъ. Гдѣ они прежде познакомились, я не знаю; а любовныхъ отношеній промежъ нихъ я не замѣчала. У насъ жильцовъ много было, больше все изъ мелкихъ, изъ простаго народа. Въ сараѣ были дрова, щепы, что надо наколоть, у насъ для этого и топоръ тамъ былъ. Да и жильцы-то въ топорѣ не нуждаются;

больше все готовое дрова и щепы жгутъ; у насъ жили больше все женщины, на что имъ топоры.

Алексѣй Өедоровъ. (На вопросъ предсѣдателя.) Я тамъ жильцомъ былъ, а дворникомъ никогда я не былъ. Живорыкинъ ходилъ къ намъ раза 4, не то 5. 13 апрѣля я его видѣлъ въ комнатѣ жены. Какой разговоръ у нихъ былъ, не могу знать. Она меня попросила испить ей принесть, я и пошелъ; за водкой Живорыкинъ меня не посылалъ. Потомъ услышалъ крикъ чей то. Дерутся, думаю; пущай ихъ! Сказывали, что Живорыкинъ топоромъ ее ударилъ, и кровь была, этого я не видѣлъ, не могу знать. Отняли ее хозяева; видѣлъ ее потомъ въ хозяйской коморкѣ. Топора у Живорыкина, какъ вошелъ, не видалъ, чей онъ, не знаю. (На вопросъ защитника.) Живорыкинъ вошелъ, руки въ карманъ, и сѣлъ къ окошку. Разговору отъ него я никакого не слыхалъ. За что онъ ее шарахнулъ, Богъ его знаетъ. Труфакинъ ходилъ, а какіе у него тамъ съ Авдотьей Петровой шуры-муры были — знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, потому мнѣ все равно, не мое дѣло.

Предсѣдатель. Авдотья Петрова! Вотъ Өедоровъ показываетъ, что Живорыкинъ его за водкой не посылалъ, а что вы же его посылали принести испить чего-нибудь.

Авдотья Петрова. Можетъ быть, онъ забылъ это самое, я хорошо помню. Какъ онъ испугавшись можетъ быть, вотъ и показываетъ такъ.

Өедоровъ. Что мнѣ пугаться?!

Авдотья Иванова. Я все забыла, ничего не знаю.

Предсѣдатель. Позвольте! васъ еще не спрашиваютъ. Г. прокуроръ не угодно ли вамъ предложить вопросъ.

Авдотья Иванова (на вопросъ прокурора.) Меня тогда дома не было, какъ это случилось. Жила я съ Авдотьей Петровой въ одной комнатѣ, топора у нея никогда не видала и чей это топоръ—не знаю. Ходилъ ли Труфакинъ, не видала. Я дома рѣдко бывала, больше все на работѣ, даже и ночевать иногда приходилось. Видѣла, что Живорыкинъ приходилъ къ ней, разговаривалъ, ну тамъ ругались, обыкновенно, какъ промежъ мужемъ и женой. Давалъ ли онъ ей деньги, не видала.

Защитникъ. Вы жили вмѣстѣ съ Авдотьей Петровой и поэтому скорѣе другаго можете знать про отношенія, какія существовали между нею и Труфакинымъ; конфузиться и робѣть вамъ здѣсь нечего, что знаете, то и скажите. Авдотья Петрова здѣсь ни въ чемъ не обвиняется, слѣдовательно скрывать вамъ что либо нѣтъ никакого основанія.

Свидѣтельница. Труфакинъ ходилъ къ хозяевамъ, а не къ Авдотьѣ Петровой.

Защитникъ. Вы его слѣдовательно у нея не видали, а какъ же другой разъ на предварительномъ слѣдствіи вы показали, что Труфакинъ ходилъ къ Авдотьѣ Петровой, а?

Предсѣдатель. Свидѣтельница довольно ясно формулировала свой отвѣтъ: она не видала Труфакина у Авдотьи Петровой.

Свидѣтельница. Труфакинъ ходилъ по дѣлу, я слышала, а знакома ли Авдотья Петрова съ нимъ, я не знаю.

Защитникъ. Но вѣдь вы говорите, что васъ по цѣлымъ днямъ не бывало дома, что вы не ночевали даже дома, слѣдовательно, какъ же вы утверждаете, что Труфакинъ не былъ знакомъ съ Авдотьей Петровой?

Свидѣтельница. Ничего не знаю.

Прасковья Тулупова. Жила я у Афанасія Ефимова, при этомъ времени и случилось. Меня тогда дома не было, ничего я не знаю. (На вопросъ прокурора): Примѣрно въ четвергъ передъ пасхой, а жена не допустила его къ себѣ—почему, не знаю. Про любовниковъ былъ-ли разговоръ у Живорыкина съ его женой—не знаю. Говорили такъ просто со стороны, кто знаетъ....

Защитникъ. Долгъ всякаго разсказать на судѣ одну чистую правду, ничего не утаивая. Вспомните, вы прежде кое-что знали про отношенія Труфакина къ Авдотьѣ Петровой.

Свидѣтельница. Она жила сама по себѣ, а мы сами по себѣ.... Хаживалъ Труфакинъ, а зачѣмъ, я не знаю.

Защитникъ. Но вы не догадывались, зачѣмъ это Труфакинъ ходитъ къ Авдотьѣ Петровой? ужь не даромъ онъ къ ней ходилъ.

Свидѣтельница. Можетъ что и было, не знаю.

Защитникъ. А не показывали ли Живорыкину въ щелку его жену съ Труфакинымъ?

Свидѣтельница. Никогда я въ щелку ему не показывала.... Ундеръ ходилъ, правда, къ Авдотьѣ Петровой, посидитъ, чаю напьются вмѣстѣ.

Защитникъ. А какъ же вы на предварительномъ слѣдствіи показывали, что сами видѣли, что Труфакинъ ночевалъ у Авдотьи Петровой, что Живорыкинъ заставалъ ихъ вмѣстѣ?

Свидѣтельница. Показывала я, что они ссорились, ругались, бранились, а этого я не показывала. Можетъ у нихъ было что, мое дѣло женское, я ничего не знаю.

Защитникъ. Я прошу судъ обратить вниманіе, что настоящее показаніе свидѣтельницы совершенно противорѣчитъ тому, о чемъ она говорила на предварительномъ слѣдствіи. Ничего не помнитъ, во всемъ запирается, больше я не имѣю о чемъ спрашивать.

Прочія двѣ свидѣтельницы отозвались совершеннымъ незнані-

емъ по этому дѣлу; на всѣ вопросы, предлагаемые имъ, отвѣчали лишь, ничего не знаемъ, ничего не слыхали, наше дѣло женское.

По спросѣ свидѣтелей, прокуроръ заявилъ желаніе, чтобы былъ прочитанъ актъ осмотра поврежденій, найденныхъ на тѣлѣ Авдотьи Петровой, на что защитникъ съ своей стороны возразилъ, что просилъ бы не читать этого акта, составленнаго не въ томъ порядкѣ, какъ это предписано закономъ (актъ осмотра былъ произведенъ безъ понятыхъ). Не имѣя собственно ничего противъ подобнаго документа, защитникъ находилъ только составленіе его неправильнымъ. Судъ постановилъ прочесть актъ. Актъ этотъ составленъ врачемъ Пятницкой части и въ сокращенномъ видѣ приведенъ нами въ обвинительномъ актѣ. Изъ него было видно, что раны не угрожали серьезной опасностью Авдотьѣ Петровой, что страданіямъ мозга она не подверглась. Въ этомъ актѣ Авдотья Петрова названа была Лебедевой, на что и было обращено защитникомъ вниманіе предсѣдателя, вслѣдствіе чего Авдотья Петрова на вопросы послѣдняго объяснила, что это фамилія ея родителей и что „послѣ такого конфуза" она не желаетъ называться Живорыкиной. Изъ втораго документа, прочтеннаго на судѣ, изъ отношенія медицинской конторы отъ 30 декабря 1870 г. видно, что поврежденія были тяжелыя

Прокуроръ. Я просилъ бы судъ прочесть актъ осмотра квартиры Авдотьи Петровой.

Защитникъ. Я съ своей стороны буду просить судъ о прочтеніи скорбнаго листа о состояніи здоровья Авдотьи Петровой въ продолженіи ея пребыванія въ городской больницѣ.

Прокуроръ. Я нахожу съ своей стороны, что читать подобные документы на судѣ нельзя. Судъ опредѣлилъ прочесть скорбный листъ. Изъ скорбнаго листа видно, что потерпѣвшая отъ преступленія Авдотья Петрова, 26-ти лѣтъ, доставлена была въ больницу въ апрѣлѣ въ 10 часовъ вечера. На головѣ найдено было нѣсколько ранъ, лицо, шея и плеча истекали кровью, кожа въ нѣсколькихъ мѣстахъ зарублена. Пульсъ 88 въ минуту. Дрожитъ при дотрогиваніи до ранъ. Выздоровленіе шло довольно быстро, съ 12 до 19 апрѣля всѣ почти раны зажили и 4 мая Авдотья Петрова вышла изъ городской больницы.

Изъ акта осмотра квартиры Авдотьи Петровой видно, что она помѣщалась въ домѣ Лукичева въ Александровской слободкѣ по Озерковскому переулку. Ходъ въ каморку съ набережной отводнаго канала. Комнаты Авдотьи Петровой выходятъ окнами къ задней стѣнѣ; при осмотрѣ комнаты замѣчены были во многихъ мѣстахъ кровавыя пятна. На кровати, на тюфякѣ, довольно грязномъ, замѣтно было старое кровавое пятно. На одной изъ трехъ подушекъ, находившихся на кровати замѣчены

были свѣжія кровавыя брызги, величиною отъ горошины до чечевичнаго зерна. На наволочкѣ 8 брызгъ, на одѣялѣ 10 брызгъ, на полу 2 брызги, не много далѣе еще 5 брызгъ.

Защитникъ. Я просилъ бы г. предсѣдателя разъяснить слѣдующее обстоятельство. Изъ обвинительнаго акта мы слышали, что подсудимый угрожалъ еще ранѣе 13 апрѣля убить Авдотью Петрову и что объ этомъ, по ея жалобѣ, было начато особое разслѣдованіе. Во время судебнаго слѣдствія объ этомъ ничего не упоминалось. Я хотѣлъ бы знать, чѣмъ это разслѣдованіе кончилось.

Предсѣдатель. Жалоба Авдотьи Петровой, какъ неимѣвшая никакихъ данныхъ, оставлена вслѣдствіе распоряженія судебной палаты безъ послѣдствій.

Защитникъ. Еще я буду ходатайствовать предъ судомъ разрѣшить прочесть показаніе Тулуповой, данное ею на предварительномъ слѣдствіи, такъ какъ ея настоящее показаніе діаметрально противоположно тому, что ею было говорено прежде.

Показаніе Тулуповой, данное у судебнаго слѣдователя. Живу я на квартирѣ у Ефимова и занимаю каморочку направо отъ комнаты Авдотьи Петровой. Съ осени жила вмѣстѣ съ ней, а потомъ отдѣлилась. Мужъ приходилъ къ ней нѣсколько разъ и на страстной недѣлѣ былъ у ней 4 раза. Видѣла его также у тетки Авдотьи Петровой. Труфакинъ ходилъ къ ней и жилъ съ ней *какъ мужъ*. Живорыкинъ приходилъ въ пятницу и видѣлъ, что у жены его сидитъ Труфакинъ, но каморка была заперта. Въ этотъ день жена его выгнала вонъ, сказавъ, чтобы больше не ходилъ. За нимъ спровадила и Труфакина. Безъ меня Живорыкинъ былъ два раза у Авдотьи Петровой, топора съ нимъ никогда не видали, и чей это топоръ—не знаю. Про платокъ тоже не знаю—чей онъ. Слышала, что Авдотья Петрова съ мужемъ ссорилась, говорила ему: не ходить ко мнѣ, чтобы слѣду твоего не было, ты меня не поишь и не кормишь. Когда Живорыкинъ пришелъ, то Авдотья Петрова вытолкнула Труфакина изъ своей комнаты въ хозяйскую, и дверь на щиколку заперла, причемъ говорила мужу, оставшемуся въ сѣняхъ: ты тамъ пожди, а мы чайку напьемся. Живорыкинъ ей говоритъ: чтожъ, мужъ не хорошъ? любовниковъ завела, а она — еще то заведу, ты мнѣ не указъ.—Труфакинъ молчалъ въ это время, скоро потомъ онъ ушелъ. Бранились они часто между собой, больше жена его ругала, а онъ молчалъ.

Предсѣдатель. Тулупова! Что вы можете сказать по поводу сейчасъ прочтеннаго вашего показанія?

Тулупова. Я въ это время была на рѣчкѣ, прихожу домой,

идетъ тамъ штурма большая, ругань и брань всякая. Схватила это Авдотья Петрова ухватъ и гонитъ его вонъ.

Предсѣдатель. Но вотъ вы показывали, что Труфакинъ жилъ съ Авдотьей Петровой какъ мужъ съ женой, подтверждаете вы это, или нѣтъ?

Свидѣтельница. (съ запинкой). Я-съ этого не знаю, какъ ужъ знать. Обыкновенно, какъ они себѣ всякое удовольствіе получали и прочее... Можетъ быть и жили-съ. Днемъ же сколько разъ видѣла Труфакинъ ходилъ, и утромъ часовъ въ 9, а ночью не замѣтила, да и не любопытствовала знать, что тамъ полюбовники дѣлаютъ.

Подсудимый. Они, это самое, самоваръ ставили, чай тамъ пьютъ, а я тутъ сидѣлъ въ сѣняхъ.

Одинъ изъ присяжныхъ. Задолго-ли эта сцена чаепитія была до 13 апрѣля.?

Предсѣдатель. Это было въ пятницу на страстной недѣлѣ.

Затѣмъ судебное слѣдствіе было окончено и приступлено было къ преніямъ.

Прокуроръ Обнинскій. Гг. присяжные засѣдатели! Преступленіе, въ которомъ обвиняется Прохоръ Живорыкинъ, есть преднамѣренное и обдуманное покушеніе на убійство. Что здѣсь ничего не было случайнаго, моментальнаго — это я вамъ постараюсь доказать. Обстоятельства этого дѣла вкратцѣ слѣдующія. Живорыкинъ уже 9 лѣтъ женатъ и жилъ съ женою одинъ только годъ, затѣмъ все врозь, по мѣстамъ. Въ послѣднее время онъ жилъ на фабрикѣ, а она жила на квартирѣ городоваго Ефимова, съ которымъ знакомъ былъ унтеръ-офицеръ Труфакинъ; послѣдній познакомился въ квартирѣ Ефимова съ женой Живорыкина. Это-то знакомство послужило поводомъ для Живорыкина заподозрить свою жену въ невѣрности. 13 апрѣля прошлаго года Живорыкинъ является на квартиру къ своей женѣ и выбравъ удобное время, когда всѣ постронніе удалились, наноситъ ей топоромъ нѣсколько ранъ, вслѣдствіе которыхъ жена его лишается наконецъ чувствъ. Услыхавъ шумъ и крикъ, сосѣдка Живорыкиной Пелагея Поликарпова вбѣгаетъ въ сѣни и застаетъ Живорыкина стоящимъ одной колѣнкой на груди своей жены съ замахнувшимся топоромъ. Ей удается вырвать топоръ, послѣ чего она бѣжитъ къ мужу, будитъ его, и такимъ образомъ готовое совершиться убійство было остановлено. Живорыкинъ былъ задержанъ и отправленъ въ кварталъ, а жена его въ городскую больницу для излеченія. Изъ акта осмотра Живорыкиной видно, что ей нанесены были тяжкія раны въ голову, шею и плечи. Такимъ образомъ, фактическая сторона дѣла совершенно разъяснена. Преступникъ найденъ, онъ самъ сознался въ пре-

ступленіи; свидѣтельскія показанія совершенно согласны съ обстоятельствами дѣла.

Теперь только вамъ остается, гг. присяжные засѣдатели, разрѣшить психологическій вопросъ: было ли это преступленіе совершено подъ вліяніемъ аффекта, моментально, были ли основательныя побужденія рѣшиться на такое преступленіе, или же, напротивъ, все это дѣло есть плодъ строгаго, холоднаго расчета, обдуманнаго намѣренія? Для разрѣшенія этого вопроса намъ помогутъ показанія какъ самихъ сторонъ, такъ и свидѣтелей, которыхъ вы слышали здѣсь на судѣ. Авдотья Петрова разсказывала намъ, что она уже 8 лѣтъ не живетъ съ мужемъ, а нанимается въ услуженіе. Мужъ являлся къ ней только за полученіемъ денегъ, которыя тотчасъ же и пропивалъ. Вслѣдствіе этого, конечно, происходили между ними ссоры. Такая же сцена случилась и 13 апрѣля, но окончилась она тѣмъ, что Живорыкинъ хотѣлъ убить свою жену. Какъ это происходило, вы это уже знаете. Подсудимый въ свое оправданіе говоритъ, что жена не хотѣла съ нимъ жить, потому что поведенія была развратнаго и честно жить не хотѣла, что на всѣ его увѣщанія отвѣчала одной бранью, насмѣшками, что въ послѣднее время онъ ясно убѣдился въ ея связи съ городовымъ Труфакинымъ. Послѣднее это обстоятельство на судебномъ слѣдствіи не подтвердилось, но положимъ, что это и такъ. Какъ же онъ поступилъ въ этомъ случаѣ? На страстной недѣлѣ онъ приходитъ къ женѣ и застаетъ тамъ Труфакина, въ воскресенье тоже застаетъ его у жены, видитъ его даже на постели; самого его гонятъ вонъ. И все это вызываетъ въ немъ одинъ только ропотъ. Въ словахъ его, обращенныхъ къ женѣ: „пора бы тебѣ перестать заниматься этими глупостями,“ ясно рисуется человѣкъ. Очевидно его моральное чувство не было сильно возмущено, взволновано такимъ поведеніемъ жены. На невѣрность жены онъ смотритъ довольно хладнокровно. Спустя уже довольно продолжительное время, именно въ 9 часовъ вечера въ понедѣльникъ, онъ захотѣлъ *„поучить жену,“* схватилъ топоръ и ударилъ ее нѣсколько разъ по головѣ, но, прибавляетъ, намѣренія убить ее никогда не имѣлъ. Но посмотримъ насколько же правдоподобно такое объясненіе. Какъ видно, особеннаго значенія супружеской невѣрности онъ не придавалъ, но въ немъ возмущено было чувство собственнаго достоинства, чувство самолюбія и вслѣдствіе этого закралась въ душу злоба противъ жены, зачѣмъ она предпочла ему Труфакина.

Вы видите, что онъ и не мститъ Труфакину, доказательство, что лично противъ него онъ ничего не имѣетъ, а всю свою злобу обращаетъ противъ жены. Онъ хладнокровно заранѣе об-

думываетъ планъ убійства. Если преступленіе было бы совершено подъ вліяніемъ аффекта, мгновенно вспыхнувшаго раздраженія, это было бы понятно, но здѣсь мы видѣли совершенно противное. Подсудимый замѣчаетъ въ пятницу, что жена ему измѣняетъ, онъ лично въ этомъ удостовѣряется и только въ понедѣльникъ онъ рѣшается наказать жену. Такимъ образомъ мнѣ кажется, я ясно доказалъ, что здѣсь не было возбужденія, временнаго безпамятства, но напротивъ хладнокровное обдуманное намѣреніе. Разберемъ нѣкоторые факты, подтверждающіе еще болѣе наши выводы. Подсудимый отзывается о топорѣ, что онъ ему не принадлежалъ, что попался ему случайно подъ кроватью его жены, между тѣмъ всѣ свидѣтельскія показанія намъ ясно доказали, что топоръ этотъ никому изъ жильцовъ квартиры Ефимова не принадлежалъ, и чей онъ—они не знаютъ. Почему подсудимый такъ упорно отказывается отъ этого топора? Конечно онъ хорошо понимаетъ, что скажи, что топоръ принесъ онъ, этимъ самымъ онъ обнаружилъ бы заранѣе обдуманное намѣреніе къ совершенію преступленія, чего онъ и желаетъ всего болѣе избѣжать. Замѣчаніе, со стороны защиты, что топоръ не иголка, что спрятать его нельзя, мнѣ кажется несостоятельно. Подсудимый одѣтъ былъ въ этотъ день въ широкой поддевкѣ и легко могъ прицѣпить подъ поддевкой топоръ, какъ и объясняетъ Авдотья Петрова; онъ могъ наконецъ оставить его въ сѣняхъ гдѣ-нибудь въ углу, и выбравъ удобную минуту, взять его оттуда и нанести имъ ударъ. Но мы слышали со стороны подсудимаго, что онъ желалъ только поучить жену, а не убить ее. Что топоръ, наука плохая, это кажется извѣстно было подсудимому и слѣдовательно онъ никакъ не имѣлъ желанія поучить жену, но обдуманное заранѣе намѣреніе убить ее. Еслибы не подоспѣли на помощь жильцы, онъ вѣроятно и совершилъ бы убійство, слѣдовательно, не состоялось оно только потому, что ему въ этомъ помѣшали. Такимъ образомъ я обвиняю Прохора Иванова Живорыкина въ преднамѣренномъ покушеніи на убійство, и что убійство не совершилось по обстоятельствамъ отъ него независящимъ. Я убѣжденъ, что вы, господа засѣдатели, вынесите обвинительный вердиктъ.

Присяжн. повѣр. Березницкій. Всякое преступленіе представляетъ двѣ стороны: внѣшнюю, фактическую, объективную и внутреннюю, личную, субъективную. Внѣшняя сторона дѣла, конечно, прежде всего бросается въ глаза. Въ этомъ отношеніи настоящее дѣло намъ представляетъ побои, нанесенныя Живорыкинымъ своей женѣ 13 апрѣля 1870 г. Фактъ этотъ признанъ подсудимымъ и не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Вопросъ заключается только въ томъ—какія это побои, тяжелыя или лег-

кія. Изъ прочтеннаго акта осмотра и рѣчи прокурора видно, что побои относятся къ классу тяжкихъ. Я же съ своей стороны обращаю ваше вниманіе, гг. присяжные, на то, что дѣло не представляетъ ни одного доказательства для убѣжденія, чтобы побои были дѣйствительно тяжкія. Актъ осмотра, будучи составленъ не въ порядкѣ установленномъ закономъ, за что судебный слѣдователь получилъ замѣчаніе, не долженъ имѣть ни малѣйшаго значенія въ вашихъ глазахъ. Чтобы судить о побояхъ, надо быть врачемъ; но ни я, ни прокуроръ — мы не врачи. Да я увѣренъ, если позвать нѣсколькихъ врачей, то и они не всѣ сойдутся въ мнѣніяхъ. Тѣмъ не менѣе изъ ихъ разногласія, изъ ихъ доводовъ вы могли бы составить понятіе о свойствѣ побоевъ. Въ настоящемъ же случаѣ при отсутствіи экспертовъ, вы не только не имѣете основанія отнести ихъ къ тяжелымъ, но изъ того обстоятельства, что выздоровленіе потерпѣвшей шло очень быстро, что она въ нѣсколько дней совершенно оправилась, вы должны заключить, что побои были легкія. Далѣе, обвинительная власть признавая побои, видитъ за ними намѣреніе подсудимаго убить свою жену, намѣреніе обдуманное, холодное, заранѣе составленное и обвиняетъ его въ покушеніи на убійство съ предумышленіемъ. Гг. присяжные, я не знаю ни одного факта, ни одного дѣйствія, я не слышалъ здѣсь на судѣ ни одного свидѣтельскаго показанія, которое сколько-нибудь оправдывало бы догадки обвинительной власти. Тотъ доводъ прокурора, что Живорыкинъ могъ бы убить топоромъ свою жену, не имѣетъ никакого значенія, потому что вы призваны судить не о томъ, что могло бы быть, а о томъ, что есть, что уже совершилось. Топоръ, этотъ роковой топоръ, о которомъ безуспѣшно допытывались, кому онъ принадлежитъ, выставляется аргументомъ предумышленія. Въ самомъ дѣлѣ удивительно—откуда взялся этотъ топоръ. Живорыкинъ пришелъ къ своей женѣ, всѣ это видѣли, и никто не замѣтилъ у него топора; вдругъ является топоръ, всѣ жильцы той квартиры, гдѣ совершилось преступленіе, отъ него отказываются. Вѣдь не выросъ же онъ изъ земли. Мнѣ кажется, что разгадка заключается въ слѣдующемъ: вы помните, какъ эти свидѣтели давали свои показанія, всѣ они живутъ чуть не въ одной комнатѣ, все у нихъ совершается открыто, публично, при всѣхъ, а спросите у одного или одной про другую—знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, конечно, на судѣ, дома другое дѣло, тамъ всѣ и все знаютъ. Да и нельзя, впрочемъ, винить ихъ за это. Скажи кто нибудь, что это его топоръ, вѣдь пожалуй заподозрили бы, обвинили бы въ соучастіи, а ужь потаскать-то ужь навѣрное потаскали бы порядочно. То ли дѣло это спасительное, вѣками изведанное, классическое знать не знаю, вѣдать не

вѣдаю! Наша обвинительная власть подъ часъ до того придирчива, мелочна....

Предсѣдатель. Г. защитникъ, я васъ прошу исключить изъ своей рѣчи обвиненіе прокуратуры.

Защитникъ. И такъ, гг. присяжные засѣдатели, я прихожу къ убѣжденію, что если можно обвинять Живорыкина, то въ нанесеніи легкихъ побоевъ, но никакъ не въ покушеніи на убійство съ предумышленіемъ. А если побои нанесены, то, естественно, представляется вопросъ, чѣмъ опредѣлялась его воля, что вызвало извѣстное дѣяніе, вмѣняемо ли оно? Вы легко согласитесь, гг. присяжные, со мною, что если развернулась эта широкая натура, атлетическаго сложенія, то вѣроятно на то была серьезная причина. Какая же? Что вызвало въ подсудимомъ такую дикую, звѣрскую штуку? Здѣсь на судѣ обнаружилось какъ день, что жена Живорыкина измѣнила ему, жила съ любовникомъ отдѣльно отъ мужа; подсудимый это зналъ и возмущался поведеніемъ своей жены и обращеніемъ ея съ нимъ. Не мало Живорыкинъ упрашивалъ, уговаривалъ свою жену оставить эти глупости, какъ онъ самъ выражается, не разъ онъ предупреждалъ Труфакина „не вязаться къ замужней женщинѣ.“ Но ни то, ни другое не помогало. Вмѣсто уступокъ своему ревнивому чувству онъ встрѣчалъ самое наглое сопротивленіе, угрозы, брань, ругательства своей жены. Поддерживаемая авторитетомъ своего полицейскаго любовника, она выгоняетъ мужа изъ квартиры, его выпроваживаютъ съ дворникомъ, грозятъ ему титовкою. Что тутъ дѣлать? Неужели можно оставаться равнодушнымъ и спокойнымъ ко всему этому? Знаменитый Шекспиръ представилъ намъ въ своемъ „Отелло“ поразительный примѣръ тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, до которыхъ можетъ доходить ревность. Конечно, сравненіе здѣсь невозможно, но послѣдствія ревности, возбуждаемой такимъ циничнымъ образомъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, всегда ведутъ къ подобнымъ результатамъ. Можно возмущаться такими звѣрскими проявленіями разбушевавшейся ревности, но нельзя сказать, чтобы они не были естественны. Правда, цивилизація XIX столѣтія выработала болѣе гуманныя понятія и отношенія къ женщинѣ. Но проникли ли эти идеи въ наше высшее и среднее сословіе? Если эти идеи въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которое учится и въ школахъ, и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, считаются модными, то чего намъ ожидать отъ нашего простаго народа, чуждаго всякаго развитія, грубаго, невѣжественнаго, который живетъ и дышетъ принципами домостройнаго устава.

Удивительно ли развѣ, если дѣти, смотря на отцевъ, какъ они обращаются со своими женами, становясь мужьями, повторяютъ

практику своихъ отцевъ. Люби жену какъ душу, а тряси ее какъ грушу; бей жену обухомъ, припади да понюхай—дышетъ да морочитъ, еще хочетъ. Въ этихъ поговоркахъ выражаются тѣ принципы, которыми живетъ нашъ простой народъ съ момента своего рожденія, каждый день, на каждомъ шагу онъ видитъ ихъ примѣненіе. Нѣтъ, гг. присяжные, не казнить, не карать такихъ людей надо, а учить, развивать, облагораживать. Вотъ тѣ мотивы, которые должны служить основаніемъ вашего приговора, я ввѣряю ихъ вамъ въ увѣренности, что они найдутъ отголосокъ въ вашемъ сердцѣ.

Въ заключеніе *подсудимый* сказалъ: „Люди присяжные! Я этому и самъ не радъ. Попался мнѣ топоръ,—онъ мнѣ, это самое, вмѣсто полѣна показался... возьмите во вниманіе.“

Для разрѣшенія присяжныхъ засѣдателей судомъ было постановлено 2 вопроса.

1) Виновенъ ли крестьянинъ Тульской губ., Богородицкаго уѣзда, деревни Большаго Воейкова Прохоръ Ивановъ Живорыкинъ, 30 лѣтъ, въ томъ, что 13 апрѣля 1870 г. нанесъ женѣ своей Авдотьѣ Петровой съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ лишить ее жизни нѣсколько ранъ топоромъ по головѣ и остановленъ былъ потому, что ему въ этомъ помѣшала Пелагея Поликарпова Ефимова, и

2) Если не виновенъ по 1-му вопросу, то не виновенъ ли въ томъ, что нанесъ ей тяжкія раны, не имѣя цѣли лишить ее жизни, въ запальчивости, однако не случайно, а съ знаніемъ послѣдствій подобнаго дѣянія.

Черезъ $^3/_4$ часа присяжные вернулись изъ комнаты своихъ совѣщаній и вынесли слѣдующій вердиктъ: на 1-й вопросъ „нѣтъ, не виновенъ“, и на 2-й—„да, виновенъ, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и безъ цѣли лишить ее жизни; побои нанесены легкія.“

Судъ, на основаніи вердикта присяжныхъ, постановилъ слѣдующій приговоръ: крестьянина Прохора Иванова Живорыкина, 30 лѣтъ, обвиненнаго гг. присяжными засѣдателями въ нанесеніи женѣ своей легкихъ побоевъ, безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія и безъ цѣли лишить ее жизни, заключить въ тюрьму на *три* мѣсяца.

Московской судебной палаты.

I.

Мировое прошеніе, подаваемое по довѣренности, должно быть предварительно явлено къ засвидѣтельствованію у мироваго судьи или у нотаріуса. Для дѣйствительности довѣренности, данной повѣреннымъ, недостаточно изложенія въ оной содержанія полномочій, которыми этотъ послѣдній облеченъ, если въ засвидѣтельствованіи вѣрющаго письма нѣтъ прямаго указанія на предъявленіе нотаріусу первоначальной довѣренности. (Ст. Уст. Граж. (Суд. 250 и 1361.)

1870 года іюля 24 дня, по указу Его Императорскаго Величества московская судебная палата по гражданскому департаменту въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ членовъ В. С. Понафидина, въ составѣ членовъ: Б. А. Миллера и С. Н. Раевскаго разсматривала прошеніе коллежскаго совѣтника Александра Клеванова и наслѣдниковъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барыкова, князей Енгалычевыхъ, гг. Өедоровыхъ и вдовы умершаго Барыковой о прекращеніи поступившаго въ палату по апелляціонной жалобѣ Клеванова дѣла по иску его съ наслѣдниковъ Барыкова 1380 руб. за веденіе дѣла. Обстоятельства дѣла: въ московскомъ окружномъ судѣ производилось дѣло о взысканіи коллежскимъ совѣтникомъ Клевановымъ съ вдовы дѣйствительнаго статскаго совѣтника Екатерины Барыковой, какъ наслѣдницы и опекунши надъ имѣніемъ умершаго мужа ея, за веденіе дѣлъ 1380 руб. 70 коп. На состоявшееся по сему дѣлу рѣшеніе окружнаго суда принесена была Клевановымъ апелляціонная жалоба судебной палатѣ. За тѣмъ 3 апрѣля 1870 г. поступило въ палату отъ коллежскаго совѣтника Александра Семенова Клеванова и наслѣдниковъ умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барыкова князей Алексѣя, Андрея и Николая Енгалычевыхъ, коллежскаго регистратора Өедора Өедорова и гвардіи поручика Александра Өедорова Өедоровыхъ и вдовы умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Екатерины Барыковой мировое прошеніе, въ которомъ они объясняя, что они положили окончить дѣло о взысканіи Клевановымъ съ г. Барыковой, какъ опекунши надъ имѣніемъ умершаго Барыкова, вознагражденія за веденіе дѣла покойнаго ея мужа всего 1310 р. миромъ и совершенно его прекратить за себя и наслѣдниковъ, обязуясь и впредь онаго не начинать, просили палату означенное дѣло производствомъ прекратить. Прошеніе это подписано кол-

лежскимъ совѣтникомъ Клевановымъ, гвардіи поручикомъ Александромъ Өедоровымъ, а за прочихъ лицъ повѣреннымъ ихъ, коллежскимъ ассессоромъ Антоновымъ. При прошеніи этомъ представлены: 1) довѣренность, выданная коллежскому ассесору Ювеналію Евпсихьевичу Антонову гвардіи поручикомъ Александромъ Өедоровымъ Өедоровымъ, *въ которой сей послѣдній уполномочиваетъ Антонова дѣйствовать на точномъ основаніи довѣренности, выданной ему князьями: Андреемъ, Алексѣемъ и Николаемъ Енгалычевыми, коллежскимъ регистраторомъ Өедоромъ Өедоровымъ и вдовою дѣйствительнаго статскаго совѣтника Екатериною Барыковою.* Въ довѣренности этой *прописано и содержаніе той довѣренности, которая выдана была означенными выше лицами Александру Өедорову Өедорову, и по которой сей послѣдній между прочимъ уполномоченъ былъ* ими ходатайствовать по всѣмъ дѣламъ производящимся и впредь могущимъ возникнуть во всѣхъ прежнихъ и новыхъ судебныхъ установленіяхъ *и оканчивать дѣла миромъ* и 2) удостовѣреніе нотаріуса Эггерса объ утвержденіи упомянутыхъ въ прошеніи лицъ въ правахъ наслѣдства къ имѣнію Барыкова. Принимая во вниманіе: 1) что на основ. ст. 1361 уст. гр. суд. мировое прошеніе, посылаемое въ судебное мѣсто по почтѣ или подаваемое по довѣренности, должно быть предварительно явлено у нотаріуса или у мироваго судьи и что мировое прошеніе Клеванова и наслѣдниковъ умершаго дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барыкова князей Алексѣя, Андрея и Николая Енгалычевыхъ, Өедора и Александра Өедоровыхъ Өедоровыхъ и вдовы умершаго Екатерины Барыковой, поданное въ палату чрезъ повѣреннаго послѣднихъ, коллежскаго ассесора Антонова не было предварительно явлено у нотаріуса и 2) что за непредставленіемъ Антоновымъ *первоначальной довѣренности, данной наслѣдниками Барыкова* Александру Өедорову *Өедорову*, а равно въ виду содержанія сдѣланнаго нотаріусомъ на довѣренности отъ Александра Өедорова Антонову засвидѣтельствованія остается, вопреки 250 ст. уст. не извѣстнымъ, дѣйствительно ли Александръ Өедоровъ былъ уполномоченъ довѣрителями своими на прекращеніе дѣла миромъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ, имѣетъ ли Антоновъ на сіе законное полномочіе, судебная палата опредѣляетъ: настоящее прошеніе коллежскаго совѣтника Клеванова и наслѣдниковъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Барыкова князей Енгалычевыхъ и гг. Өедоровыхъ и вдовы умершаго Барыковой на основ. ст. 250 и 1361 уст. гр. суд., оставить безъ послѣдствій.

II.

Росписка въ полученіи денегъ за запроданное недвижимое имущество не имѣетъ силы задаточной росписки, когда означенный въ ней срокъ на совершеніе купчей простирается далѣе шести недѣль (ст. 1685—1687 т. X зак. граж. ч. 1). Равнымъ образомъ росписка, выданная при такихъ условіяхъ, не имѣетъ значенія запродажной записи, для дѣйствительности которой закономъ установлены особыя правила при совершеніи оной (ст. 1863 т. X ч. 1).

1870 года ноября 25 дня, по указу Его Императорскаго Величества, московская судебная палата, по 2 гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя департамента Е. Е. Люминарскаго, въ составѣ членовъ А. И. Вейденгаммера и Ф. В. Вешнякова, разсматривала дѣло по апелляціи повѣреннаго князя Ивана Хилкова, присяжнаго повѣреннаго Рихтера, на рѣшеніе московскаго окружнаго суда о признаніи недѣйствительною запродажной росписки, выданной курляндскимъ уроженцемъ Берхманъ, по довѣренности князя Хилкова, швейцарскому гражданину Гурье.—26 января 1866 года курляндскій уроженецъ Мартынъ Берхманъ, выдалъ швейцарскому уроженцу, Карлу Гурье, документъ на простой бумагѣ слѣдующаго содержанія: „Москва „тысяча восемь сотъ шестьдесятъ шестаго года, генваря двад„цать шестаго дня, я нижеподписавшійся курляндскій уроженецъ „Мартынъ Андреевъ Берхманъ далъ сію росписку по довѣрен„ности коллежскаго совѣтника князя Ивана Александровича Хил„кова, выданной коллежскому асессору князю Михаилу Ивано„вичу Хилкову, а отъ него по передовѣрію ко мнѣ Берхманъ, „швейцарскому гражданину Карлу Александровичу Гурье, въ „томъ, что продалъ я Берхманъ ему, Гурье принадлежащую князю „Хилкову землю, оставшуюся за надѣломъ крестьянъ, состоящую „Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда, при деревнѣ Санино „въ разныхъ пустошахъ въ количествѣ тысячи двухъ сотъ вось„ми десяти (1280) десятинъ съ находящимися на ней лѣсомъ и „строеніемъ, доставшуюся князю Хилкову по наслѣдству отъ „умершаго брата его князя Степана Александровича Хилкова, „цѣною за три тысячи (3000) рублей серебромъ и вышеписан„ныя деньги три тысячи рублей серебромъ *при написаніи сей „росписки всѣ сполна получилъ*; купчую крѣпость должны совер„шать во 2 департаментѣ московской гражданской палаты не „позже (10) десятаго числа (сего) марта мѣсяца сего года, ра„сходы при совершеніи купчей должны быть пополамъ, каковую

„росписку я, Берхманъ и выдалъ ему, Гурье на основаніи I ч. „X т. св. зак. гражд. изд. 1857 года ст. 1685—1689, по смыслу „коихъ въ опредѣленный срокъ по коимъ либо причинамъ зави- „сящимъ со стороны продавца, продавецъ долженъ взятыя день- „ги возвратить покупщику Гурье двойнымъ числомъ безъ суда „и спора. Къ сей роспискѣ курляндскій уроженецъ Мартынъ „Андреевъ Берхманъ по довѣренности коллежскаго совѣтника „князя Ивана Александровича Хилкова, выданной имъ коллеж- „скому асессору князю Михаилу Ивановичу Хилкову, явленной въ „Бежецкомъ уѣздномъ судѣ 29 апрѣля 1860 года, а симъ послѣд- „нимъ по довѣренности выданной мнѣ, Берхманъ, явленной 7 іюня „1865 года въ томъ же уѣздномъ судѣ,—руку приложилъ.“ Упомянутыми въ концѣ этого документа довѣренностями означенные въ этихъ довѣренностяхъ лица уполномочены были имѣніе князя Ивана Хилкова, Владимірской губерніи, Покровскаго уѣзда въ деревнѣ Саниной, сельца Старова закладывать въ кредитныя установленія или въ частныя руки и продавать въ цѣлости или по частямъ. 16 марта 1866 г. Гурье предъявилъ вышеозначенный документъ, выданный ему отъ Берхманъ, въ московскую управу благочинія ко взысканію по этой роспискѣ на первоначальнаго довѣрителя, князя Ивана Хилкова. Московская управа благочинія постановила: признавъ этотъ документъ запродажною роспискою, взыскать съ князя Ивана Хилкова задаточныя деньги въ двойномъ количествѣ 6000 руб. сер., которыя по взысканіи и выдать Гурье. Въ видахъ отмѣны этого постановленія управы благочинія, 22 іюля 1868 г. князь Иванъ Хилковъ предъявилъ къ Гурье и Берхманъ искъ, въ которомъ просилъ московскій окружный судъ произвольно данную Берхманомъ Гурье запродажную росписку признать въ отношеніи къ нему, князю Ивану Хилкову, недѣйствительною и ничтожною и отъ всякой отвѣтственности по оной его устранить. При исковомъ прошеніи представлено между прочимъ письмо къ князю Ивану Хилкову отъ Берхманъ отъ 30 марта 1866 года, въ коемъ послѣдній увѣдомляетъ, что взятые по роспискѣ у Гурье 3000 руб. сер. употреблены имъ на уплату долговъ князя Михаила Ивановича по сохраннымъ роспискамъ. Московскій окружный судъ при разсмотрѣніи сего дѣла призналъ, что хотя составляющая предметъ настоящаго дѣла росписка и не можетъ быть признана за задаточную, но тѣмъ не менѣе документъ этотъ можетъ служить доказательствомъ, что г. Гурье заплатилъ Берхману 3000 руб. сер. и въ виду того, что и князь Хилковъ не отрицаетъ полученіе денегъ, окружный судъ рѣшеніемъ, состоявшимся 5 сентября 1869 года постановилъ: отмѣнивъ рѣшеніе московкой управы благочинія, взыскать съ князя Ивана Хилкова въ

пользу Гурье 3000 руб. сер. и судебныя издержки по веденію дѣла съ сей суммы на удовлетвореніе какъ Гурье, такъ и Берхманъ по равной части въ количествѣ 186 руб. 66 коп. сер. На это рѣшеніе апелляціонная жалоба поступила отъ князя Ивана Хилкова. Повѣренный его, присяжный повѣренный Рихтеръ, проситъ во 1-хъ, князя Ивана Хилкова освободить отъ взысканія; если палата не признаетъ этого требованія правильнымъ, то возложить отвѣтственность въ этихъ деньгахъ предъ княземъ Хилковымъ на Берхманъ и во 2-хъ, судебныя издержки апелляторъ просилъ возложить на Гурье, а если послѣдній не будетъ обвиненъ, то на Берхманъ. Въ объясненіи на апелляцію повѣренный Гурье, присяжный повѣренный Алексѣевъ, просилъ апелляціонную жалобу оставить безъ уваженія, возложивъ на апеллятора вознагражденіе за судебныя издержки и за веденіе дѣла во 2-й инстанціи. Г. Алексѣевъ утверждалъ, что если росписка, выданная Берхманомъ Гурье, по несоблюденію въ ней требуемаго 1687 ст. I ч. X т. зак. гражд. срока, признана окружнымъ судомъ лишенною послѣдствій, установленныхъ для задаточныхъ росписокъ, то это не можетъ имѣть никакого вліянія на право Берхмана получать деньги за запродаваемыя имъ по довѣренности имѣнія князя Хилкова и не можетъ лишать Гурье права на обратное полученіе отъ князя Хилкова денегъ, данныхъ съ цѣлію покупки у него земли и только подъ этимъ условіемъ. На судебномъ засѣданіи палаты стороны объяснили: повѣренный апеллятора, что за пересылкою изъ московской управы благочинія всего производства ея по иску Гурье съ князя Хилкова въ московскую судебную палату, онъ не могъ представить палатѣ никакого документа въ разъясненіе вопроса о времени подачи Гурье въ управу благочинія прошенія съ роспиской, но полагаетъ, что днемъ подачи означеннаго прошенія должно быть признано 16 марта, показанное въ подлинномъ опредѣленіи управы благочинія. Но если допустить, что прошеніе то было подано 10 марта, то и въ такомъ случаѣ оказывается, что искъ былъ предъявленъ въ 43 день послѣ выдачи спорной росписки, и что самая росписка, какъ данная на срокъ далѣе 6 недѣль, не можетъ быть признана задаточной. Такимъ образомъ 6-ти недѣльный срокъ на предъявленіе ко взысканію росписки князя Хилкова былъ г. Гурье несомнѣнно пропущенъ. Но независимо сего означенная росписка представляется необязательною для князя Хилкова еще и по другимъ основаніямъ. Князь Хилковъ уполномочилъ своего сына на совершеніе только двоякаго рода актовъ: купчихъ или закладныхъ крѣпостей; *совершить же запродажную запись, или выдать росписку о задаткѣ или какое либо другое долговое обязательство послѣдній въ силу той довѣ-*

ренности не имѣетъ права. А засимъ и росписка, выданная повѣреннымъ Хилкова, Берхманъ Гурье, представляется недѣйствительною, и произведенное по ней управою благочинія взысканіе съ князя Хилкова должно быть признано неправильнымъ. Повѣренный отвѣтчика Гурье, въ возраженіи своемъ, соглашаясь съ мнѣніемъ повѣреннаго апеллятора, что спорная росписка не можетъ быть признана роспиской о задаткѣ, объяснилъ, что она заключаетъ въ себѣ всѣ признаки запродажной записи; что установленный закономъ 6-ти недѣльный срокъ для дѣйствительности задаточныхъ росписокъ къ настоящей роспискѣ примѣненъ быть не можетъ; что неформальное совершеніе этого акта не лишаетъ его обязательной силы относительно князя Хилкова, при непредъявленіи со стороны послѣдняго спора противъ подлинности того акта, и что наконецъ въ довѣренности, которою князь Хилковъ поручалъ своему сыну совершить купчую крѣпость, *необходимо заключалось и полномочіе на совершеніе актовъ, предшествующихъ обыкновенно выдачѣ купчей, къ числу которыхъ должны быть отнесены и запродажныя записи.* Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла и обращаясь къ опредѣленію значенія росписки 26 января 1866 года на основаніи коей производится взысканіе съ князя Ивана Хилкова, судебная палата находитъ, что хотя выдавшій означенную росписку по довѣренности князя Ивана Хилкова и по передовѣрію отъ князя Михаила Хилкова, курляндскій уроженецъ Берхманъ и объяснилъ въ самомъ документѣ, что она выдается на основаніи 1685—1689 ст. т. X ч. I зак. гражд., то-есть на основаніи законовъ о задаточныхъ роспискахъ, тѣмъ не менѣе однако *за назначеніемъ въ сей роспискѣ срока для совершенія купчей 10 марта 1866 г., тогда какъ 6-ти недѣльный срокъ оканчивался 9 числа того мѣсяца, означенная росписка не можетъ быть роспискою о задаткѣ,* такъ какъ дѣйствіе оной на основаніи 1687 ст. т. X ч. I зак. гражд. ограничивается 6 недѣльнымъ срокомъ со дня ея выдачи и продавецъ и покупщикъ, въ силу закона, обязываются совершить формальный актъ до истеченія 6 недѣль со дня выдачи росписки, а не по минованіи оныхъ. Впрочемъ въ настоящее время повѣренные обѣихъ сторонъ, на судебномъ засѣданіи палаты, положительно выразили, что они не признаютъ документъ выданный 26 января 1866 года за росписку о задаткѣ. Обращаясь затѣмъ къ ходатайству присяжнаго повѣреннаго Алексѣева о признаніи сего документа запродажной записью, судебная палата находитъ, что по закону запродажная запись принадлежитъ къ числу документовъ, обязательная сила коихъ зависитъ отъ соблюденія при совершеніи оныхъ извѣстныхъ формальностей, чѣмъ самымъ акты сего рода существенно отли-

чаются отъ росписокъ о задаткѣ. Разрѣшая писать сіи послѣднія и не на гербовой бумагѣ и выдавать оныя за одной подписью лица, получившаго задатокъ (ст. 1686), законъ, изображенный въ 1683 ст. т. X ч. I зак. гражд. вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобы запродажная запись была написана на гербовой крѣпостной бумагѣ по цѣнѣ запродаваемаго недвижимаго имущества и была предъявлена для засвидѣтельствованія къ крѣпостнымъ дѣламъ (существовавшимъ во время выдачи росписки) и записана въ состоящую при оныхъ книгу. За несоблюденіемъ вышеизложенныхъ правилъ при выдачѣ 26 января 1866 года росписки, таковая не можетъ быть признана запродажной записью. При неформальности акта, составляющаго предметъ настоящаго дѣла, единственнымъ основаніемъ ко взысканію съ князя Ивана Хилкова присужденной окружнымъ судомъ суммы, могло бы служить сознаніе послѣдняго въ полученіи оной отъ Гурье, но князь Иванъ Хилковъ не только не признавалъ полученія отъ Гурье 3000 руб. сер., но, напротивъ того, представленнымъ при исковомъ прошеніи письмомъ къ нему отъ Берхманъ, противъ коего послѣдній никакихъ возраженій не представлялъ, положительоо доказалъ, что полученные Берхманомъ отъ Гурье 3000 руб. сер. были имъ употреблены на уплату долговъ князя Михаила Хилкова, на что князь Иванъ Хилковъ Берхмана не уполномочивалъ. Вслѣдствіе сего, признавая, что князь Иванъ Хилковъ не можетъ подлежать отвѣтственности предъ Гурье и по тѣмъ основаніямъ, которыя приняты для сего окружнымъ судомъ, московская судебная палата постановляетъ: отмѣнивъ рѣшеніе окружнаго суда швейцарскому гражданину Карлу Гурье во взысканіи съ князя Ивана Хилкова отказать, возложивъ на Гурье и Берхмана отвѣтственность предъ княземъ Иваномъ Хилковымъ въ судебныхъ по сему дѣлу издержкахъ. Производство по настоящему дѣлу возвратить въ московскій окружный судъ при копіи съ сего рѣшенія.

III.

Для признанія недѣйствительнымъ завѣщанія самоубійцы въ порядкѣ гражданскаго суда необходимо предварительное рѣшеніе уголовнаго суда о томъ, что завѣщатель лишилъ себя жизни съ намѣреніемъ и не въ безуміи, сумасшествіи или временномъ отъ какихъ-либо болѣзненныхъ припадковъ безпамятствѣ. (т. X ч. I 2 п. 1017 ст., Улож. о наказ. ст. 1472).

1871 года февраля 10 дня, по указу Его Императорскаго Величества, московская судебная палата, по 2-му гражданскому департаменту, въ публичномъ судебномъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ старшаго изъ присутствующихъ членовъ Ф. В. Вишнякова, въ составѣ членовъ Н. Н. Павлова и Д. С. Охлябинина, разсматривала дѣло по частной жалобѣ повѣреннаго подполковника Евстафія Степановича Кострова, губернскаго секретаря Свѣшникова, на опредѣленіе московскаго окружнаго суда по дѣлу объ утвержденіи духовнаго завѣщанія надворнаго совѣтника Кострова. Вдова купчиха Троицко-Сергіевскаго посада Пелагея Быстрова представила въ московскій окружный судъ къ утвержденію для исполненія составленное въ ея пользу надворнымъ совѣтникомъ Александромъ Костровымъ духовное завѣщаніе отъ 9 января 1870 года. Изъ надписи, удостовѣряющей о смерти завѣщателя на свидѣтельствѣ ему для свободнаго проживанія въ Москвѣ и бывшей въ виду окружнаго суда при представленіи завѣщанія, видно, что 14 августа 1870 года застрѣлившійся завѣщатель Костровъ погребенъ на Ваганьковскомъ кладбищѣ и что чинъ погребенія совершенъ въ церкви приходскимъ священникомъ. Окружный судъ опредѣленіемъ, состоявшимся 30 сентября 1870 г. постановилъ: утвердить къ исполненію означенное духовное завѣщаніе Александра Кострова. На это опредѣленіе принесъ частную жалобу губернскій секретарь Свѣшниковъ, повѣренный подполковника генеральнаго штаба Евстафія Кострова, названнаго въ жалобѣ роднымъ братомъ умершаго завѣщателя. Прося отмѣнить обжалованное опредѣленіе окружнаго суда и отказать Быстровой въ утвержденіи помянутаго завѣщанія, г. Свѣшниковъ утверждаетъ, что въ виду 2 п. 1017 ст. I ч. X т. зак. гражд. духовное завѣщаніе Александра Кострова, какъ завѣщаніе самоубійцы, въ силу самаго закона и права суда, безъ всякаго сторонняго спора, утвержденію не подлежало. Принимая въ соображеніе во 1-хъ, что на основаніи Высочайше утвержденныхъ 5 апрѣля 1869 года правилъ о духовныхъ завѣщаніяхъ, при представле-

ніи духовныхъ завѣщаній къ утвержденію, окружный судъ, не ожидая споровъ, признаетъ недѣйствительными завѣщанія тѣхъ только не имѣющихъ права завѣщать лицъ, которыхъ неправоспособность явствуетъ изъ самаго завѣщанія: ст. 21 и 22 означенныхъ правилъ; во 2-хъ, что если 1017 ст. I ч. X т. зак. гр. повелѣно считать недѣйствительными завѣщанія самоубійцъ, то это правило можетъ относиться только до лицъ признанныхъ въ установленномъ порядкѣ соотвѣтствующими юридическому понятію самоубійцы, которое выражено въ 1472 ст. улож. о нак. На основаніи этой статьи завѣщаніе того, кто лишитъ себя жизни, не приводится въ исполненіе и считается ничтожнымъ и самъ онъ лишается христіанскаго погребенія, если лишилъ себя жизни съ намѣреніемъ; въ 3-хъ, чтобы завѣщатель Костровъ былъ такого рода самоубійцею не только неявствовало изъ завѣщанія, но и изъ надписи о его смерти, которая была въ виду окружнаго суда, тѣмъ болѣе что изъ надписи видно, что Костровъ погребенъ по чину церкви. Посему и усматривая изъ представленной г. Свѣшниковымъ копіи съ опредѣленія окружнаго суда отъ 16 декабря 1870 года, что со стороны вѣрителя его, подполковника Евстафія Кострова, предъявленъ искъ о недѣйствительности помянутаго духовнаго завѣщанія Александра Кострова и что согласно ходатайству истца производство исковаго дѣла пріостановлено впредь до окончанія уголовнаго производства о самоубійствѣ завѣщателя Кострова, московская судебная палата постановляетъ: частную жалобу повѣреннаго подполковника Кострова оставить безъ послѣдствій. Копію сего опредѣленія съ производствомъ окружнаго суда препроводить въ московскій окружный судъ.

ЛЮБОПЫТНОЕ ДѢЛО.

Дѣйствіе происходитъ въ разстояніи 109 верстъ отъ первопрестольной нашей столицы въ г. Коломнѣ. Участвующія лица: съ одной стороны предсѣдатель коломенскаго уѣзднаго училищнаго совѣта, благочинный с. Спасскаго, священникъ Михаилъ Спасскій, а съ другой—членъ того же совѣта мѣстный городской голова Степанъ Ивановичъ Петровъ. Поводомъ къ возбужденію этого дѣла, къ величайшему сожалѣнію, послужили недоразумѣнія уважаемыхъ означенныхъ предсѣдателя и члена совѣта по дѣламъ народнаго образованія. Переходимъ къ изложенію обстоятельствъ дѣла.

Коломенскій городской голова, отъ 25 мая 1871 года за № 1204, вошелъ съ слѣдующимъ представленіемъ къ преосвященнѣйшему Игнатію, епископу Можайкому, викарію Московскому.

„Коломенскій уѣздный училищный совѣтъ, въ которомъ я состою членомъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы давать болѣе быстрое теченіе поступающимъ въ оный дѣламъ, въ особенности по тѣмъ, которыя не терпятъ отлагательства, въ одно изъ засѣданій своихъ сдѣлалъ постановленіе такого рода, что въ случаѣ поступленія подобныхъ дѣлъ, назначеніе засѣданій и приглашеніе въ оныя членовъ предоставить распоряженію члена и дѣлопроизводителя совѣта г. Калайдовича, и затѣмъ въ случаѣ неприбытія предсѣдателя мѣсто его заступать одному изъ членовъ совѣта. На основаніи этого постановленія совѣта, г. Калайдовичъ получивъ изъ здѣшней Городской Думы ходатайство о разрѣшеніи, согласно приговора Коломенскаго Городскаго Общества, открытія въ г. Коломнѣ третьяго городскаго приходскаго училища къ началу наступающаго учебнаго года и объ утвержденіи въ должности законоучителя этого училища священника Лебедева а также и объ опредѣленіи новаго учителя въ оное, и сознавая, что удовлетвореніе этого ходатайства Думы не терпитъ отлагательства,—распорядился назначеніемъ засѣданія совѣта и приглашеніемъ членовъ, въ томъ числѣ и предсѣдателя совѣта священника Спасскаго, на 12 число сего мая. Вслѣдствіе

чего въ этотъ день изъ числа 6 членовъ прибыли четверо, предсѣдатель же совѣта Спасскій неизвѣстно почему не явился. Прибывшіе члены хотя по числу голосовъ и имѣли право открыть засѣданіе, но, принимая во вниманіе, что къ разрѣшенію предстоитъ вопросъ довольно важный, какъ открытіе новаго училища, за отсутствіемъ предсѣдателя не открыли засѣданія, о чемъ былъ поставленъ въ извѣстность и священникъ Спасскій, который уже въ послѣдствіи для рѣшенія этого вопроса самъ назначилъ засѣданіе на 24-е число сего мая. Въ этотъ день опять собралось членовъ совѣта трое, но предсѣдатель опять не прибылъ, извѣстивъ посланною изъ Москвы телеграммою, что явиться въ засѣданіе не можетъ по болѣзни и что по выздоровленіи онъ сдѣлаетъ новый вызовъ членовъ. Явившіеся члены, понявъ изъ содержанія этой телеграммы, что священникъ Спасскій лично желаетъ участвовать въ засѣданіи совѣта по дѣлу объ открытіи новаго училища, потому что онъ иначе не оговорился бы, что по выздоровленіи сдѣлаетъ новый вызовъ членовъ, хорошо притомъ зная, что на основаніи вышеприсаннаго постановленія совѣта, вмѣсто его могъ предсѣдательствовать членъ, назначенное на 24-е число мая засѣданіе отложили, и такимъ образомъ вопросъ объ открытіи третьяго училища до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ, благодаря только уклоненію отъ сего предсѣдателя.

А такъ какъ открытіе третьяго приходскаго училища въ городѣ Коломнѣ городскимъ обществомъ сознано необходимымъ къ началу наступающаго учебнаго года, для котораго со стороны общества уже пріискано и нанято съ 1-го августа помѣщеніе, а также сдѣланы и всѣ классныя принадлежности, а между тѣмъ разрѣшеніе открытія онаго отдаляется собственно отъ уклоненія отъ сего по неизвѣстнымъ причинамъ предсѣдателя совѣта священника Спасскаго, то я, какъ заинтересованный въ этомъ дѣлѣ, по должности представителя городскаго общества, считаю необходимымъ обратиться къ вашему преосвященству съ покорнѣйшею просьбою внушить священнику Спасскому о немедленномъ разрѣшеніи вышеозначеннаго вопроса и о послѣдующемъ распоряженіи почтить меня увѣдомленіемъ.“

Его преосвященству, вслѣдствіе этого представленія, угодно было внушить священнику Спасскому, чтобы, по важности дѣла, онъ поспѣшилъ исполнить прошеніе городскаго головы. О чемъ и сообщено было священнику Спасскому походною конторою его преосвященства отъ 4-го іюля 1871 года за № 1209.

Съ приложеніемъ этого сообщенія, въ томъ же мѣсяцѣ, священникъ Спасскій обратился съ жалобою на коломенскаго купца Степана Ивановича Петрова къ г. мировому судьѣ 1-го уча-

стка коломенскаго уѣзда и просилъ подвергнуть отвѣтчика законной отвѣтственности за *клевету* (ст. 136 уст. о нак. налаг. мир. суд.).

19-го іюля 1871 года г. мировой судья 3-го участка, на основаніи 1066 ст. Уст. Угол. Суд. и разъясненія угол. касс. деп. правительствующаго сената 1866 года № 87, опредѣлилъ: дѣло объ оклеветаніи священника Спасскаго купцомъ Петровымъ, производствомъ прекратить *по не подсудности*, такъ какъ Петровъ дѣйствовалъ вкачествѣ городскаго головы.

Это опредѣленіе г. мироваго судьи священникомъ Спасскимъ обжаловано было 26 іюля 1871 года, частнымъ порядкомъ, коломенскому съѣзду мировыхъ судей. Священникъ Спасскій просилъ съѣздъ о признаніи дѣла этого подсуднымъ мировымъ судебнымъ учрежденіямъ и о предписаніи г. судьѣ разобрать дѣло по существу.

За тѣмъ 7-го сентября 1871 г. послѣдовало по означенной жалобѣ священника Спасскаго слѣдующее опредѣленіе съѣзда:

1871 года сентября 7 дня, по указу Его Императорскаго Величества, коломенскій съѣздъ мировыхъ судей, въ судебномъ засѣданіи, подъ предсѣдательствомъ Г. Н. Львова, въ составѣ членовъ: В. В. Ильина, С. Н. Рославлева, В. М. Моргунова, Н. Я. Григорьева и Н. М. Осипова, при и. д. товарища прокурора М. Г. Акимовѣ и секретарѣ М. С. Ижевскомъ, слушалъ дѣло *объ оклеветаніи священника Спасскаго купеческимъ сыномъ Стенаномъ Ивановымъ Петровымъ.* Изъ дѣла этого видно: священникъ Спасскій въ жалобѣ мировому судьѣ объяснилъ, что купеческій сынъ Степанъ Ивановъ Петровъ оклеветалъ его въ бумагѣ, адресованной на имя преосвященнаго епископа можайскаго, викарія московскаго Игнатія, *въ томъ, что Спасскій будто бы не является въ засѣданія училищнаго совѣта въ качествѣ предсѣдателя его и тѣмъ удерживаетъ разрѣшеніе дѣлъ, между тѣмъ какъ этого на самомъ дѣлѣ не было.* Повѣренный отвѣтчика объяснилъ, что сообщеніе Петровымъ означенныхъ свѣдѣній сдѣлано имъ какъ градскимъ головою, чтодоказывается бланкомъ на которомъ оно написано. Поэтому дѣло это неподсудно мировымъ учрежденіямъ. Мировой судья нашелъ, что сообщая викарію московскому Игнатію о Спасскомъ Петровъ дѣйствовалъ какъ градскій голова, а потому на основаніи рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената за 1866 г. № 87 прекратилъ производство этого дѣла, объявивъ сторонамъ право обжалованія въ частномъ порядкѣ. Вслѣдствіе сего; обвинитель Спасскій принесъ частную жалобу, въ которой доказывалъ, что Петровъ дѣйствовалъ не какъ градскій голова, а какъ частный человѣкъ, потому что доставленіе свѣдѣній о его,

Спасскаго, служебныхъ дѣйствіяхъ не относится до обязанностей его службы въ качествѣ градскаго головы. Выслушавъ словесныя объясненія повѣреннаго Петрова и заключеніе г. товарища прокурора, съѣздъ мировыхъ судей находитъ, что прежде всего подлежитъ разрѣшенію вопросъ о томъ, въ какомъ порядкѣ должна быть разсматриваема жалоба Спасскаго, т. е. въ частномъ, какъ объявлено судьею, или апелляціонномъ? На основаніи 152 ст. уст. угол. суд. частныя жалобы приносятся только въ трехъ случаяхъ, а именно: на медленность производства, на непринятіе отзыва и на взятіе подъ стражу. Опредѣленіе судьи, обжалованное Спасскимъ, не подходитъ ни подъ одинъ изъ этихъ случаевъ; а потому и согласно съ разъясненіемъ уголовнаго кассаціоннаго департамента сената 1868 и 1869 г. г. №№ 582 и 258, допускающимъ принесенія жалобъ по вопросамъ о подсудности, слѣдуетъ признать, что опредѣленіе это могло быть обжаловано только въ апелляціонномъ порядкѣ. Хотя Спасскій и озаглавилъ жалобу частною, но, въ виду ошибки судьи при объявленіи порядка обжалованія, это обстоятельство не можетъ быть отнесено къ винѣ принесшаго жалобу, и потому въ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ съ его стороны не допущено нарушенія правилъ апелляціоннаго обряда (рѣш. угол. кассац. департ. 1868 г. № 927). Такимъ образомъ жалоба священника Спасскаго подлежитъ разрѣшенію какъ апелляціонный отзывъ. Обращаясь къ разсмотрѣнію существа ея, оказывается, что дѣйствительно на бланкѣ городскаго головы Петровъ сообщилъ о Спасскомъ викарію московскому, но это еще нисколько не доказываетъ, чтобы Петровъ дѣйствовалъ по службѣ. На основаніи 4442 ст. общ. губ. учр. т. II ч. I, къ вѣдомству городскаго головы принадлежатъ: 1) охраненіе установленнаго порядка при общественныхъ выборахъ, представленіе избранныхъ на утвержденіе, приводъ ихъ къ присягѣ и введеніе въ должности; 2) предстательство по уполномочію общества о нуждахъ и пользахъ общественныхъ; 3) предсѣдательство въ мѣстныхъ депутатскихъ собраніяхъ и сиротскомъ судѣ; 4) представленія приказу общественнаго призрѣнія о благотворительныхъ заведеніяхъ городскаго вѣдомства и 5) участіе въ разныхъ комитетахъ, коммисіяхъ и присутствіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ по особымъ положеніямъ объ нихъ. Этотъ законъ до сихъ поръ не отмѣненъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не введено еще новое Городовое Положеніе, которое въ Коломнѣ лишь имѣетъ быть примѣнено. Поэтому сообщеніе Петрова о дѣйствіяхъ училищнаго совѣта не подходитъ ни къ одному изъ первыхъ четырехъ пунктовъ, а что касается до пятаго, то на основаніи 20 ст. полож. о нач. народ. училищ. городской голова не участвуетъ

въ училищномъ совѣтѣ. Слѣдовательно дѣйствіе Петрова въ отношеніи Спасскаго вовсе не составляетъ нарушенія служебныхъ обязанностей его, а прямо относится къ числу дѣяній частныхъ лицъ, преслѣдуемыхъ судомъ, помимо административнаго начальства. Обращеніе же священника Спасскаго къ мировымъ учрежденіямъ ясно доказываетъ желаніе его преслѣдовать Петрова только въ предѣлахъ, указанныхъ въ 136 ст. устав. о наказ., на что онъ имѣлъ полное право, ибо подобнаго рода дѣла разрѣшаются лишь по жалобамъ самихъ оскорбленныхъ. Принимая затѣмъ во вниманіе: 1) что опредѣленіе судьи по настоящему дѣлу есть *приговоръ*, на который приносится апелляціонная жалоба (рѣш. правит. сената 1868 и 1869 г. г. №№ 495 и 258); 2) что апелляціонный судъ обязанъ рѣшить каждое дѣло, *не возвращая его въ судъ первой степени* (рѣш. сената 1866 г. № 60) и 3) что жалоба Спасскаго разрѣшена въ первой инстанціи *судебнымъ приговоромъ* и потому въ настоящее время *подлежитъ всецѣло разрѣшенію съѣзда* (рѣш. сената 1867 г. № 101), полагаетъ: согласно заключенію г. товарища прокурора признать подсуднымъ это дѣло мировымъ учрежденіямъ, *а затѣмъ приступить къ разсмотрѣнію его посуществу*; въ виду же заявленія, сдѣланнаго повѣреннымъ Петрова г. Саковскимъ о неготовности отвѣчать на судѣ и имѣя въ виду отсутствіе другой стороны, отложить разсмотрѣніе дѣла до слѣдующаго засѣданія, о чемъ и сообщить повѣстками тяжущимся.“

Насколько въ данномъ случаѣ мыслимо было уголовное преслѣдованіе купца Степана Ивановича Петрова *за клевету* (ст. 136 устав. о наказ. налаг. мир. суд.), мы считаемъ обсужденіе этого вопроса преждевременнымъ до сихъ поръ, пока дѣло не будетъ окончательно рѣшено по существу. Весь юридическій интересъ его въ настоящую минуту заключается въ томъ, что коломенскій съѣздъ мировыхъ судей нашелъ возможнымъ, при вышеизложенныхъ данныхъ, приступить къ разсмотрѣнію этого дѣла *по существу*. Первое изъ основаній, приведенныхъ съѣздомъ, что состоявшееся по сему дѣлу опредѣленіе судьи есть *приговоръ*, на который приносится апелляціонная жалоба, дѣйствительно согласуется съ указанными рѣш. угол. касс. департ. правительствующаго сената, признавшаго, *что мировыя установленія обязаны разрѣшать вопросы о подсудности по общему порядку, постановляя по онымъ приговоры, подлежащіе обжалованію сначала въ апелляціонномъ, а затѣмъ въ кассаціонномъ порядкѣ*. Второе положеніе съѣзда о томъ, что апелляціонный судъ обязанъ рѣшить каждое дѣло, не возвращая его въ судъ первой степени, не можетъ быть согласовано съ рѣшеніемъ угол. кас. депар. правит. сен. по дѣлу Баскакова (1869 г. №

653), въ которомъ между прочимъ выражено: „приговоромъ съѣзда или утверждается приговоръ судьи, или постановляется новый приговоръ, но только въ предѣлахъ отзыва. Очевидно, что исполненіе этого требованія закона возможно лишь въ томъ случаѣ, когда по обвиненію, составляющему предметъ дѣла, было производимо разбирательство у мироваго судьи и *постановленъ имъ приговоръ по существу дѣла,* а не по какому-либо частному вопросу. Для исполненія требованія 168 ст. именно необходимо предварительное разсмотрѣніе и постановленіе мировымъ судьей приговора по существу дѣла. Въ силу этого, напримѣръ, разсмотрѣніе въ съѣздѣ по существу такого дѣла, *которое признано мировымъ судьею ему неподсуднымъ, очевидно не можетъ имѣть мѣста прежде отмѣны приговора судьи о неподсудности дѣла и прежде постановленія приговора по существу дѣла въ первой мировой инстанціи*" (1866—1870 касс. рѣш. въ выпис. и извлеч. А. Н. Попова стр. 71). Послѣ этого нечего, кажется, распространяться о томъ, насколько опредѣленіе коломенскаго съѣзда о разсмотрѣніи этого дѣла по существу, прежде разсмотрѣнія его въ первой мировой инстанціи, неправильно. Одному только, поневолѣ, приходится удивляться, что самыя элементарныя начала нашего новаго уголовнаго судопроизводства ускользнули отъ вниманія съѣзда, тогда какъ повидимому въ опредѣленіи его нѣтъ недостатка въ ссылкѣ на рѣш. угол. касс. деп. прав. сен.

На основаніи касс. рѣш. 1868 г. № 582, по которому угол. касс. деп. прав. сен. призналъ, *что во всѣхъ случаяхъ, неисчисленныхъ въ 153 ст. уст. угол. судопр., рѣшенія съѣздовъ, постановленныя по жалобамъ на дѣйствія судей, слѣдуетъ считать не опредѣленіями, а приговорами, подлежащими обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ,* на вышеозначенное рѣшеніе съѣзда городскимъ головою Петровымъ принесена кассаціонная жалоба, затѣмъ, не касаясь болѣе рѣшенія коломенскаго съѣзда и вообще его дѣятельности и обращаясь къ общимъ условіямъ хорошаго и полезнаго народу мироваго суда необходимо, чтобы люди, посвящающіе себя служенію правдѣ и закону, помнили народное изреченіе „вѣкъ живи, вѣкъ учись," и чтобы между тѣми и другими мѣстными властями личныя неудовольствія и недоразумѣнія устранялись мирнымъ путемъ, въ интересахъ правосудія и точнаго исполненія воли законодателя.

А. М. Фальковскій.

Шкафъ

Полка

№

ЮРИДИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ПРИГОВОРЫ НАШИХЪ ПРИСЯЖНЫХЪ ЗАСѢДАТЕЛЕЙ.

(Необходимое объясненіе.)

Черезъ чуръ сжатая форма, которую мы по недостатку времени должны были дать своимъ замѣткамъ о приговорахъ присяжныхъ засѣдателей, вызвала со стороны почтенной редакціи возраженіе, *) никакъ не ожиданное нами. Такимъ образомъ мы поставлены въ необходимость высказаться подробнѣе, не ради того чтобы оспорить это возраженіе, а ради того, что основная мысль нашихъ замѣтокъ, *понятая такъ, какъ оспорена она въ возраженіи*, упраздняетъ и самый вопросъ, оставляя бездѣльными всякія дальнѣйшія ученія. Поэтому, въ виду отсутствія чего либо личнаго въ настоящей дополнительной замѣткѣ, мы расчитываемъ, что редакція не откажетъ ей въ мѣстѣ на страницахъ своего уважаемаго журнала.

Всего менѣе ожидали мы, что замѣтки наши воскресятъ въ памяти читателя мрачную тѣнь давно похороненной „теоріи формальныхъ доказательствъ," заставятъ его защищать несомнѣнное право присяжныхъ на невмѣненіе подсудимому совершоннаго имъ преступленія и, наконецъ, набрасывать непроницаемое покрывало на значеніе ихъ приговоровъ потому только что они не мотивируются гласно.

Составляя свои замѣтки, мы имѣли въ виду *тѣ только* приговоры, гдѣ оправдывался подсудимый не потому что гибельною-ли внѣшнею обстановкой, или субъективными неминучими условіями былъ вызванъ на то, или другое зло, а совершенно по инымъ причинамъ, отысканнымъ далеко *внѣ сферы разсматриваемаго дѣянія и ничего общаго съ нимъ неимѣющимъ*. Если

* Іюльская книжка 1871 г.

оправдывается виновный въ силу того, что уже высидѣлъ заранѣе свое наказаніе, или потому что за его вину, по мнѣнію присяжныхъ, слѣдуетъ не то наказаніе, какое назначено Уложеніемъ, а иное, или, наконецъ, ради недостатковъ паспортной системы и т. п., — то нельзя сказать, чтобы такое оправданіе послѣдовало „по *сущей* правдѣ и убѣжденію совѣсти и было согласно съ тѣмъ, что присяжные видѣли и слышали *на судѣ*."

Тотъ самый сухой, безжизненный, математическій расчетъ, который сковывалъ старый судъ въ теоріи формальныхъ доказательствъ, является и здѣсь, въ такихъ приговорахъ, и новъ только по формѣ. Какъ тамъ отвлеченная математическая формула, не коренясь въ существѣ даннаго дѣла, заправляла участью подсудимаго, такъ заправляетъ она ею и здѣсь, съ тою только разницею, что тамъ она была незыблемо заключена въ книгу, а здѣсь она мѣняется, но только наружно, вмѣстѣ съ тѣмъ, или другимъ составомъ присяжныхъ.

Безспорно, что обвинитель „*обязанъ доказать* свои обвиненія," но онъ не обязанъ доказывать нелѣпость того, или другаго взгляда на дѣло, образовавшагося внѣ разсматриваемаго дѣянія и внѣ того, что происходило на судѣ; наконецъ какъ доказывать то, что несомнѣнно и ясно для каждаго. Указаніе на эту обязанность обвиненія было бы умѣстно, если бы мы вели рѣчь объ оправдательнмхъ приговорахъ при наличности *уликъ*, а не *вины*. Чѣмъ, какъ не тѣми предвзятыми мотивыми, о которыхъ мы говорили выше, можно объяснить, напр., признаніе подсудимаго, сознавшагося въ кражѣ муки *и во взломѣ для этого воротъ*, виновнымъ *только въ простой кражѣ?* *) Это уже не „невмѣненіе дѣянія," а искусственное, мертвое приспособленіе его къ болѣе легкому наказанію, или, что тоже самое, измѣненіе системы дѣйствующаго Уложенія. А это уже нельзя объяснять ни „убѣжденіемъ совѣсти, основаннымъ на обсужденіи обстоятельствъ дѣла," ни недостаткомъ доказательствъ со стороны обвиненія.

Приговорамъ *такого именно характера* и посвящены наши замѣтки, а возраженіе редакціи представляется трактующимъ объ оправдательныхъ приговорахъ *вообще*. Въ разсмотрѣнныхъ же нами приговорахъ оправданія коренились не въ „сущей," а въ фиктивной правдѣ, не въ убѣжденіи „совѣсти," а въ убѣжденіи ума, не въ „обсужденіи обстоятельствъ дѣла" и не въ томъ, что было „видимо и слышимо на судѣ."

Хотя приговоры присяжныхъ и можно назвать вмѣстѣ съ редакціей „живымъ осуществленіемъ народной справедливости,"

*) Приговоровъ такого рода множество.

но съ другой стороны нельзя отрицать того, что этому „осуществленію“ законъ далъ извѣстную сферу и извѣстныя границы. Присяжные отвѣчаютъ *только на вопросы суда*; ихъ сужденія и совѣщанія должны обнимать собою *лишь разсматриваемое преступленіе*; ихъ убѣжденіе должно основываться исключительно *на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда.* Такимъ образомъ, законъ строго и опредѣлительно пріурочилъ задачу присяжныхъ къ рѣзко очерченному имъ кругу ихъ обязанностей. Сопоставивъ это начало, установленное закономъ, съ разсмотрѣнными нами приговорами присяжныхъ, врядъ-ли возможно будетъ согласиться съ редакціею въ томъ, что „безконечное разнообразіе обстановки преступленій, положительно, не даетъ возможности стѣснять свободу совѣсти присяжныхъ и служитъ достаточнымъ оправданіемъ непоколебимости ихъ рѣшеній.“

Остается сказать нѣсколько разъяснительныхъ словъ о выраженіи *„при наличности вины,“* употребленномъ нами въ заглавіи. И тутъ, опять таки, разумѣли мы не *формальную* вину, а ту, которую по сущей правдѣ и убѣжденію совѣсти присяжные отвергать *не могли*. Понятно, что сознаніе подсудимаго есть только одно изъ доказательствъ, выдѣлять которое изъ критеріума присяжныхъ мы и не думали. Но столько же, думаемъ, понятно, что въ оправданіяхъ, нами разсмотрѣнныхъ, невмѣненіе, какъ бы широко ни толковать его въ данномъ случаѣ, не играло никакой роли, такъ какъ оправданіе шло тутъ помимо преступленія, помимо его вмѣняемости, опираясь на совершенно внѣшніе относительно ихъ поводы, совершенно чуждые духу и цѣли института присяжныхъ. *) Игнорировать такіе поводы подъ предлогомъ „неуловимости для критики причинъ,“ условливающихъ тотъ или другой приговоръ присяжныхъ, какъ это совѣтуетъ редакція, по нашему мнѣнію, невозможно. Между нашими *„поводами“* и *„неуловимыми причинами“* редакціи цѣлая бездна.

Что же касается до благотворительности и участія въ судьбѣ оправданныхъ людей, то это, конечно, дѣло святое, и мы возстаемъ *только противъ формы*, которая, какъ вездѣ, такъ и здѣсь, но меньшей мѣрѣ неумѣстна, что впрочемъ, и выражено весьма категорически въ нашей замѣткѣ (стр. 93).

П. Н. Обнинскій.

12 сентября, 1871 г.

---

*) Какимъ же образомъ помочь этому горю?. Институтъ присяжныхъ, если не есть послѣднее слово уголовной юстиціи, то, по крайней мѣрѣ, еще умъ человѣческій лучше его ничего не придумалъ. Ред.

II.

О СОВМѢСТНОМЪ СОЖИТІИ СУПРУГОВЪ.

Ст. 103. зак. гр. „Супруги *обязаны жить вмѣстѣ.* Посему: „1) строго воспрещаются всякіе акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ; 2) при переселеніи, при поступленіи „на службу или при иной перемѣнѣ постояннаго жительства „мужа, жена должна слѣдовать за нимъ“....

По содержанію этой статьи мы разсмотримъ слѣдующіе вопросы:

I. Какъ образовалась она исторически?

II. Можетъ ли мужъ, чрезъ посредство судебныхъ мѣстъ, принудить жену имѣть съ нимъ совмѣстное жительство?

III. Если мужъ выдалъ женѣ паспортъ на отдѣльное жительство, то имѣетъ ли онъ право потребовать уничтоженія сего паспорта?

IV. Недостаточное состояніе мужа или дурное обращеніе его съ женою—освобождаютъ ли послѣднюю отъ обязанности имѣть съ нимъ сожитіе?

V. Могутъ ли быть такія обстоятельства, при которыхъ жена *временно* освобождается отъ обязанности слѣдовать за мужемъ при перемѣнѣ имъ мѣстожительства?

VI. Имѣетъ ли право жена требовать отъ мужа, чтобы онъ принялъ ее въ свой домъ, откуда она уже однажды удалилась?

VII. Подлежитъ ли уголовному преслѣдованію неповиновеніе одного изъ супруговъ судебному рѣшенію, обязывающему его имѣть съ другимъ супругомъ совмѣстное жительство:

I. Въ древнѣйшія времена (уложеніе 1649 г. гл. XX, ст. 60 и 62) было установлено при передачѣ крѣпостнаго права и при отсужденіи крѣпостныхъ: жены отъ мужа и мужа отъ жены неразлучать. Указомъ 1760 г. (№ 11.116) при переселеніи мѣщанъ и крестьянъ въ Сибирь за развратное поведеніе повелѣно наблюдать, чтобы жены отъ мужей, а мужья отъ женъ не были разлучаемы. Указомъ 1744 г. окт. 18 (№ 9052) предписано пресѣчь обычай, существовавшій въ Малороссіи, въ силу котораго женихъ и невѣста, обвѣнчавшись въ церкви, разлуча-

лись на нѣсколько лѣтъ, а иногда впослѣдствіи времени и вовсе расторгали свой бракъ. Въ 1819 г. (№ 27737) воспрещено утверждать акты, въ которыхъ постановлено супругами условіе жить въ разлученіи. На основаніи сихъ постановленій въ ст. 103 зак. гр. формулировано правило, обязывающее супруговъ „жить вмѣстѣ".

II. Второй вопросъ: „можетъ ли мужъ чрезъ посредство судебныхъ мѣстъ заставить жену имѣть совмѣстное жительство?"— разрѣшенъ судебными мѣстами утвердительно. Московская судебная палата (по дѣлу Маркова) нашла, что по коренному, изложенному въ ст. 103 ч. 1 т. X узаконенію... „доколѣ самый бракъ по предусмотрѣннымъ въ законѣ причинамъ подлежащею властью не разсторгнутъ, жена слѣдуетъ за каждымъ состояніемъ своего мужа, не лишаясь конечно права, въ случаѣ неисполненія мужемъ своей обязанности относительно добраго съ нею обращенія и доставленія ей средствъ содержанія, обратиться по сему предмету съ особымъ требованіемъ." — Посему признано, что мужъ можетъ вытребовать къ себѣ жену, которая „на основаніи 103 ст. 1 ч. X т. обязана къ совмѣстному съ мужемъ сожительству."

Гражданскій кассаціонный департаментъ (1868 г. № 526), равномѣрно нашелъ, „что на основаніи 103 ст. т. X, ч. 1 супруги обязаны жить вмѣстѣ, и доколѣ самый бракъ по предусмотрѣннымъ въ законѣ причинамъ подлежащею властью не расторгнутъ, жена слѣдуетъ за каждымъ состояніемъ своего мужа.... Бракъ по духу нашего законодательства есть одно изъ *таинствъ*, которое, какъ нерасторгаемое, связуетъ супруговъ на всю жизнь, и если закономъ въ извѣстныхъ случаяхъ и допускается расторженіе брака, то оно можетъ послѣдовать не иначе какъ по формальному" духовному суду, который начинается по просьбѣ одного изъ супруговъ.

Приступая на основаніи этихъ соображеній къ разсмотрѣнію возбужденнаго вопроса, мы находимъ, что если въ силу ст. 103 супруги „обязаны *жить вмѣстѣ*", то нарушеніе этой обязанности женою даетъ право мужу обратиться въ судебныя мѣста съ требованіемъ объ обязаніи жены имѣть съ нимъ сожитіе и препровожденіи ея къ нему по мѣсту его жительства. Дѣла подобнаго рода подсудны очевидно суду гражданскому (окружному суду по ст. 29 и 202 уст. гр. суд.), а не уголовному, такъ-какъ постановленіе о семъ заключается въ законахъ *гражданскихъ*; покинутіе же однимъ изъ супруговъ другаго супруга не составляетъ собою проступка, предусмотрѣннаго законами уголовными.

III. Вопросъ о томъ: „имѣетъ ли мужъ право потребовать

уничтоженія паспорта, выданнаго имъ женѣ на отдѣльное жительство", разрѣшенъ утвердительно (по дѣлу Маркова) московскою судебною палатою, которая нашла, что „подобное согласіе (выдача паспорта), *завися отъ доброй воли* Маркова, не можетъ ограничивать его права на совмѣстное съ нимъ жительство жены его, когда онъ по какимъ-либо обстоятельствамъ *измѣнилъ* свое прежнее намѣреніе и засимъ отъ учрежденія, выдавшаго Марковой самый паспортъ, будетъ зависѣть въ семъ случаѣ сдѣлать распоряженіе о вытребованіи отъ нея таковаго обратно."

Мы совершенно согласны съ этимъ мнѣніемъ: по п. 1 ст. 103 „строго воспрещаются всѣ акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ; посему недѣйствителенъ всякій актъ, которымъ мужъ прямо (напр. дозволеніемъ женѣ жить отдѣльно и отреченіемъ отъ своего права потребовать ее къ себѣ), или косвенно (напр. выдачею паспорта), содѣйствуетъ отдѣльному отъ него жительству жены. Такой актъ, какъ только онъ заинтересованною стороною оспоренъ въ судѣ, долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, несуществующимъ (pro non scriptum) и не имѣющимъ никакихъ юридическихъ послѣдствій. Но нѣтъ сомнѣнія, что если супруги не жалуются въ судъ, то ни родственники ихъ, ни прокурорская власть ex officio не имѣютъ права оспаривать упомянутый выше актъ, клонящійся къ разлученію супруговъ, ибо должно воздержать всякія непрошеныя вмѣшательства, властей и постороннихъ лицъ во взаимныя отношенія супруговъ. Допустить противное сему, значило бы внести безпокойство и завѣшательство въ нѣдра семействъ, нарушить святость и неприкосновенность сихъ послѣднихъ.

IV. Вопросъ: освобождаетъ ли жену отъ сожитія съ мужемъ недостаточное состояніе (бѣдность) сего послѣдняго—разрѣшенъ отрицательно московскою судебною палатою, которая признала что „хотя по силѣ 106 ст. мужъ обязанъ жить съ женою въ согласіи и доставлять ей пропитаніе и содержаніе по состоянію и возможности, но сіе послѣднее правило не постановлено вовсе такимъ условіемъ, несоблюденіе котораго имѣло бы послѣдствіемъ уничтоженіе обязанности совмѣстнаго сожительства супруговъ. Напротивъ, доколѣ самый бракъ по предусмотрѣннымъ въ законѣ причинамъ надлежащею властью не расторгнутъ, жена слѣдуетъ за каждымъ состояніемъ своего мужа, не лишаясь конечно права, въ случаѣ неисполненія мужемъ своей обязанности относительно добраго съ нею обращенія и доставленія ей средствъ содержанія—обратиться по сему предмету съ особымъ требованіемъ."

Кассаціонный департаментъ равнымъ образомъ призналъ что

„хотя по силѣ 106 ст. X т. ч. 1 на мужѣ и лежитъ обязанность доставлять женѣ своей содержаніе по состоянію и возможности, но несоблюденіе этого правила не уничтожаетъ однако обязанности совмѣстнаго сожительства супруговъ, а оставляетъ лишь за женою *право* обратиться по сему предмету съ особымъ требованіемъ."

Съ своей стороны мы находимъ, что если у жены есть независимое состояніе, то она не можетъ, подъ предлогомъ бѣдности мужа, отказываться отъ совмѣстнаго съ нимъ сожитія, ибо это послѣднее составляетъ сущность брачнаго союза, есть коренное его условіе, независимо отъ бѣдности или богатства того или другаго супруга. Если же у жены нѣтъ состоянія, то она равнымъ образомъ не можетъ отказываться отъ сожитія съ мужемъ по причинѣ ограниченности денежныхъ средствъ сего послѣдняго, ибо на основаніи ст. 106 мужъ обязанъ давать женѣ пропитаніе лишь по состоянію и возможности своей, а не свыше своихъ средствъ.

Затѣмъ мы пришли къ болѣе сложному вопросу: дурное обращеніе мужа съ женою (напр. побои) освобождаетъ ли ее отъ обязанности имѣть съ нимъ сожитіе? Съ одной стороны необходимо замѣтить, что бракъ можетъ быть расторгнутъ только въ слѣдующихъ случаяхъ: при доказанномъ прелюбодѣяніи другаго супруга или неспособности его къ брачному сожитію, когда другой супругъ приговоренъ къ наказанію, сопряженному съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія другаго супруга (ст. 45 зак. гр.) Къ этимъ причинамъ не отнесено дурное обращеніе мужа съ женою, слѣдовательно даже нанесеніе мужемъ женѣ побоевъ не расторгаетъ брака. Съ другой стороны необходимо замѣтить, что надлежащимъ образомъ доказанное жестокое и звѣрское обращеніе мужа съ женою, нанесеніе ей увѣчья или тяжкихъ побоевъ, составляя со стороны мужа нарушеніе его личныхъ обязанностей относительно жены, должно повлiять и на обязанности жены имѣть съ мужемъ совмѣстное сожительство, если сіе послѣднее соединено для нея съ опасностью для жизни или здоровья. Поэтому, насколько намъ извѣстно изъ практики прежнихъ судебныхъ мѣстъ (см. нашъ сборникъ: русскіе уголовные процессы, т. II, стр. 468 и 470), въ упомянутыхъ выше случаяхъ судебныя мѣста, по признаніи виновности мужа въ проступкѣ противъ жены (ст. 1583 улож.), вмѣстѣ съ тѣмъ освобождали сію послѣднюю отъ обязанности имѣть съ мужемъ сожитіе или воспрещали мужу въѣздъ въ имѣніе жены по отбытіи имъ заслуженнаго наказанія.

V. Вопросъ о томъ: „могутъ ли быть такія обстоятельства,

при которыхъ жена *временно* освобождается отъ обязанности слѣдовать за мужемъ, при перемѣнѣ имъ мѣстожительства" долженъ быть очевидно разрѣшенъ утвердительно. Если напр. жена находится въ болѣзненномъ состояніи, въ послѣднемъ періодѣ беременности, или если ея присутствіе въ извѣстной мѣстности необходимо для нея ad hoc (напр. для веденія тяжебнаго дѣла или вслѣдствіе болѣзни ея родителей), то жена *временно* должна быть освобождена отъ обязанности слѣдовать за мужемъ и не можетъ быть къ сему принуждена судомъ.

VI. Мы разрѣшаемъ утвердительно вопросъ: „имѣетъ ли жена право требовать отъ мужа, чтобы онъ принялъ ее въ свой домъ." По ст. 103 супруги *обязаны* жить вмѣстѣ, а по ст. 46 не допускается самовольное расторженіе брака; затѣмъ очевидно, что мужъ можетъ быть обязанъ судомъ принять жену въ свой домъ, подобно тому какъ жена можетъ быть обязана поселиться въ домѣ мужа. Законъ постановляетъ правило о совмѣстномъ сожитіи *обоихъ* супруговъ и потому, по требованію каждаго изъ нихъ, долженъ быть безразлично приведенъ въ исполненіе.

VII. Но возникаетъ вопросъ: если одинъ изъ супруговъ, несмотря на предписаніе суда имѣть съ другимъ супругомъ совмѣстное сожитіе, *противится сему фактически*, покидая при первой возможности другаго супруга, то можетъ ли онъ за это быть преданъ суду уголовному?

Прежде всего нужно замѣтить, что бракъ предполагаетъ свободное и почти равноправное сожитіе супруговъ. Поэтому одинъ изъ супруговъ не можетъ насильственными способами (напр. задержаніемъ) быть принужденъ имѣть съ другимъ супругомъ совмѣстное сожитіе. Когда полноправное лице не исполняетъ законовъ, то можетъ подвергнуться опредѣленнымъ въ нихъ взысканіямъ, и *всякій разъ* по требованію противной стороны нарушенный законъ долженъ быть возстановленъ. Но постоянно продолжающееся насильственное задержаніе однимъ изъ супруговъ другаго супруга очевидно невозможно и, какъ только оно обнаружено, должно быть прекращено по распоряженію судебныхъ мѣстъ. Сверхъ того уложеніе о наказаніяхъ изд. 1866 г. (ст. 1583—1585) не содержитъ въ себѣ наказанія за самовольное и вопреки судебнаго рѣшенія учиненное однимъ изъ супруговъ оставленіе другаго супруга, а затѣмъ по правилу „nullum crimen sine lege" таковой проступокъ не подлежитъ преслѣдованію законовъ уголовныхъ.

А. Любавскій.

ПИСЬМО

ВЪ РЕДАКЦІЮ „ЮРИДИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“.

Въ статьѣ своей *Вердикты присяжныхъ* (Юр. В. кн. 5-я) оспаривая мнѣніе о правѣ присяжныхъ „безконтрольно распоряжаться участью подсудимаго“, мы между прочимъ, на стр. 16-й, исчисляя всѣ обстоятельства, вліяющія на эту участь помимо присяжныхъ, высказали, что судъ, разрѣшивъ вопросъ о наказаніи, объявляетъ приговоръ, *но съ правомъ обжалованія.*

По этому поводу явилось подстрочное примѣчаніе Редакціи, гласящеетакъ: „приговоры, постановленные судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, почитаются окончательными (ст. 854 Уст. Угол. Суд.).

Статья эта столь же хорошо извѣстна намъ, сколько и почтенной Редакціи; кромѣ того не менѣе извѣстно каждому, что обжалованіе бываетъ двухъ родовъ: апелляціонное и кассаціонное (853—855), при чемъ въ первомъ случаѣ допускаются „апелляціонные *отзывы* и протесты“, а во второмъ „*жалобы* и протесты въ порядкѣ кассаціонномъ противъ окончательныхъ приговоровъ, которые не могутъ быть *обжалованы* въ апелляціонномъ порядкѣ“ (ст. 856 и 905).

Въ виду такихъ выраженій закона мы сочли болѣе удобнымъ употребить въ настоящемъ случаѣ слово *обжалованіе*, полагая, что аждыйподъ этимъ будетъ разумѣть обжалованіе кассаціонное.

Извѣстно наконецъ, что исходъ такого обжалованія, при чемъ иногда отмѣняется и самый вердиктъ присяжныхъ, можетъ вліять, и вліять очень чувствительно, на участь подсудимаго, даже и при сохраненіи такого вердикта.

Смѣемъ надѣяться, что почтенная Редакція не откажетъ помѣстить эту, ея же примѣчаніемъ вызванную замѣтку и вмѣстѣ съ тѣмъ упомянемъ о слѣдующихъ вкравшихся въ статью *опечаткахъ*.

Стр. 11-я: вмѣсто *приговорахъ* напечатано „договорахъ;“ стр. 20-я вмѣсто *собираніе* напечатано „сообщенія“ и вмѣсто *провѣрка*— „провѣрки“.

П. Н. Обнинскій.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ *Терскихъ Вѣдомостяхъ* пишутъ, что во время путешествія своего по Кавказу Его Высочество Великій Князь Михаилъ Николаевичъ изволилъ посѣтить 24 августа во Владикавказѣ помѣщенія окружнаго и обоихъ мировыхъ владикавказскихъ судовъ. 29 же сентября, будучи въ Хасавъ-Юртѣ, Его Высочество посѣтилъ камеру тамошняго мироваго судьи, при чемъ, выслушавъ отчетъ послѣдняго о ходѣ дѣлъ, обратился къ нему съ нѣсколькими милостивыми словами и потомъ осмотрѣлъ смежную залу горскаго суда.

— Въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* разсказываютъ, что полковникъ Кострубо-Карицкій, одинъ изъ оправданныхъ по громкому рязанскому дѣлу, издавъ особую брошюру, подъ заглавіемъ *Изнанка на лицо*, въ которой доказываетъ, что обвинительная власть, въ данномъ случаѣ московская судебная палата, поступила будто бы несправедливо, предавъ его суду, подалъ въ настоящее время по этому поводу жалобу въ правительствующій сенатъ на неправильность дѣйствій вышесказанной палаты.

— По извѣстіямъ *Московскихъ Вѣдомостей* изъ Крагуевца, въ засѣданіи сербской скупщины 27 сентября министръ юстиціи представилъ законопроектъ о введеніи въ Сербіи суда присяжныхъ.

— По извѣстіямъ парижскаго корреспондента *Indépendance belge*, ниодинъ изъ осужденныхъ коммунистовъ, ни даже Ферре, не подвергнется смертной казни. Три петролейщицы, приговоренныя къ смерти, отправлены на вѣчное заключеніе въ Клермонскую центральную тюрьму.

— Газета *Современность* сообщаетъ, что комитетъ по преобразованію духовно-судебной части предположилъ ввести выборное начало при назначеніи судей, увеличивъ сроки выборовъ до шести лѣтъ. Затѣмъ, касательно епархіальнаго суда выработаны имъ слѣдующія начала. Право быть избраннымъ въ

судьи предоставлено только лицамъ, получившимъ академическое образованіе, въ случаѣ же недостатка такихъ лицъ—временно лицамъ, кончившимъ семинарскій курсъ со степенью студента. Притомъ судьи будутъ избираться, по проекту, только изъ лицъ пресвитерскаго сана, имѣющихъ не менѣе 30 лѣтъ отъ роду, и утверждаются святѣйшимъ синодомъ. Епархіальный судъ предполагается ввести въ каждой епархіи; состоять онъ будетъ изъ трехъ судей, изъ коихъ одинъ будетъ предсѣдателемъ.

Въ *Голосѣ* извѣщаютъ, что тотъ же комитетъ имѣлъ 23 сентября первое засѣданіе послѣ каникулярнаго времени. Въ теченіи послѣднихъ своихъ весеннихъ засѣданій комитетъ занимался пересмотромъ составленныхъ имъ положеній о духовной подсудности и прокуратурѣ; при чемъ пересмотръ правилъ о подсудности былъ имъ оконченъ до наступленія вакаціоннаго времени. По свѣдѣніямъ *Голоса*, комитетъ призналъ нужнымъ отступить отъ своихъ первоначальныхъ предположеній по этому предмету. Напримѣръ, дѣла объ оскорбленіяхъ, наносимыхъ лицами духовнаго званія свѣтскимъ лицамъ предполагалось прежде подчинить вѣдомству свѣтскихъ судовъ, но затѣмъ комитетъ призналъ нужнымъ отнести ихъ къ духовной юрисдикціи. Точно также комитетъ отступился отъ своихъ прежнихъ предположеній и по вопросу о прокурорскомъ надзорѣ при духовныхъ судахъ. Первоначально онъ пришелъ къ тому заключенію, чтобъ обвинительная власть всецѣло и исключительно принадлежала епархіальному архіерею, который имѣлъ бы своего уполномоченнаго (или делегата). Но въ засѣданіи 23 сентября большинство голосовъ постановило учредить прокурорскій надзоръ какъ отдѣльный институтъ, пообразцу судебныхъ уставовъ, съ непосредственнымъ подчиненіемъ его оберъ-прокурору святѣйшаго синода.

На прокурорскія должности, по свѣдѣніямъ *Биржевыхъ Вѣдомостей*, предполагается назначать молодыхъ людей, окончившихъ курсъ духовныхъ академій, которые въ настоящее время состоятъ при синодальной канцеляріи въ качествѣ кандидатовъ на должности секретарей консисторіи. Судное отдѣленіе святѣйшаго синода предполагаютъ составить изъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ высшей іерархіи. Здѣсь также на правахъ оберъ-прокуроровъ сената предполагается особый прокуроръ, въ рукахъ котораго нѣкоторые полагаютъ нужнымъ сосредоточить все канцелярское дѣлопроизводство по судебному отдѣленію, въ зависимости отъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Выдѣленіе судебной части изъ вѣдѣнія святѣйшаго синода въ особое отдѣленіе считается столь же удобнымъ, какъ и выдѣленіе судебныхъ дѣлъ изъ консисторій. Что же касается состава самыхъ судовъ, какъ епархіальныхъ, такъ и высшаго при святѣйшемъ синодѣ, то нѣко-

торыми выражается желаніе, чтобы въ качествѣ почетныхъ судей, съ правомъ голоса, могли быть допускаемы въ эти суды и лица свѣтскія, напримѣръ члены окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, а также и мировые судьи.

— *Московскія Вѣдомости* передаютъ слухъ, что въ настоящую сессію государственнаго совѣта предстоитъ, между прочимъ, разсмотрѣніе слѣдующихъ проектовъ законовъ: 1) пересмотрѣннаго въ II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи проекта устава о векселяхъ и торговой несостоятельности; при обсужденіи этого проекта будутъ имѣться въ виду заключенія, данныя петербургскимъ, московскимъ, рижскимъ и одесскимъ купечествомъ, а также коммерческими судами и совѣтами присяжныхъ повѣренныхъ; 2) окончательнаго проекта новаго коммерческаго судопроизводства и 3) отмѣны заключенія за долги и объ измѣненіи закона объ указномъ ростѣ. Эти два закона, прибавляетъ газета, какъ слышно, предрѣшены, и предстоитъ только ихъ окончательная редакція; отмѣна заключенія за долги ожидается уже со дня на день; указный же ростъ сохранится только для сдѣлокъ, въ которыхъ размѣръ его не опредѣленъ самими договорщиками.

— Въ нѣмецкихъ газетахъ неоднократно сообщались слухи объ установленіи въ Пруссіи обязательнаго гражданскаго брака. Въ настоящее время *Крестовая Газета* утверждаетъ за вѣрное, что рѣчь идетъ отнюдь не объ общей мѣрѣ, а только о разрѣшеніи заключать супружества предъ гражданскими властями въ исключительныхъ случаяхъ.

— 15 сентября открытъ въ Казани военно-окружный судъ.

— Во французскомъ *Оффиціальномъ Журналѣ* напечатанъ отъ 4 октября докладъ временно исправляющаго должность военнаго министра адмирала Потюо, утвержденный президентомъ республики, объ учрежденіи слѣдственнаго суда, къ которому должны быть привлечены генералы и прочія лица, подписавшія капитуляціи съ непріятелемъ во время войны. Какъ говорятъ одними изъ первыхъ будутъ призваны къ суду генералъ Вимпфенъ и маршалъ Базенъ, при чемъ послѣднему грозитъ немаловажная опасность, такъ какъ французскій военный законъ караетъ смертью всякаго коменданта крѣпости, сдавшагося не выдержавъ приступа или не истощивъ совершенно съѣстныхъ припасовъ, а между тѣмъ мецкій муниципальный совѣтъ единогласно объявилъ, что въ крѣпости въ минуту капитуляціи оставалось продовольствія еще на 20 дней.

— Въ *Московскія Вѣдомости* пишутъ, что, между прочимъ, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта внесены окончательныя соображенія относительно предоставленія биржевымъ нотаріу-

самъ правъ, установленныхъ новымъ Положеніемъ по нотаріальной части.

— *Одесскій Вѣстникъ* сообщаетъ, что 23 сентября въ одесскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей разбиралось дѣло, касающееся безпорядковъ, бывшихъ въ Одессѣ въ этомъ году, во время Пасхи. Обвинялся крестьянинъ Акимъ Артемовъ въ нападеніи на чужіе дома и въ грабежѣ. Присяжные признали подсудимаго невиновнымъ.

— *Терскія Вѣдомости* пишутъ, что 31 августа, къ начальнику Терской области генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову въ Хасавъ-Юртѣ, представлялись депутаціи отъ Ауха, Салатавіи и князей и узденей Кумыкской плоскости, подавшихъ прошенія о введеніи у нихъ мироваго суда. Начальникъ области обѣщалъ доложить объ этомъ желаніи Великому Князю Намѣстнику Кавказскому.

— Намѣстникомъ Царства Польскаго, какъ извѣщаютъ *Московскія Вѣдомости*, представленъ проектъ устава земледѣльческихъ колоній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ въ Привислинскомъ краѣ.

Проектъ этотъ нынѣ переданъ, какъ говорятъ *Моск. Вѣд.*, изъ министерства внутреннихъ дѣлъ на разсмотрѣніе министерства финансовъ.

— Та же газета передаетъ извѣстіе, что по такъ-называемому Нечаевскому дѣлу срокъ обжалованія рѣшенія судебной палаты оканчивался въ субботу, 25 сентября, въ $7^1/_2$ ч. вечера. Товарищъ прокурора палаты Шрейберъ, какъ слышно, подалъ протестъ на приговоръ палаты только относительно Ткачева, въ качествѣ обвиняемаго въ нарушеніи правилъ о печати. Собственно же по политическому дѣлу протеста не послѣдовало, но подана кассаціонная жалоба защитникомъ Александровской, присяжнымъ повѣреннымъ Стасовымъ.

— Въ *Голосъ* пишутъ, что въ настоящее время въ Петербургѣ начался уже переводъ долгосрочныхъ арестантовъ въ новую исправительную тюрьму: изъ исправительнаго заведенія подлежатъ переводу до 150 человѣкъ, изъ тюремнаго же замка до 20 человѣкъ привилегированнаго сословія; изъ исправительной тюрьмы перейдутъ въ исправительное заведеніе 11 человѣкъ несовершеннолѣтнихъ арестантовъ (по большей части отъ 16 до 17 лѣтъ). Такимъ образомъ мѣста заключенія въ Петербургѣ распредѣляются теперь слѣдующимъ образомъ: а) тюремный замокъ для подслѣдственныхъ (наиболѣе важныхъ), рѣшенныхъ и переводимыхъ изъ арестантскихъ ротъ гражданскаго вѣдомства; б) исправительная тюрьма, предназначенная къ исключительному помѣщенію совершеннолѣтнихъ лицъ, приговоренныхъ

окружнымъ судомъ и мировыми судьями къ содержанію въ тюрьмѣ на срокъ болѣе мѣсяца, а также лицъ, отдаваемыхъ на исправленіе обществами и родителями; в) исправительное заведеніе, въ которомъ будутъ содержаться исключительно женщины и несовершеннолѣтніе; г) полицейскіе дома (числомъ 13), предназначаемые, между прочимъ, для содержанія краткосрочныхъ арестантовъ; д) долговое отдѣленіе, и е) пересыльная тюрьма.

— 1 октября, по словамъ газеты *Новости*, должно будетъ состояться открытіе, въ окрестностяхъ Петербурга, первой земледѣльческой колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ колонію, какъ извѣстно, допускаются не только малолѣтнія дѣти, приговоренныя судомъ къ тюремному заключенію, но также бродяги и малолѣтніе воры, задерживаемые полиціей.

— *Голосъ* передаетъ, что дѣло называющаго себя княземъ Гокчайскимъ предполагается къ слушанію на 29 октября; оно замедлилось разсмотрѣніемъ въ окружномъ судѣ вслѣдствіе того, что вызываются свидѣтели съ Кавказа, которымъ посланы повѣстки, и въ настоящее время выжидается положенный по закону срокъ для явки свидѣтелей въ судъ.

— Новый министръ Оттоманской имперіи Махмудъ-паша, энергически производя различныя административныя реформы, не забываетъ, какъ пишутъ въ *Московскія Вѣдомости*, и о судебной, гораздо болѣе, по замѣчанію корреспондента, нужной чѣмъ всякая другая. Говорятъ, что благодаря его заботамъ проектъ этой реформы будетъ въ скоромъ времени внесенъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта Порты.

— Судебная власть Соединенныхъ Штатовъ по дѣлу о мормонахъ уже созвала обвинительное жюри въ самомъ средоточіи секты — въ городѣ Соленаго Озера. Со стороны мормоновъ сопротивленія пока еще не послѣдовало, быть можетъ благодаря расколу, возникшему между ними. Въ New York Tribune сообщаютъ, что дѣло это принимаетъ новый, весьма серіозный оборотъ, такъ какъ обвинительное жюри нашло основаніе для преданія суду Брайгама Юнга и его двухъ главныхъ приверженцевъ по обвиненію въ убійствѣ, совершенномъ еще въ 1857 году.

— *Петербургская Газета* извѣщаетъ, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разсматривается въ настоящее время вопросъ объ установленіи законодательныхъ правилъ для наблюденія за лицами, подчиняемыми полицейскому надзору, какъ по судебнымъ рѣшеніямъ, такъ и по распоряженію административныхъ властей.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

КОММИССІОНЕРА

ТИПОГРАФІИ И ОТДѢЛЕНІЯ СОБСТВЕННОЙ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

КАНЦЕЛЯРІИ,

И. П. АНИСИМОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
Рядомъ съ Императорской Публичной Библіотекой.

ВЪ МОСКВѢ.
На Никольской улицѣ, въ д. Заиконоспасскаго монастыря.

СПЕЦІАЛЬНАЯ ПРОДАЖА КНИГЪ ЗАКОНОВЪ И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА, А РАВНО И ВСѢХЪ ПРОЧИХЪ ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ СОЧИНЕНІЙ.

НА КАЖДОМЪ ЭКЗЕМПЛЯРѢ ИЗДАНІЙ

И. П. АНИСИМОВА

НАПЕЧАТАНА ВЫШЕОЗНАЧЕННАЯ ФИРМА ДЛЯ ОТЛИЧІЯ ОТЪ ДРУГИХЪ ПОДОБНЫХЪ ИЗДАНІЙ.

СВОДЪ
ЗАКОНОВЪ
РОССІЙСКОЙ ИМПЕРІИ.

Всего 34 книги.

Цѣна въ брошюрѣ 58 р. 75 к., въ переплетѣ 75 р. 75 к., вѣсовыхъ за 122 фунта и укупорочныхъ 2 р. съ экземпляра.

Каждая книга продается отдѣльно.

ПОДДѢЛКА АВТОГРАФОВЪ

И

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

1869—1870 ГОДА.

(Приложеніе къ Юридическому Вѣстнику.)

ПОДДѢЛКА АВТОГРАФОВЪ

и

ПАРИЖСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ. *)

1869 — 1870 года.

8 іюля 1867 года происходило очередное засѣданіе Парижской Академіи Наукъ. За годъ до этого она праздновала свою двухсотлѣтнюю годовщину и теперь готовился докладъ объ ея основаніи и исторіи. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Мишель Шаль, семидесятилѣтній старецъ, извѣстный своими изслѣдованіями по математикѣ, человѣкъ, славившійся во Франціи какъ первый геометръ, поднеся въ даръ Академіи четыре подлинныхъ письма поэта Ротру (Rotrou). Два изъ нихъ, написанныя къ кардиналу Ришелье, заключали въ себѣ разсужденія объ учрежденіи академіи по образцу основанной богатой гражданкой Тулузы Клеменціей Изоръ (Isaure). Изъ этихъ писемъ оказывалось, что мысль, приведенная въ исполненіе только въ 1666 г. Кольберомъ, была вызвана въ Ришелье уже за тридцать лѣтъ писателемъ Ротру.

До этого событія не были извѣстны никакія рукописи Ротру. Издатели „Isographie“ не могли добыть ниодного письма, даже подписи названнаго писателя. Поэтому эти четыре письма по справедливости могли считаться рѣдкой и драгоцѣнной находкой. Правда, слогъ, которымъ они были написаны, казался немного страннымъ, и самъ Шаль указывалъ на его особенности, говоря: „я предлагаю эти письма дословно, т.-е. съ тѣми про-

---

*) Процессъ этотъ переведенъ изъ сборника замѣчательныхъ процессовъ, издающагося на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Der neue Pitaval“ См. Neue Serie. VI B. I. H.

махами, которые часто можно встрѣтить въ частной перепискѣ того времени.“

Шаль въ это время готовилъ въ свѣтъ сочиненіе, въ которомъ старался доказать, что законъ тяготѣнія открытъ былъ не англичаниномъ Ньютономъ, но французомъ Блезомъ Паскалемъ. Академикамъ это было извѣстно и любопытство узнать какія нибудь подробности объ этомъ трудѣ было въ нихъ сильно возбуждено. Президентъ Академіи Шеврёль обратился съ просьбою въ г. Шалю сообщить что-нибудь о своемъ интересномъ и важномъ трудѣ, на что Шаль изъявилъ готовность, обѣщавъ въ слѣдующемъ засѣданіи Академіи сообщить нѣчто необыкновенное.

15 іюля онъ передалъ въ Академію два письма Паскаля къ англійскому химику Роберту Бойль (Boyle) и четыре лоскутка бумаги съ замѣтками за подписью Паскаля. Въ этихъ письмахъ Паскаль упоминаетъ о полученной имъ отъ Ньютона запискѣ, въ которой рѣчь шла о законѣ тяготѣнія и другихъ научныхъ предметахъ.

Академія внесла эти письма и замѣтки въ протоколъ засѣданія, какъ она поступила и съ письмами Ротру, и затѣмъ обнародовала ихъ вмѣстѣ съ протоколомъ. Едва это было сдѣлано, возникли разныя сомнѣнія, прежде всего въ самой Академіи.

Естествоиспытатель Дюгамель въ засѣданіи 22 іюля обратилъ вниманіе Академіи на то, что одно изъ писемъ и нѣтоторыя за мѣтки Паскаля совершенно необъяснимы, потому что они предполагаютъ примѣненіе такихъ мѣръ и формулъ, которыя были найдены уже послѣ смерти Паскаля. Онъ объяснилъ: „Законъ тяготѣнія былъ выведенъ Ньютономъ изъ открытаго Галилеемъ закона паденія тѣлъ и наблюденія послѣднимъ колебаній маятника. Если Ньютонъ совершилъ плагіатъ у одного изъ предшественниковъ своихъ, то ужь никакъ не у Паскаля, а скорѣе у Картезія или Фермата. Но еслибы даже письма, представленныя Шалемъ, и были подлинныя и написаны до появленія въ свѣтъ „Началъ естественной философіи“ Ньютона, то отсюда еще вовсе не слѣдуетъ, что законъ тяготѣнія открытъ былъ Паскалемъ.“

Внѣ стѣнъ Академіи раздались также голоса, направленные противъ представленныхъ Шалемъ писемъ. Просперъ Фожеръ (Faugère), издатель многочисленныхъ трудовъ о Паскалѣ, и Бенаръ д' Эврё въ поданной въ Академію Наукъ запискѣ протестовали противъ упомянутыхъ документовъ и объявляли ихъ прямо подложными, говоря, что они написаны ради шутки. Ф жеръ усердно изучилъ сочиненія и все, что относится къ жизни Паскаля, и нигдѣ не открылъ даже отдаленнаго намека на то, чтобы Паскаль занимался астрономіей. Онъ указалъ на множество ана-

хронизмовъ въ представленныхъ документахъ и выразилъ свое негодованіе по поводу того, что слогъ этихъ грубыхъ и неискусныхъ мараній осмѣливаются приписывать Паскалю. Бенаръ указалъ на нѣсколько математическихъ выраженій, которыя, по его мнѣнію, заимствованы изъ какого нибудь позднѣйшаго сочиненія.

Шаль однако не далъ себя сбить съ толку. Еще въ засѣданіи 22 іюля и въ слѣдовавшемъ затѣмъ 29 іюля онъ передалъ въ Академію нѣсколько писемъ Паскаля къ Ньютону, письма миссъ Анны Эскду (Ayscoudh), матери Ньютона, къ Паскалю и пятьдесятъ слишкомъ краткихъ замѣтокъ, писанныхъ рукою Паскаля. Изъ этихъ документовъ явствовало, что Паскаль въ послѣдніе годы своей жизни завязалъ сношенія съ Ньютономъ, тогда еще одинадцатилѣтнимъ юношей, посѣщавшимъ въ то время школу въ Грантамѣ, и занимался изслѣдованіемъ силы притяженія. Въ особенности одно письмо къ Ньютону было до того переполнено пустыми фразами, что казалось скорѣе написаннымъ школьнымъ учителемъ, чѣмъ такимъ глубокимъ мыслителемъ, каковъ былъ Паскаль. Вотъ это письмо:

„Мой юный другъ! Я узналъ, что вы съ большимъ рвеніемъ занимаетесь изученіемъ математики и геометріи. Посылаю вамъ для упражненія вашего ума нѣсколько задачъ на законъ абстракціи, которыми я въ прежнее время много занимался. Работайте, учитесь, но знайте мѣру. Это лучшій способъ учиться и извлекать пользу изъ ученія. Я говорю это по собственному опыту. Постепенно пріобрѣтенныя познанія остаются на долго.“

Это письмо вызвало ропотъ недовѣрія. Вмѣсто аттракціи (притяженіе) въ немъ было написано „абстракція“. Это впрочемъ можно было считать опиской. Но все-таки казалось чрезвычайно страннымъ то обстоятельство, что Паскаль переписывался съ одинадцатилѣтнимъ мальчикомъ о труднѣйшихъ вопросахъ математики и притомъ выражался столь общими мѣстами. Притомъ извѣстно изъ біографій Ньютона, что онъ далеко не былъ скороспѣлкой. Даже любовь къ наукѣ развилась въ немъ довольно поздно, и никто не подозрѣвалъ въ юношѣ-Ньютонѣ великаго человѣка. Этими письмами были опровергнуты всѣ до того времени существовавшія предположенія. Судя по нимъ, Ньютонъ уже школьникомъ былъ великій ученый. Новые автографы были всѣ внесены въ протоколъ и обнародованы.

Теперь и въ Англіи заинтересовались этимъ дѣломъ, такъ какъ славѣ Ньютона грозила опасность.

Давидъ Бреветеръ, знаменитый физикъ въ Эдинбургѣ и почетный членъ Парижской Академіи, извѣстный своими трудами

о свѣтѣ и жизнеописаніемъ Ньютона, нашелся вынужденнымъ написать 6 августа президенту Шеврёлю письмо слѣдующаго содержанія:

„Съ невыразимымъ удивленіемъ читалъ я мнимую переписку Паскаля съ Ньютономъ, обнародованную вмѣстѣ съ протоколомъ послѣдняго засѣданія. Не считая себя компетентнымъ судить о письмахъ Паскаля, обнародованныхъ еще прежде, я воздерживаюсь отъ выраженія подозрѣній, возбужденныхъ ими во мнѣ; но, прочитавши переписку Паскаля съ Ньютономъ о такихъ предметахъ, о которыхъ я могу себѣ составить извѣстное сужденіе, я, какъ біографъ Ньютона, счелъ своимъ долгомъ подвергнуть эту переписку внимательному разсмотрѣнію.

„Переписка и всѣ бумаги Исаака Ньютона хранятся въ Гуртсборнъ-Паркѣ, резиденціи одного изъ потомковъ Ньютоновъ, графа Портсмута. Я внимательно просмотрѣлъ всѣ бумаги и не затрудняюсь объявить, что не нашелъ между ними ниодного письма Паскаля къ Ньютону и вообще ниодной бумаги перваго. Въ 1807 году я вмѣстѣ съ Генрихомъ Феллоу (Fellows), старшимъ братомъ графа Портсмута, просматривалъ эти бумаги и былъ-бы весьма счастливъ, еслибы нашелъ письмо или какой-нибудь иной документъ отъ столь великаго и знаменитаго человѣка, каковъ Паскаль. Немного спустя графъ Портсмутъ дозволилъ мнѣ взять къ себѣ на домъ на нѣсколько мѣсяцевъ тѣ документы, которые по мнѣнію его брата были необходимы для біографіи Ньютона. Я вторично ихъ изслѣдовалъ, но снова не встрѣтилъ въ нихъ имени Паскаля. Изъ этого я заключаю, что переписки между Ньютономъ и Паскалемъ никогда не происходило. Если будетъ доказано, что обнародованная въ протоколахъ Академіи переписка подлинная, то изъ этого можно будетъ заключить, что одинъ изъ трехъ человѣкъ, просматривавшихъ бумаги, хранящіяся въ Портсмутѣ, слѣдовательно или Кондуиттъ (Conduett), или д-ръ Горслей (Horsley), или я уничтожили переписку, дабы удержать за Ньютономъ славу перваго открывателя закона тяготѣнія.

„Письма миссъ Анны Эску, матери Ньютона, въ которыхъ она благодаритъ Паскаля за его доброту къ ея сыну, совершенно непонятны. Ньютону не было еще и четырехъ лѣтъ, когда мать его во второй разъ вышла замужъ и слѣдовательно не носила уже фамиліи Эску. Она могла переписываться съ Паскалемъ только подъ своимъ новымъ именемъ „Анны Смитъ“.

„Въ письмѣ къ Бойлю отъ 16 іюня 1654 года Паскаль пишетъ, что онъ получилъ отъ Ньютона записку, въ которой трактуется о вычисленіи безконечной, о системѣ вихрей, равновѣсіи жидкихъ тѣлъ и о законѣ тяжести. Это письмо носитъ на себѣ

явные слѣды поддѣлки, потому что Ньютону въ это время было только одинадцать лѣтъ, и обо всѣхъ этихъ предметахъ онъ не имѣлъ еще ни малѣйшаго понятія.

„Письма Паскаля къ Ньютону отъ 1658 года не отличаются большею достовѣрностью. Ньютонъ въ это время еще ничего не понималъ о тѣхъ предметахъ, о которыхъ въ нихъ говорится, а занимался еще, сообразно съ своимъ возрастомъ, пусканіемъ змѣя, устройствомъ маленькихъ мельницъ и солнечныхъ часовъ.

„Въ 1658 году Ньютонъ, по его собственнымъ сообщеніямъ Кондуитту, впервые приступилъ къ своимъ научнымъ занятіямъ. Онъ измѣрялъ скорость вѣтра, стараясь опредѣлить разность скорости движенія двухъ тѣлъ, изъ которыхъ одно двигалось противъ, а другое по направленію вѣтра.

„Не ранѣе 1661 года онъ обнаружилъ свои способности. Въ это время онъ сталъ заниматься тѣми науками, которыми онъ впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ такую славу. Прибавлю еще, что какъ письма Паскаля, такъ и письма Ньютона по своему содержанію и слогу никоимъ образомъ не могли быть написаны этими людьми. Надѣюсь, что господинъ Шаль обнародуетъ всѣ находящіяся у него письма, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ Ньютону, дабы друзья его въ Англіи могли доказать и самымъ легковѣрнымъ людямъ, что письма Паскаля, Бойля и Ньютона представляютъ собою жалкій и грубый подлогъ."

Это письмо было прочитано въ Академіи 12 августа.

Одновременно съ полученіемъ этого письма снова выступилъ Просперъ Фожеръ. 19 и 26 августа онъ доказывалъ, что почеркъ, которымъ написаны мнимыя письма Паскаля, не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ тѣмъ, которымъ написаны его „Pensées", хранящіяся въ императорской библіотекѣ. Затѣмъ онъ напиралъ еще на то, что странно приписывать Паскалю открытіе закона тяготѣнія въ такое время, когда онъ еще считалъ недоказаннымъ движеніе земли вокругъ солнца.

„Да будетъ мнѣ позволено", продолжалъ онъ, „вступить въ область анекдотовъ для обличенія плодовитаго фабриканта, старающагося прикрыть свои подлоги именемъ Паскаля. Въ одномъ письмѣ послѣдняго къ Бойлю отъ 1652 года приводится, какъ примѣръ силы притяженія, муха, плавающая въ чашкѣ съ кофе и съ замѣтной скоростью направляющаяся къ краю чашки.

„Этотъ примѣръ естественно предполагаетъ, что во времена Паскаля кофе былъ довольно распространеннымъ напиткомъ, между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что только семь лѣтъ спустя послѣ смерти Паскаля, и именно въ 1669 году, турецкій посолъ

при дворѣ Людовика XIV Солиманъ-Ага впервые ввелъ употребленіе кофе во французскомъ обществѣ."

Относительно слога Фожеръ выражается слѣдующимъ образомъ: „едвали возможно подражать слогу Паскаля, этому точному, ясному выраженію мысли и чувства, этому отпечатку совершенной оригинальности."

Въ одномъ мнимомъ письмѣ Паскаля къ Ньютону первый совѣтуетъ послѣднему подумать объ извѣстности и славѣ, ибо тотъ не можетъ совершить ничего великаго, кто не думаетъ о томъ, чтобы составить себѣ имя. Фожеръ на это замѣчаетъ: „Паскаль никогда не употреблялъ такихъ банальныхъ фразъ. Поддѣлыватель не только попался въ собственныхъ силкахъ, но обнаружилъ полное незнаніе того, что высказанная здѣсь любовь къ славѣ и почету нисколько не согласуется съ тѣмъ отреченіемъ отъ всѣхъ благъ и удобствъ жизни, которое Паскаль поставилъ себѣ главнымъ правиломъ въ этомъ мірѣ. Онъ забылъ, что Паскалю принадлежатъ тѣ знаменитыя слова, которыя послѣ его смерти найдены въ подкладкѣ его сюртука: „Забудь міръ и все въ немъ находящееся, но помни, что есть Богъ."

„Въ это время Паскаль вступилъ на путь узкой религіозности и взиралъ на свои труды по математикѣ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Онъ не былъ въ такомъ настроеніи, чтобы воспѣвать гимнъ славѣ."

Директоръ обсерваторіи въ Глезго, Грантъ, выступилъ также бойцомъ за Ньютона. Онъ писалъ въ Академію и сравнивалъ въ этомъ письмѣ, обнародованномъ 12 сентября, вычисленія, на которыя долженъ былъ опереться Паскаль въ 1662 году, когда онъ скончался, съ тѣми, которыми пользовался Ньютонъ въ 1687 году, когда онъ въ первый разъ издалъ свое сочиненіе, и за тѣмъ съ вычисленіями, которыми онъ пользовался для третьяго и послѣдняго изданія своей книги въ 1726 году. Числа, которыя нашелъ Ньютонъ въ 1687 году для опредѣленія вѣса, плотности и вліянія тяжести Солнца, Юпитера, Сатурна и Земли были иныя и менѣе точныя, чѣмъ тѣ, которыя онъ нашелъ въ 1726 году. Числа-же, указанныя Паскалемъ въ документахъ, принадлежащихъ Шалю, суть числа Ньютона 1726 года. Выходитъ, что Паскаль, умершій въ 1662 году, точнѣе вычислялъ, чѣмъ Ньютонъ въ 1687 году. Грантъ на основаніи всего сказаннаго приходитъ къ слѣдующему заключенію: „обманщикъ не имѣлъ передъ глазами книги Ньютона, изданной въ 1687 году, а только изданную въ 1726 г., и внесъ числа этого послѣдняго изданія въ мнимыя письма Паскаля". Кромѣ Бреветера, Фожера и Гранта еще многіе другіе ученые объ-

явили вышеупомянутые документы подложными. Но Шаль отвѣчалъ новыми письмами не только отъ Паскаля и Ньютона, но и отъ сестры Паскаля г-жи Перье, отъ короля Іакова II англійскаго, Людовиковъ XIII и XIV французскихъ, Мильтона, Монтескье и др. Изъ этихъ документовъ явствовало, что Ньютонъ питалъ зависть къ Паскалю и Картезію, извѣстному философу и математику; присвоилъ себѣ ихъ труды и результаты, которыхъ они достигли; успѣлъ какимъ-то образомъ достать оставшіяся послѣ ихъ смерти бумаги и пріобрѣсть отъ ихъ семействъ свои письма къ нимъ. Послѣ его смерти всѣ эти бумаги перешли къ другу его, французскому ученому Демезо (Desmaizeaux).

Академія Наукъ напечатала и эти документы вмѣстѣ съ своими протоколами, и Шаль защищалъ подлинность своихъ писемъ съ величайшею храбростью. Въ засѣданіи 7 октября онъ представилъ новыя письма и замѣтки, вызвавшія еще сильнѣйшую бурю. Этими документами втягивался въ споръ Галилей и установлена связь между нимъ и Паскалемъ, которую до этого времени никто не подозрѣвалъ. Представленный пакетъ заключалъ въ себѣ письмо отъ 1641 г. Галилея къ Паскалю, тогда еще семнадцатилѣтнему юношѣ, въ которомъ рѣчь идетъ о законѣ тяготѣнія; сверхъ того письмо Паскаля къ Фермату, письма голландца Гуигена (Huyghens) и другихъ извѣстныхъ лицъ. Этими письмами не только доказаны сношенія Паскаля съ Галилеемъ и Ферматомъ, которыя, какъ мы видѣли выше, отвергались Дюгамелемъ, но еще доказывалось, что Паскаль при помощи наблюденій и вычисленій Галилея и сочиненія Кеплера написалъ трактатъ о тяжести и плотности планетъ. Числа вполнѣ согласовались съ тѣми, которыя приведены въ сочиненіи Ньютона изданія 1726 года.

11 ноября получено новое письмо отъ астронома Гранта изъ Глезго, въ которомъ эти послѣднія письма, обнародованныя вмѣстѣ съ протоколами Академіи, подвергались строгой критикѣ Грантъ главнымъ образомъ указывалъ на два обстоятельства. во первыхъ на то, что въ этихъ письмахъ рѣчь идетъ объ одномъ изъ спутниковъ Сатурна, который въ то время еще вовсе не былъ открытъ; и во вторыхъ, въ нихъ говорится о слабомъ зрѣніи Галилея, между тѣмъ какъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Галилей отъ конца 1637 года до 1642, въ которомъ случилась его смерть, былъ совершенно лишенъ зрѣнія.

Уже въ слѣдующемъ засѣданіи Шаль представилъ подлинные документы для опроверженія мнѣній Гранта. Онъ представилъ двадцать слишкомъ писемъ Галилея, Гуигена и другихъ лицъ, изъ которыхъ несомнѣнно слѣдовало, что Галилей до послѣд-

нихъ мѣсяцевъ передъ своей кончиной не былъ совершенно слѣпъ, но нарочно преувеличивалъ свои страданія, чтобы тѣмъ избавиться отъ преслѣдованій инквизиціи. Этими письмами доказывалось далѣе, что Галилей въ то время изобрѣлъ подзорную трубу особаго устройства, посредствомъ которой можно было наблюдать движенія одной изъ лунъ Сатурна. Онъ самъ, правда, не могъ болѣе пользоваться этимъ инструментомъ и поэтому переслалъ его Паскалю. Отъ этого послѣдняго онъ при посредствѣ третьяго лица перешелъ къ Гуигену, и этотъ послѣдній воспользовался имъ, чтобы произвести точныя наблюденія надъ спутникомъ Сатурна въ мартѣ 1655 года и такимъ образомъ присвоилъ себѣ одному славу этого открытія.

Изъ содержанія своихъ автографовъ и изъ ихъ множества Шаль почерпалъ новые аргументы въ пользу ихъ достовѣрности.

„Нельзя допустить", говорилъ онъ, „чтобы человѣкъ былъ въ состояніи заготовить такое огромное количество письменныхъ актовъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ. Это требовало-бы необычайной плодовитости фантазіи и необыкновеннаго искусства."

Въ другой разъ онъ утверждалъ: „Я не стану говорить о той удивительной дѣятельности и о тѣхъ знаніяхъ, которыя долженъ былъ-бы обнаружить авторъ этихъ писемъ, еслибы они были подложны, я ссылаюсь только на слогъ двухъ столѣтій. Кто въ состояніи подражать слогу Паскаля, столь сроднившемуся съ его геніемъ? Гдѣ во всемъ свѣтѣ можно найти такого поддѣлывателя?

Ученый аббатъ Муаньо *(Moigno)* присоединился къ этому мнѣнію Шаля. Въ своей „Revue" отъ 21 ноября 1866 года онъ писалъ:

„Эти письма производятъ головокруженіе, даже поражаютъ. Не знаешь, гдѣ находишься, но подлогъ здѣсь рѣшительно немыслимъ. Человѣкъ, который бы ихъ поддѣлалъ, долженъ быть болѣе чѣмъ полубогъ. Господинъ Шаль владѣетъ двумя тысячами такихъ писемъ; на всѣхъ ихъ обозначены время и мѣсто ихъ написанія. Справляясь съ исторіей, убѣждаешься, что лицо, къ которому пишется письмо, всегда въ означенное время находится въ означенномъ мѣстѣ. Возможно ли, чтобы поддѣлыватель могъ знать мѣстожительство всѣхъ пишущихъ? Это было бы болѣе чѣмъ чудо".

Въ Италіи и Голландіи сообщенія о Галилеѣ и Гуигенѣ, имѣвшія цѣлью уменьшить славу этихъ ученыхъ въ пользу француза Паскаля, вызвали сильнѣйшее негодованіе, и во Франціи даже эти сообщенія не всѣхъ убѣдили.

Флорентійскій ученый Гови, римскій астрономъ аббатъ Секки и деканъ Академіи Наукъ въ Реннѣ, древней столицѣ Бретани, поднялись въ одно время и объявили, что представленныя Шалемъ письма противорѣчатъ всему, что извѣстно о Галилеѣ. Послѣдній никогда не писалъ по-французски и въ то время, къ которому относится переписка его съ Паскалемъ, былъ совершенно слѣпъ.

Гартингъ, астрономъ въ Утрехтѣ, выразилъ свое крайнее сожалѣніе и удивленіе о томъ, что ругаются надъ памятью его соотечественника Гушена и порочатъ честное его имя. Утрехтская Академія отыскала журналъ, въ который Гушенъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ внесли свои наблюденія надъ Сатурномъ; даже старая подзорная труба, которой они пользовались, была вынесена на свѣтъ Божій.

Споръ принималъ все болѣе оживленный характеръ. Шаль отвѣчалъ на всѣ возраженія съ рѣшительностью, которая вполнѣ свидѣтельствовала объ его безусловной вѣрѣ въ представленные имъ документы. По временамъ онъ открывалъ свой портфель и доставалъ оттуда новые автографы, которые, какъ и прежніе, вносились въ протоколы засѣданій Парижской Академіи Наукъ.

Шаля неоднократно просили указать того, отъ кого онъ получалъ автографы, но онъ рѣшительно отказывался назвать этого человѣка. Точно также напрасны были и всѣ обращенныя къ нему просьбы представить всю свою коллекцію; онъ представлялъ только отдѣльныя письма, но объявилъ, что у него имѣется таковыхъ болѣе трехъ тысячъ. Впрочемъ не онъ одинъ вѣрилъ въ подлинность этихъ документовъ. Сознаніе, что Франціи, а не Англіи принадлежитъ слава и честь открытія одного изъ важнѣйшихъ законовъ, льстило тщеславію французовъ. Поэтому многіе дали Шалю себя убѣдить. Хотя многіе изъ членовъ Академіи энергически протестовали противъ подлинности представленныхъ документовъ, но за то на сторонѣ Шаля были многія знаменитости, между ними Тьеръ и Эли де Бомонъ. Авторитетъ этихъ двухъ мужей, въ особенности Тьера, принадлежавшаго къ нѣсколькимъ отдѣленіямъ Академіи, имѣли сильный вѣсъ. Вслѣдствіе этого Фожеръ нашелся вынужденнымъ снова публично защитить свое мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ этихъ авторитетовъ. Онъ доказывалъ съ безпощадной логикой, что представленные въ Академію Шалемъ документы всѣ до послѣдняго подложны. Чтобы совершенно убѣдить сомнѣвавшихся, онъ издалъ факсимиле одного подлиннаго письма Паскаля и нѣкоторыхъ отрывковъ изъ одной рукописи его „Pensées“ вмѣстѣ съ факсимиле его писемъ изъ собранія Шаля. Одинъ взглядъ на

эти факсимиле уже доказывалъ, что послѣднія были весьма грубымъ и неискуснымъ подражаніемъ. Фожеръ обратился прямо къ Тьеру. „Я узналъ,“ писалъ онъ, „что одинъ изъ выдающихся членовъ института высказался въ пользу выставленнаго Шалемъ тезиса и призналъ письма, приписываемыя Паскалю, за подлинныя. Знаменитый историкъ „Консульства и Имперіи,“ къ крайнему моему сожалѣнію, далъ свое имя для такого дѣла, которое не заслуживаетъ подобной чести. Онъ былъ столь добръ, что сообщилъ мнѣ свои соображенія. Но такъ какъ онъ самъ, какъ я понялъ изъ его словъ, желаетъ обнародовать свое мнѣніе, то я и воздерживаюсь отъ его развитія, замѣчу только, что его соображенія основываются на трудахъ Паскаля для опредѣленія тяжести воздуха. Помощію чрезвычайно остроумнаго вывода г. Тьеръ приходитъ къ заключенію, что Паскаль находился уже на пути къ открытію закона тяготѣнія небесныхъ тѣлъ и его удивительная способность комбинировать довершила остальное. Г. Тьеръ обѣщалъ мнѣ внимательно прочитать разсужденіе мое по этому предмету, и я нисколько не сомнѣваюсь въ результатѣ его изслѣдованія. Но если эти документы могли ввести въ заблужденіе человѣка съ столь обширными знаніями и съ столь рѣдкимъ умомъ, то не важно и не необходимо-ли настолько обнаружить обманъ, чтобы всякій могъ убѣдиться въ его существованіи.“

Фожеръ доказалъ самымъ очевиднымъ образомъ, и все-таки ему не повѣрили. Расколъ въ ученомъ мірѣ продолжался въ теченіи всего 1868 года, и число автографовъ, которые Шаль выдавалъ полными руками, все болѣе и болѣе возрастало. На всѣ просьбы товарищей указать источникъ, откуда получаются автографы, Шаль отвѣчалъ упорнымъ и рѣшительнымъ отказомъ, онъ отказывался даже отъ сообщенія Академіи всѣхъ своихъ автографовъ.

Въ этомъ спорѣ особенно страннымъ казалось то обстоятельство, что сомнѣнія и аргументы противъ подлинности, приводившіеся въ одномъ засѣданіи, въ слѣдующемъ затѣмъ опровергались и ослаблялись новыми документами. Противники утверждали, правда, что ловкій обманщикъ, получивъ свѣдѣнія о возникшихъ сомнѣніяхъ и приводимыхъ доводахъ, быстро изготовлялъ новыя письма и документы для устраненія всякихъ сомнѣній. Но большинство членовъ Академіи наконецъ видимо склонилось на сторону Шаля, и секретарь ея въ засѣданіи 5 апрѣля 1869 года далъ слѣдующее заключеніе: „Письмо Галилея къ Людовику XIII, на которомъ король Людовикъ XIV написалъ „собственноручно“ и въ которомъ знаменитый астрономъ откровенно признается французскому королю, что онъ вовсе не слѣпъ, какъ

многіе полагають, но что онъ опасается разрушить это заблужденіе, которому онъ обязанъ своей свободой, — такое письмо, по моему мнѣнію, есть драгоцѣнный историческій документъ.“

Затѣмъ секретарь дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія о времени написанія нѣкоторыхъ лежащихъ передъ нимъ документовъ и находитъ, согласно съ г. Шалемъ, главное ручательство ихъ подлинности въ нравственномъ убѣжденіи, которое выносится изъ чтенія ихъ: „Авторы помѣщенныхъ въ послѣднихъ протоколахъ Академіи писемъ и замѣтокъ дали полную волю своимъ перьямъ. Никакой человѣкъ, безъ сомнѣнія, не былъ бы въ состояніи настроить свое душевное состояніе и писать ad libitum въ духѣ Галилея, Мильтона, Людовика XIV или какого нибудь другаго знаменитаго человѣка и притомъ о вещахъ въ высшей степени темныхъ и трудныхъ. Слогъ—это человѣкъ. Какому-нибудь жалкому обманщику безъ сомнѣнія было бы чрезвычайно трудно возвыситься до благородной простоты Людовина XIV, который часто говоритъ поразительнымъ языкомъ о знаменитомъ несчастливцѣ, другѣ его бабки, королевы Маріи Медичи. Точно также и другія письма, въ большомъ количествѣ представленныя г. Шалемъ и почти два года тому назадъ обнародованныя вмѣстѣ съ протоколами засѣданій Академіи, носятъ на себѣ признаки подлинности, ибо нигдѣ нельзя было открыть слѣдовъ отсутствія связи между ними, таковые же непремѣнно обнаружились бы, еслибы они были подложны.“

Шаль повидимому одержалъ побѣду: его документы оффиціально были признаны за подлинные.

Но недѣлю спустя выступилъ инженеръ Бретонъ-де-Шанъ (Breton de Champ) и доказалъ, что шестнадцать лоскутковъ бумаги съ замѣтками Паскаля и два отрывка изъ письма Галилея, находившіеся между автографами Шаля, были ничто иное какъ во второй разъ отпечатанныя мѣста изъ книги Александра Саверіена „Исторія новыхъ философовъ,“ изданной въ 1761 году.

Еще прежде Фожеръ высказалъ подозрѣніе, что автографы составлены съ помощію печатныхъ книгъ. Теперь отыскалась и книга, служившая для этой цѣли. Но Шаль все-таки не палъ духомъ. Въ слѣдующемъ засѣданіи 19 апрѣля онъ возразилъ: „Г. Бретонъ очень наивенъ и обнаруживаетъ мало остроумія, если считаетъ свое открытіе рѣшительнымъ доказательствомъ подлога. Развѣ ему неизвѣстно, что многіе біографическіе сборники суть ничто иное какъ сводъ уже извѣстныхъ свѣдѣній и жизнеописаній? Саверіенъ списалъ эти документы, но никакъ не обманщикъ скопировалъ эти письма изъ книги Саверіена.“

Въ подтвержденіе своего мнѣнія Шаль представилъ три письменныхъ документа: одно письмо Монтескье къ Саверіену безъ

обозначенія времени написанія, въ которомъ онъ даетъ обѣщаніе послѣднему познакомить его съ госпожей Помпадуръ. „Она владѣетъ,“ говорится въ этомъ письмѣ, прекраснымъ и богатымъ собраніемъ документовъ.“

Второе письмо безъ обозначенія числа было отъ Саверіена къ г-жѣ Помпадуръ. Въ этомъ письмѣ Саверіенъ пишетъ, что онъ ей возвращаетъ двѣсти писемъ отъ Коперника, Галилея, Картезія, Паскаля, Лейбница, Ньютона и другихъ ученыхъ, сдѣлавъ предварительно изъ нихъ выписки, которыя ему необходимы для предполагаемой имъ исторіи древнихъ и новыхъ философовъ.

Наконецъ записка г-жи Помпадуръ, въ которой она предлагаетъ Саверіену всѣ находящіеся у нея документы. Вслѣдъ за сообщеніемъ этихъ документовъ присутствовавшій въ засѣданіи Академіи астрономъ Леферрье сталъ доказывать, что не взирая на вновь представленныя Шалемъ письма, переписка между Паскалемъ и Ньютономъ все-таки подложна. Инженеръ-же Бретонъ возразилъ: „если Саверіенъ могъ пользоваться библіотекой г-жи Помпадуръ, то все-таки въ высшей степени странно, что ничего не говоритъ ни о томъ, что Галилей не былъ совершенно лишенъ зрѣнія, ни о большой подзорной трубѣ, посредствомъ которой впервые были дѣланы наблюденія надъ спутникомъ Сатурна, ни наконецъ о другихъ новыхъ открытіяхъ.“ Далѣе Бретонъ оспаривалъ подлинность одного письма Монтескье, въ которомъ говорилось о Ньютонѣ, и доказывалъ, что этотъ мнимый автографъ есть ничто иное какъ извлеченіе изъ рѣчи Фонтенеля о Ньютонѣ.

Шаль возражалъ 26 апрѣля 1869 года слѣдующимъ образомъ: „Саверіенъ дѣйствительно имѣлъ доступъ къ г-жѣ Помпадуръ, но въ теченіи очень короткаго времени. Будучи другомъ Вольтера, онъ вслѣдствіе этого вскорѣ лишился ея милости и, слѣдовательно, не могъ внимательно разсмотрѣть и провѣрить имѣвшіеся у нея документы. Что касается до письма Монтескье, то оно попало въ руки Фонтенеля до того, какъ онъ написалъ свою рѣчь о Ньютонѣ.“

Леферрье возразилъ: „Ньютонъ умеръ въ 1727 году, рѣчь Фонтенеля напечатана въ 1729. Монтескьё отправился въ Англію въ 1727 или 28 году и возвратился оттуда не ранѣе 1731 года. Отсюда выходитъ, что онъ помянутое письмо могъ написать не ранѣе 1731, а Фонтенель въ 1729 году вовсе не могъ его списать.“

Шаль все-таки остался непоколебимъ. Въ засѣданіе отъ 10 мая онъ принесъ съ собою письма Монтескьё и Фонтенеля, изъ которыхъ видно было, что первый совершилъ въ 1727 и 1728

году инкогнито два путешествія въ Англію, о которыхъ его біографы ничего не знали.

Академія сочла нужнымъ произвести тщательное изслѣдованіе по настоящему дѣлу при помощи особо избранной для сей цѣли коммиссіи. Въ засѣданіяхъ 21 іюня, 5, 12 и 26 іюля Леферрье, назначенный членомъ коммиссіи, прочелъ записку о важнѣйшихъ возбужденныхъ письмами Шаля вопросахъ: объ отношеніяхъ Паскаля къ Ньютону, перваго же къ Галилею, о слѣпотѣ послѣдняго, объ открытіи перваго спутника Сатурна. Докладчикъ критически изслѣдовалъ историческое содержаніе, письмо, слогъ мнимыхъ автографовъ, представленныхъ Шалемъ. Онъ насчиталъ болѣе шестидесяти писемъ и другихъ письменныхъ документовъ, напечатанныхъ Шалемъ въ протоколахъ академіи и приписываемыхъ имъ Паскалю, Ньютону, Ротру, Монтескьё, Лейбницу, Людовику XIV и другимъ, между тѣмъ какъ они суть ничто иное какъ отрывки изъ сочиненій Вольтера, Саверіена и т. п. Въ заключеніе онъ повторилъ доводы Дюгамеля, Гранта Фожера, Бреветера, подкрѣпилъ ихъ своими собственными выводами и пришелъ къ тому результату, что всѣ безъ исключенія документы подложны.

Шаль объявилъ, что онъ своимъ отвѣтомъ на этотъ докладъ не останется въ долгу. Но въ это время случилось нѣчто, поколебавшее его до сихъ поръ твердую вѣру. Въ библіотекѣ во Флоренціи сохранялось письмо отъ Галилея-сына, писанное 5 ноября 1639 года, которое сначала приписывали Галилею-отцу Еслибы Галилею-отцу принадлежало это письмо, то это служило бы лучшимъ доказательствомъ тому, что онъ въ 1639 году не былъ лишенъ зрѣнія. Въ засѣданіи отъ 3 мая Шаль заявилъ что между 2000 писемъ Галилея, имѣющихся у него, находится дакже помянутое письмо отъ 5 ноября 1639 года, написанное по итальянски. Почеркъ этого письма вполнѣ сходствовалъ съ почеркомъ другихъ писемъ, и потому онъ полагаетъ, что этотъ токументъ писанъ рукою Галилея-отца.

Шаль послалъ фотографическій снимокъ съ этого письма во Флоренцію. Тамошняя академія произвела тщательное изслѣдованіе и дала слѣдующее заключеніе: „письмо подложно, заимствовано изъ сочиненій Галилея, изданныхъ Альбери въ 1856 г.“

Въ засѣданіи 19 іюля Шаль наконецъ заявилъ, что онъ ошибся: посланное имъ во Флоренцію письмо было только копіей но теперь онъ нашелъ подлинное письмо и пошлетъ его во Флоренцію для сличенія. Леферрье, правда, протестовалъ, замѣтивъ, что во мракѣ работающій обманщикъ, узнавъ о критикѣ флорентійскихъ ученыхъ, имѣлъ достаточно времени для того, чтобъ изготовить болѣе удовлетворительный экземпляръ помянутаго

письма; но Шалю это было не въ домекъ. Письмо отправлено во Флоренцію, и вскорѣ оттуда пришелъ хорошо мотивированный отвѣтъ, гласившій, что второе письмо есть не менѣе подложное, чѣмъ первое. Уже одно слово „Havrei,“ писавшееся во времена Галилея „Haverei,“ служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Шаль послалъ третій экземпляръ письма, въ которомъ уже было написано „Haverei,“ но флорентійская академія отказалась принять еще какое-либо дальнѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ подлогъ вполнѣ очевиденъ.

Шаль, правда, еще все не вѣрилъ тому, что онъ сдѣлался жертвой грубаго обмана, но онъ назвалъ наконецъ имя человѣка, отъ котораго онъ пріобрѣлъ автографы, и потребовалъ отъ полиціи, чтобы она его арестовала, не потому что онъ его считалъ обманщикомъ, но по подозрѣнію въ томъ, что тотъ, взявъ у него впередъ деньги за 3000 автографовъ, продастъ ихъ во второй разъ другому и быть можетъ переведетъ ихъ за границу и тѣмъ причинитъ ему и Франціи невознаградимую потерю.

Этотъ человѣкъ былъ нѣкто Вренъ Люка (Vrain Lucas), родомъ изъ одной деревни близь Шатодёна, до настоящаго дѣла весьма малоизвѣстная личность. Шаль находился съ нимъ въ сношеніяхъ въ теченія 8 лѣтъ, отъ 1861 до 69 года, и пріобрѣлъ отъ него не только представленные въ академію и напечатанные въ ея протоколахъ автографы, но еще сверхъ того болѣе двадцати семи тысячъ такихъ же автографовъ и огромное число разныхъ книгъ съ надписями извѣстныхъ будто бы ученыхъ. Сумма, которую онъ ему переплатилъ въ продолженіи этого времени, простиралась до 140.000 франковъ.

9 сентября 1869 года Вренъ Люка былъ арестованъ. Доказательства его вины обнаружились столь скоро и до такой очевидности, что и Шаль совершенно растерялся. Онъ еще не вполнѣ вникъ въ эту страшную мистификацію, жертвою которой былъ онъ самъ, но все таки онъ считалъ возможнымъ, что тутъ не все въ порядкѣ. Въ засѣданіи 13 сентября 1869 г. онъ объяснилъ: „мое собраніе автографовъ доходитъ до временъ, задолго предшествовавшихъ христіанству. Оно заключаетъ въ себѣ письма и сочиненія Юлія Цезаря, многихъ римскихъ императоровъ, апостоловъ, св. Іеронима, св. Августина, разныя сочиненія Кассіодора, Григорія Турскаго, нѣкоторыхъ Меровинговъ, большое число писемъ Карла Великаго, Алкуина и т. п. Я не ручаюсь за подлинность этихъ документовъ. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, если это и не оригиналы, то потребовалось много времени и много матеріаловъ, чтобы ихъ изготовить. Если принять во вниманіе количество этихъ документовъ

изъ разныхъ эпохъ вплоть до настоящаго столѣтія и разнообразіе ихъ содержанія, притомъ полное согласіе между ними существующее, то нельзя вѣрить тому, что передъ нами дѣло одного человѣка или даже обманщика, не знающаго ни по-латыни, ни по-итальянски, не имѣющаго никакихъ свѣдѣній въ математикѣ или иной наукѣ. Здѣсь скрывается какая-то тайна и до того времени, пока она не будетъ раскрыта вполнѣ, нельзя ничего положительно утверждать.“

Шалевское собраніе автографовъ было перенесено въ императорскую библіотеку, и тамъ ему сдѣлана была опись. Опись, составленная въ алфавитномъ порядкѣ, заняла 28 печатныхъ страницъ въ четвертую долю листа и дала самые баснословные результаты. Приведемъ самую ничтожную часть сокровищъ Шаля. Его собраніе заключало въ себѣ 5 писемъ Абеляра, между ними одно къ Элоизѣ, 1 письмо Абдерахмана къ предводителю Франковъ, 8 писемъ Агнесы Сорель къ королю Карлу VII, 2 письма Альберони къ Монтескьё, 5 писемъ Алкивіада къ Периклу, 116 писемъ Алкуина къ Карлу Великому, 1 письмо Александра Македонскаго къ Аристотелю, 1 письмо папы Александра VI къ Христофору Колумбу, 2 письма Анакреона къ Пиѳагору, 2 письма Анаксимена, 1 письмо Архимеда къ Гіерону, 4 письма Аристотеля, 1 письмо Аттилы къ предводителю Франковъ, 2 письма императора Августа, одно изъ нихъ къ Виргилію, другое къ Вару, 1 письмо Екатерины Бора, вдовы Лютера, къ королю датскому, 2 письма Велизарія къ Кассіодору, 9 писемъ и 3 пѣсни Бланки Кастильской, множество писемъ и сочиненій Боккачіо, между которыми 23 къ Петраркѣ, 1 письмо императора Калигулы къ претору ліонскому, 3 письма Кальвина къ Рабеле, разныя письма Катерины Медичи, два поэтическихъ отрывка Катулла, до 200 писемъ Юлія Цезаря, между ними вызовъ Версингеторикса на дуэль, 135 писемъ Карла Великаго къ Алкуину, 3 письма Карла Мартелла къ герцогу аквитанскому, 1 письмо Карла Лысаго, множество писемъ и сочиненій императора Карла V, 1 письмо галльскаго врача Кастора къ Іисусу Христу и безчисленное множество другихъ писемъ. Читая отъ кого и къ кому они писаны, не знаешь чему болѣе удивляться: безпримѣрной ли дерзости обманщика или необыкновенному легковѣрію Шаля.

Изъ этого краткаго перечня уже видно, что собраніе автографовъ было одно изъ самыхъ замѣчательныхъ и едва имѣло себѣ равное во всемъ свѣтѣ. И эти документы состояли не изъ отдѣльныхъ только словъ, не изъ нѣсколькихъ только строкъ, но представляли собою пространныя письма и разсужденія о всевозможныхъ предметахъ человѣческаго знанія. Впрочемъ, всѣ

эти документы были написаны на французскомъ языкѣ и большая часть изъ нихъ имѣли въ виду прямо или косвенно прославить Францію. Объ объясненіи Шаля, почему документы писаны по-французски, мы скажемъ послѣ. Теперь же приведемъ для курьеза нѣкоторыя изъ этихъ писемъ.

Александръ, царь, привѣтъ любезному Аристотелю.

Дорогой мой! Я недоволенъ тѣмъ, что Вы обнародовали одно изъ своихъ сочиненій, которое должны были хранить подъ солью тайны. Ибо это значитъ профанировать его достоинство. Поэтому прошу васъ снова изъять изъ рукъ профановъ эту книгу и впредь ничего не издавать безъ моего соизволенія. Что касается вашей просьбы дозволить вамъ отправиться въ страну Галловъ для ознакомленія съ наукою Друидовъ, которую Пифагоръ такъ хвалитъ, то я не только разрѣшаю вамъ, но даже требую отъ васъ этого для блага моего народа. Вы должны знать, что я Галловъ очень уважаю, и считаю ихъ вносителями свѣта въ этотъ міръ.

Посылаю вамъ поклонъ.

20 мая календарнаго года 105 олимпіады.

Александръ.

Привѣтъ Архимеда достолюбезному Гіерону.

Мой дорогой! По моему мнѣнію, различные существующіе теперь въ мірѣ языки развились изъ остатковъ первоначальнаго языка. Этотъ древнѣйшій языкъ, кажется, былъ кельтическій; на немъ вѣроятно изъяснялся и Моисей, а онъ есть древнѣйшій писатель по нашему лѣтосчисленію. Этотъ великій человѣкъ долженъ быть разсматриваемъ съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Съ одной стороны какъ органъ и вѣщатель законовъ Всемогущаго, какъ глава избраннаго народа и какъ творецъ удивительнаго осударственнаго строя, почитаемаго всѣми государями за образецъ. Съ другой стороны его должно разсматривать какъ великаго писателя. Его разсказъ простъ и ясенъ. Людей должно обсуживать по силѣ ихъ воображенія. Весьма не многіе обладаютъ столь сильной и блестящей фантазіей какъ

Моисей. Въ другомъ письмѣ я разберу этотъ пунктъ подробнѣе и укажу на достоинства Моисея какъ писателя.

Посылаю вамъ привѣтъ. Архимедъ.

20 февраля.

Карлъ Великій Алкуину.

Ученѣйшій, любезнѣйшій Алкуинъ! Я того же мнѣнія, какое и ты часто выражалъ передо мною, именно что кельтскій языкъ, который вѣроятно древнѣйшій, былъ извѣстенъ всѣмъ народамъ на землѣ. Пиѳагоръ, Платонъ, Аристотель и др. не только знали его, но и обучали ему другихъ. Это ясно видно изъ тѣхъ документовъ, которые ты мнѣ прислалъ и которые я тебѣ теперь возвращаю. Эти документы представляютъ собою письма Пиѳагора, Платона, Аристотеля, Александра Македонскаго, многихъ ученыхъ путешественниковъ, географовъ, историковъ и математиковъ, странствовавшихъ по всему свѣту, одинъ на сѣверѣ, другой на югѣ. Прошу тебя сохранить эти драгоцѣнные документы и снять съ нихъ для меня вѣрныя копіи.

R
K+S
L

Посланіе Жанны д'Аркъ къ Парижанамъ.

Іисусъ + Марія.

Храбрые Парижане, не отчаявайтесь! Армія вашего короля уже подступила къ Парижу и расположилась лагеремъ между Шапель и воротами Сентъ-Оноре. Сама я остановилась вблизи Холма-Мельницъ. Парижъ—нашъ, завтра мы въ немъ будемъ ночевать. Это также вѣрно, какъ то что завтра рождество Пресвятой Богородицы. Хвала Всевышнему!

7 сентября. Жанна
+

Къ Парижанамъ отъ Жанны, именуемой Дѣвственницей.

Лазарь, воскресшій, св. Петру.

Любезнѣйшій Петръ! Вы спрашиваете меня, нашелъ ли я въ сочиненіяхъ Цезаря и Цицерона извѣстіе о томъ, что человѣческія жертвы были существенной принадлежностью религіи друидовъ. Да, это справедливо. Положеніе, что человѣкъ не можетъ болѣе достойнымъ образомъ выразить свою благодарность Всевышнему за дарованную Имъ жизнь, какъ обрекая Ему жизнь человѣка, они ложно поняли. Они держались этого кроваваго, безчеловѣчнаго обычая до временъ Цицерона. Послѣдній по этому поводу говоритъ слѣдующее: „они оскверняютъ свои храмы и алтари, принося своимъ богамъ человѣческія жертвы.“ Цицеронъ совершенно правъ, бичуя этотъ варварскій культъ словами: „Странно! Дабы исполнить требованія своей религіи, они ее предварительно оскверняютъ убійствомъ. Они не могутъ быть религіозны безъ того, чтобы не быть убійцами.“ Позоръ за этотъ ужасный обычай ложится на всѣхъ Галловъ, хотя послѣдній соблюдался только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Оружіе и завоеванія Римлянъ были причиною исчезновенія этихъ жертвъ, и я не думаю, чтобы онѣ теперь еще гдѣ либо были въ употребленіи.

10 августа XLVII.

Лазарь.

Магдалина къ королю Бургундовъ.

Великій, всѣми почитаемый государь Бургундовъ! Поклонъ отъ меня, Магдалины, сестры Марѳы и Лазаря. Примите увѣреніе въ моей преданности и этотъ ящикъ. Въ немъ вы найдете то письмо, о которомъ я вамъ говорила, письмо Іисуса Назарянина, переданное имъ мнѣ за нѣсколько дней до его распятія. Къ этому письму прибавлены два изрѣченія, выражающія собою основныя начала христіанской религіи. Примите въ соображеніе эти драгоцѣнныя слова и припомните мои наставленія. Тогда вы будете счастливы и проведете свою жизнь въ мирѣ, чего вамъ искренно желаетъ та, которая почитаетъ себя счастливою называться вашею покорною слугою.

Въ XLI году по Р. X.

Магдалина.

Письмо Рабеле къ Лютеру.

Почтенный Лютеръ! Я вамъ уже давно говорилъ, что не хочу вмѣшиваться въ споры о вѣрѣ. Но такъ какъ вы мнѣ прислали свой летучій листокъ „противъ папы въ Римѣ,“ то я обѣщаюсь прочитать эту рукопись и дать вамъ мой совѣтъ. Кланяюсь вамъ и остаюсь вашимъ покорнымъ слугою

Мартину Лютеру. Рабеле.

Представленныхъ нами писемъ достаточно для того, чтобы составить себѣ понятіе объ этой баснословной коллекціи автографовъ. Но кто же былъ человѣкъ, собравшій эти документы, который не только обманулъ г. Шаля, но въ теченіи двухъ лѣтъ морочилъ ученыхъ Франціи, Англіи, Италіи и Голландіи?

Вренъ Люка—сынъ поденщика въ Ланнере близъ Шатодёна. Онъ выросъ въ своей деревнѣ и образованіе свое получилъ у мѣстнаго сельскаго учителя. Сначала онъ занимался тѣмъ-же чѣмъ и его отецъ, затѣмъ получилъ мѣсто у одного адвоката въ Шатодёнѣ, а позднѣе при тамошнемъ судѣ. Онъ былъ очень прилеженъ, много читалъ и старался пріобрѣсть свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія. Онъ воспользовался библіотекой въ Шатодёнѣ и особенно усердно читалъ книги по исторіи и изящной литературѣ. Существуетъ о немъ слѣдующій отзывъ отъ 1852 года одного изъ тамошнихъ библіотекарей: „Стремящійся впередъ г. Люка хочетъ переселиться въ Парижъ. Онъ достоинъ отличія. Этотъ молодой человѣкъ изъ Ланнере развился совершенно самостоятельно.“

Люка переѣхалъ въ Парижъ и хлопоталъ о мѣстѣ при какой нибудь библіотекѣ. Несмотря на хорошія рекомендаціи, онъ не достигъ своей цѣли, вслѣдствіе того что не получилъ никакого образованія.

Точно также ему было отказано въ мѣстѣ при книжной лавкѣ на томъ основаніи, что онъ не зналъ по-латыни. Несчастный случай привелъ его въ соприкосновеніе съ генеалогическимъ кабинетомъ г. Летеллье. Кабинетъ этотъ занимался особаго рода промышленностью. Онъ заготовлялъ для честолюбцевъ титулы и родословныя дерева. Здѣсь молодой человѣкъ попалъ въ весьма опасную школу, ибо въ этомъ кабинетѣ онъ бывалъ свидѣтелемъ и самъ учился тому, какъ составляются подложные дипломы на дворянство и тому подобныя вещи. Повидимому онъ

изловчился въ этомъ дѣлѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отъ себя сталъ вести особаго рода торговлю, именно торговлю автографами. Въ 1861 году онъ познакомился съ г. Шалемъ. Онъ представился этому ученому, родившемуся въ Шартрѣ, какъ землякъ и предложилъ ему купить у него подлинное письмо Мольера. Шаль купилъ его за 500 франковъ. Люка затѣмъ являлся еще нѣсколько разъ и предлагалъ весьма рѣдкіе автографы, и Шаль всегда съ охотою покупалъ ихъ.

Мы впослѣдствіи узнаемъ, какую сказку придумалъ Люка, чтобы заставить Шаля повѣрить, что онъ располагаетъ весьма богатымъ собраніемъ автографовъ. Предварительно замѣтимъ только, что обманщикъ былъ ежедневнымъ посѣтителемъ различныхъ библіотекъ въ Парижѣ и по преимуществу читалъ сочиненія о Паскалѣ, Ньютонѣ и Галилеѣ. Онъ искалъ и находилъ въ нихъ матеріалъ для своихъ подлоговъ, принимавшихъ все большіе и большіе размѣры. Характеристично еще, что онъ былъ выведенъ изъ одной библіотеки. Одинъ изъ служившихъ при библіотекѣ замѣтилъ его однажды за книгой съ рѣжущимъ инструментомъ въ рукѣ. Можно предположить, что онъ хотѣлъ вырѣзать неисписанные листы изъ книги, чтобы запастись такимъ образомъ старой бумагой.

Люка былъ вдовъ и жилъ съ своей любовницей въ улицѣ Сенъ-Жоржъ. Онъ жилъ скромно и тихо. Каждый день въ 11 часовъ отправлялся завтракать или въ Café Riche, когда у него бывали деньги, или въ небольшую молочную. Каждый день онъ проводилъ нѣсколько часовъ въ императорской библіотекѣ. Вечеромъ возвращался домой. Онъ почти ни съ кѣмъ не разговаривалъ и въ послѣднее время состоялъ въ сношеніяхъ съ г. Шалемъ.

При его арестѣ въ квартирѣ его найдено значительное количество писемъ отъ лицъ, для которыхъ онъ заготовлялъ генеалогическіе документы, бумаги касательно Паскаля, Галилея, Ньютона и др., множество автографированныхъ письменныхъ документовъ и подписей въ факсимиле, старая бумага и нѣсколько томовъ французскаго „Меркурія."

Люка былъ привлеченъ къ слѣдствію и вскорѣ сознался, что большую часть проданныхъ имъ Шалю документовъ онъ сочинилъ самъ. Онъ отвергалъ всякое предположеніе о соучастникахъ и въ свою защиту приводилъ только то, что въ числѣ проданныхъ имъ автографовъ были и подлинные, числомъ до трехъ тысячъ, и что уплаченная за нихъ сумма въ 140000 фр. вовсе не высока, слѣдовательно покупщикъ имъ не обманутъ.

Двое ученыхъ, *Ганри Бордье* и *Эмиль Мабиль* получили приглашеніе отъ слѣдователя разсмотрѣть спорные автографы и

представить мнѣніе объ ихъ подлинности и стоимости. Бордье, старый архиваріусъ, много занимался въ своей жизни автографами и считается отличнымъ знатокомъ древнихъ рукописей и документовъ. Мабиль служитъ при императорской библіотекѣ и именно при томъ ея отдѣленіи, гдѣ хранятся рукописи. Оба эксперта вполнѣ годились для того дѣла, по которому они должны были представить свое заключеніе. По разсмотрѣніи спорныхъ документовъ, они пришли къ тому заключенію, что въ этой огромной массѣ автографовъ находятся едва сто подлинныхъ, которые они оцѣнили въ 500 фр. Остальные они объявили подложными, работою самого Врена Люка.

Пространное мнѣніе этихъ экспертовъ, заключающее въ себѣ и результаты изслѣдованія, есть мастерское произведеніе критическаго дара. Приводимъ изъ него слѣдующіе отрывки:

1) Взглядъ на пріобрѣтенные г. Шалемъ автографы.

Изъ огромной массы автографовъ, купленныхъ Шалемъ, въ Академію было представлено и напечатано въ ея протоколахъ только незначительное число ихъ. Таковыхъ представлено отъ 3 до 400, между тѣмъ какъ все собраніе заключаетъ въ себѣ 27320 штукъ отъ 660 различныхъ лицъ. Къ этому нужно еще прибавить 25 писемъ Паскаля, Ротру и др., подаренныхъ Шалемъ библіотекѣ Академіи; 22 подлинныхъ, но ничего не стоющихъ рукописей XVI, XVII и XVIII ст. съ подложными замѣтками, сдѣланными продавцемъ съ цѣлію увѣрить въ томъ, что онѣ сдѣланы знаменитыми людьми; 105 книгъ, снабженныхъ продавцемъ также подложными примѣчаніями и подписями знаменитыхъ людей съ цѣлію возбудить въ покупщикѣ мнѣніе, будто эти книги принадлежали тѣмъ лицамъ, имена которыхъ на нихъ значатся.

Итакъ, число всѣхъ документовъ простирается до 27472 штукъ. Сверхъ того Вренъ Люка обязался доставить еще 2949 автографовъ, за которые онъ взялъ у Шаля деньги впередъ.

Люка сознался передъ судомъ въ томъ, что разсказалъ Шалю басню слѣдующаго содержанія: графъ Буажурденъ (Boisjourdain) владѣлъ весьма значительнымъ собраніемъ автографовъ, съ которымъ онъ въ 1791 году бѣжалъ на кораблѣ въ Америку, но на пути туда корабль потерпѣлъ крушеніе и графъ утонулъ. Собраніе же, значительная часть котораго была попорчена отъ морской воды, было спасено и принадлежитъ въ настоящее время родственнику графа, послѣднему представителю этой фамиліи. Послѣдній, почтенный старикъ, поручилъ ему, Врену-Люка, продать ученымъ отдѣльные документы. Онъ будто бы получаетъ 25% съ продажной цѣны за коммиссію. Старикъ очень привязанъ къ драгоцѣннымъ наслѣдственнымъ документамъ и не-

отдаетъ ниодного документа, не прочитавши его предварительно съ большимъ вниманіемъ. По словамъ обвиняемаго собраніе помѣщалось вмѣстѣ съ другими книгами и бумагами на чердакѣ одного отеля въ Парижѣ и состояло изъ автографовъ и книгъ, валявшихся въ безпорядкѣ. Люка долженъ былъ подъ надзоромъ владѣльца доставать отдѣльныя рукописи и часто бралъ то, что попадалось ему подъ руки, не занимаясь разборомъ ихъ. Сначала онъ приносилъ разрозненные, различнымъ лицамъ принадлежавшіе листки. Когда ему случалось продать Шалю какую-нибудь важную рукопись, то обыкновенно въ скоромъ времени онъ находилъ второй и даже третій экземпляръ ея, которые были почти совершенно одинаковы по письму и бумагѣ, такъ что Шаль часто не могъ отличить между ними оригиналъ отъ копіи. Существованіе многихъ экземпляровъ одной и той же рукописи ученый покупатель, вполнѣ повѣрившій баснѣ о судьбѣ этого собранія, объяснялъ себѣ такимъ образомъ, что вѣроятно одинъ изъ прежнихъ владѣльцевъ рукописей списывалъ для себя копіи съ оригиналовъ.

Когда сношенія между Шалемъ и Люка сдѣлались болѣе оживленными, послѣдній приносилъ часто цѣлые пакеты съ автографами. Пакеты бывали въ оберткахъ, на которыхъ мнимый графъ Буажурденъ отмѣчалъ, какіе заключаются въ пакетѣ автографы, какое ихъ происхожденіе, сколько за нихъ заплачено и какія суммы предлагались другими любителями за отдѣльные автографы. Шаль еще болѣе увѣровалъ въ подлинность автографовъ, потому что собиратели таковыхъ обыкновенно употребляли подобныя обертки и дѣлали на нихъ свои замѣчанія.

Нерѣдко Люка являлся съ такими автографами, подписи на которыхъ онъ будто бы не могъ прочесть, или отъ такихъ лицъ, имена которыхъ ему были будто бы совершенно неизвѣстны. Онъ предоставлялъ Шалю разобрать подписи и заставлялъ его отыскивать свѣдѣнія о разныхъ именахъ въ біографіяхъ и различныхъ сочиненіяхъ. Обыкновенно случалось, что такимъ путемъ приводилось въ ясность имя автора письма.

Часто обвиняемый просилъ Шаля сдѣлать къ цѣнѣ за документъ прибавку въ его, посредника, пользу. Когда ему представили все собраніе автографовъ, онъ выразилъ свое удивленіе по поводу того, что не встрѣчаетъ въ немъ тѣ подлинные документы и книги съ собственноручными замѣтками разныхъ извѣстныхъ лицъ, которые онъ передалъ Шалю вмѣстѣ съ подложными. Онъ смѣло утверждалъ, что помнитъ очень хорошо, какъ передалъ Шалю между прочимъ старый пергаментъ съ подписью Карла Великаго, подобный же съ подписью Алкуина, весьма древнюю рукопись съ подписью Герберта, въ послѣд-

ствіи папы Сильвестра II, затѣмъ два документа, писанные на пергаментѣ, одинъ короля Людовика Св., другой Бланки Кастильской. Очевидно, онъ не зналъ того, что подобныхъ документовъ вовсе не существуетъ.

Относительно самыхъ сдѣлокъ съ Шалемъ онъ показалъ: послѣдній самъ назначалъ цѣны за автографы, послѣ того какъ онъ ихъ внимательно разсматривалъ и прочитывалъ. Онъ, обвиняемый, предлагалъ Шалю вмѣстѣ съ подложными и подлинные документы, но никогда за нихъ не получалъ болѣе того, что стоили подлинные. На вопросъ, сколько Шаль готовъ дать за тотъ или другой пакетъ, онъ обыкновенно говорилъ: 100 150 или 200 фр. На просьбу обвиняемаго о прибавкѣ Шаль отвѣчалъ: „хорошо, я готовъ дать 300 фр., но вы должны мнѣ доставить еще 100, или 200, или 300 штукъ". Такимъ образомъ онъ требовалъ отъ меня сто писемъ Людовика XIV, сто Галилея, Паскаля или Ньютона и т. п. Я соглашался, потому что былъ убѣжденъ, что не обманываю его, такъ какъ хорошіе автографы не только стоили тѣхъ денегъ, которыя онъ мнѣ давалъ, но гораздо больше.

Какъ намъ извѣстно, свѣдущіе люди, разсматривавшіе купленные Шалемъ автографы, пришли къ совершенно другому заключенію, поэтому показаніе обвиняемаго относительно цѣны подлинныхъ автографовъ мы должны назвать безстыдною ложью Посредствомъ хитрыхъ уловокъ обманщику удалось возбудить въ г. Шалѣ слѣпую вѣру. Послѣдній усердно старался пріобрѣсть все собраніе графа Буажурдена. Чѣмъ болѣе ему Люка доставлялъ, тѣмъ болѣе ему хотѣлось имѣть. Онъ взялъ съ перваго обѣщаніе, что ниодна изъ этихъ рѣдкихъ рукописей не попадетъ въ руки другихъ, и когда онъ узналъ, что г. Белле, чиновникъ при министерствѣ, пріобрѣлъ четыре записочки Маргариты Алансонской, Рабеле, Монтеня и Ротру, то поспѣшилъ купить ихъ у него за 200 фр.

Иногда случалось, что Шаля брало сомнѣніе. Но онъ самъ устранялъ его; чѣмъ болѣе онъ приносилъ жертвъ, тѣмъ менѣе онъ допускалъ мысль, что его обманываютъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Подъ конецъ его уже ничто не могло поколебать. Это будетъ яснѣе изъ слѣдующаго случая. Однажды Люка принесъ ему книгу Маріо Вердизетти венеціанскаго изданія 1613 года. На заглавномъ листкѣ было написано: „Ex libris Лафонтена", а на оборотной сторонѣ была слѣдующая надпись мнимаго графа Буажурдена: „Эта книга очень рѣдкая; существуетъ еще одинъ только экземпляръ ея въ Венеціи. Кромѣ того она еще и потому рѣдкая, что принадлежала Лафонтену и вдо-

хновляла его къ его прекраснымъ баснямъ. Я купилъ эту книгу на аукціонѣ за весьма дорогую цѣну" и т. п.

Шаль купилъ эту книгу за неслыханную цѣну въ 800 франк. Нѣсколько времени спустя одинъ книгопродавецъ объяснилъ ему, что первое изданіе этой книги вышло въ Венеціи въ 1570 году и продавалось на аукціонѣ за 48 фр. Послѣдующія изданія 1577 и 1599 годовъ продаются за сумму отъ 6 до 9 фр., изданіе же 1613 года имѣетъ весьма ничтожную или почти никакой цѣны.

Несмотря на этотъ горькій урокъ, Шаль по прежнему остался слѣпъ. Онъ правда попенялъ Люка за его нечестное поведеніе, но когда послѣдній отъ имени мнимаго графа Буажурдена просилъ извиненія и предложилъ ему въ придачу дюжину писемъ Паскаля, если Шаль прибавитъ къ цѣнѣ за книгу еще 100 фр., послѣдній охотно согласился; и такимъ образомъ за никуда негодную книгу цѣною въ 2 или 3 фр. и за 12 подложныхъ писемъ заплатилъ 900 франковъ.

Подобныя сдѣлки совершались довольно часто. Такъ напримѣръ, за безцѣнную книгу о картезіанизмѣ съ примѣчаніями, сдѣланными будто бы рукою Ньютона, и съ замѣткою мнимаго графа, что онъ будто бы купилъ ее въ 1772 году за 1200 франк., Шаль заплатилъ нѣсколько сотъ фр. Смѣлость Врена Люка все возрастала. Онъ до того злоупотреблялъ страстью старика къ автографамъ, что сталъ относиться къ нему нѣсколько насмѣшливо. Однажды онъ явился къ Шалю и съ таинственнымъ видомъ сообщилъ ему, что „старый господинъ" (т.-е. графъ) разсказалъ одному изъ своихъ родственниковъ, старому воину, что большая часть коллекціи перешла въ руки его, Шаля. Послѣдній сильно разсердился и поручилъ ему, Люка, попросить г. Шаля о возвращеніи купленныхъ имъ документовъ и полученіи обратно своихъ денегъ. Шаль рѣшительно отвергъ это предложеніе.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ слѣпаго довѣрія Шаля къ автографамъ служатъ его часто повторенныя увѣренія, что онъ просилъ о задержаніи Люка не для того, чтобы предать его въ руки правосудія, а изъ опасенія, что Люка быть можетъ продастъ остатокъ собранія графа, за который онъ, Шаль, впередъ уже заплатилъ деньги, кому нибудь за границей и такимъ образомъ похититъ у Франціи неоцѣненное сокровище.

Болѣе еще, чѣмъ количеству, должно изумляться качеству подложныхъ документовъ. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ въ Парижѣ появилась сатира подъ заглавіемъ: „Торговецъ автографами". Въ этой сатирѣ между прочимъ говорится: „Я достану изъ Астрахани рукописи Чингисъ-хана и изъ монастыря Таборъ рукопись Навуходоносора. Наконецъ я напалъ на слѣдъ одного

папируса, заключающаго въ себѣ автографъ Кадма". Собраніе автографовъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, превзошло эти стихи, такъ какъ мы находимъ въ немъ письма Θалеса, Анаксимена, Пиθагора и Сафо!

Какъ уже было сказано, всѣ документы были написаны на французскомъ языкѣ, правда на древне-французскомъ и притомъ грубымъ почеркомъ, бывшимъ въ обыкновеніи нѣсколько столѣтій тому назадъ. Такъ напр. письмо рукописи Карла Великаго было весьма схоже съ письмомъ дипломовъ VIII и IX ст. Внѣнъ Люка не взялъ на себя труда разъяснить это обстоятельство, онъ предоставилъ самому Шалю разрѣшить эту загадку, и не ошибся. Шаль во что бы то ни стало хотѣлъ вѣрить тому, что документы подлинны, и потому обманывалъ самого себя, выставляя слѣдующую гипотезу: „Аббатство въ Турѣ, въ которомъ настоятелемъ былъ и Алкуинъ, владѣло богатымъ собраніемъ рукописей. Алкуинъ собралъ въ Италіи и другихъ доступныхъ ему странахъ еще большее количество древнихъ документовъ и при содѣйствіи друга своего, императора Карла Великаго, составилъ весьма почтенное собраніе. Рабеле, знаменитый ученый, современникъ императора Карла V и извѣстный любитель автографовъ, зналъ про архивы турскаго аббатства и сдѣлалъ для себя копіи и переводы со многихъ хранившихся тамъ древнихъ рукописей. Эти документы первоначально находились въ Ланже (Langey), во владѣніи интенданта Фуко́, и затѣмъ перешли къ графу Буажурдену. Французскіе переводы были сдѣланы по желанію Рабеле, и вотъ причина, почему письма и т. п. документы написаны на древне-французскомъ языкѣ".

Шаль имѣлъ серьезное намѣреніе напечатать свои автографы и съ этой цѣлью заготовилъ уже копіи со всѣхъ документовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были уже даже обнародованы. Въ 1861 году онъ послалъ одинъ автографъ Данте во Флоренцію ко дню празднованія рожденія этого поэта, но посылка къ счастію пришла слишкомъ поздно и вслѣдствіе этого не была напечатана.

Далѣе онъ намѣревался подарить автографы Ротру одной библіотекѣ въ Шартрѣ, мѣстѣ рожденія писателя, и вступилъ даже въ переговоры съ однимъ книгопродавцемъ на счетъ книги, которая должна была содержать въ себѣ эти документы.

Въ 1866 году онъ почтилъ Бельгійскую Академію двумя письмами императора Карла V къ Рабеле. Въ засѣданіи 13 октября секретарь Академіи сдѣлалъ сообщеніе объ этомъ подаркѣ и представилъ самыя письма. Они были напечатаны вмѣстѣ съ протоколомъ засѣданія и заключали въ себѣ слѣдующее:

„Любезный Рабеле! Можете ли вы, славящійся своимъ умомъ, удовлетворить моей любознательности? Я обѣщалъ тому, кто

найдетъ квадратуру круга, 1000 талеровъ, но ниодинъ математикъ не въ состоянiи рѣшить эту задачу. Я полагалъ, что вы, извѣстный своимъ остроумiемъ въ подобныхъ дѣлахъ, удовлетворите меня. Если вамъ это удастся, то вы получите отъ меня большую награду. Да поможетъ вамъ Богъ.

Карлъ."

X сентября 1542 г.

„Франциску Рабеле, доктору всѣхъ наукъ и литературы.

Любезный Рабеле! Я очень удивляюсь тому, что вы не отвѣчали мнѣ до сихъ поръ на мое предложенiе на счетъ квадратуры круга. Неужели невозможно рѣшить эту задачу? Но еслибы оно и было такъ, я все-таки прошу отвѣчать мнѣ. Вы знаете, что вашъ отвѣтъ для меня дорогъ, каковъ-бы онъ впрочемъ ни былъ. Я жду его черезъ посланнаго, и вы мнѣ этимъ доставите большое удовольствiе. Прощайте.

Карлъ."

Господину Рабеле.

Архиварiусъ Бельгiйскаго королевства Гашаръ (Gachard) оспаривалъ подлинность этихъ писемъ, и Ратри (Rathery), заслуженный издатель сочиненiй Рабеле, присоединился къ этому мнѣнiю, замѣтивъ, что уже одно обращенiе „maître" вмѣсто употребительнаго въ то время „frère" доказываетъ подложность этихъ писемъ. Въ послѣдствiи обратило на себя вниманiе еще то, что на одномъ изъ этихъ писемъ рукою будто бы Рабеле было написано: „письмо императора Карла V". Карлъ же V при своей жизни назывался просто Карлъ. Наименованiе его Карломъ V было введено историками уже послѣ его смерти.

Два письма аббата Лебёфа (Lebeuf) были помѣщены въ одной книгѣ о воспитанiи, вышедшей въ 1867 году. Эти письма поддѣланы подъ два подлинныхъ письма аббата, изъ которыхъ одно хранится въ императорской библiотекѣ, а другое напечатано было во французскомъ „Меркурiѣ" за сентябрь 1742 года. Обманщикъ списалъ съ послѣдняго изъ этихъ писемъ начало и конецъ.

Возможно, что еще и другiе автографы были напечатаны, но о нихъ не собрано никакихъ свѣдѣнiй.

2) Автографы той же фабрикаціи, проданные другимъ лицамъ,

О продажѣ подложныхъ автографовъ въ руки другихъ лицъ. кромѣ Шаля, извѣстно очень мало случаевъ. О продажѣ четырехъ записокъ чиновнику при министерствѣ Белле было упомянуто выше.

Кромѣ этого случая извѣстно, что маркизъ Дюпра (Duprat) пріобрѣлъ отъ Врена Люка 15 писемъ XVI столѣтія, письма короля Франциска I, императора Карла V, Рабеле и другихъ, писанныя къ тогдашнему канцлеру Дюпра или имѣвшія какое либо отношеніе къ нему. Маркизъ обнародовалъ ихъ съ замѣткой, что оригиналы этихъ документовъ хранятся въ его фамильномъ архивѣ.

Но что еще болѣе замѣчательно, это то, что первый знатокъ автографовъ во Франціи, Фёллье де-Коншъ (Feuillet de Conches) дался въ обманъ. Онъ получилъ отъ маркиза Дюпра два письма Монтеня къ канцлеру Дюпра.

Ни по слогу, ни по орѳографіи этихъ писемъ нельзя было предположить, что они принадлежатъ знаменитому философу, тѣмъ не менѣе Фёллье повѣрилъ увѣреніямъ маркиза, что онъ ихъ отыскалъ въ фамильномъ собраніи, и напечаталъ ихъ въ своей книгѣ „Болтовня любопытнаго“, замѣтивъ только: „Монтень въ этихъ письмахъ относительно слога былъ очень небреженъ“.

Вренъ Люка нисколько не скрывалъ того, что и эти письма сфабрикованы имъ.

3) Общій характеръ документовъ собранія Шаля.

Всѣ документы, которые самъ Люка призналъ за свои произведенія, имѣли большое сходство и по внѣшнему своему виду, и по характеру работы, и по цвѣту, хотя должны были представлять собою произведенія разныхъ лицъ, различныхъ эпохъ и странъ.

Письмо до того небрежно и до того иной разъ смѣло, что ученые въ Англіи и Италіи, которымъ приходилось изслѣдовать мнимыя письма Ньютона и Галилея, приходили въ изумленіе и объявили, что обманщикъ повидимому никогда не видалъ почерка этихъ знаменитыхъ людей.

Вообще должно сказать, что работа и матеріалъ, употреблявшіеся обманщикомъ, были весьма неудовлетворительны.

И неискусные поддѣлыватели знаютъ очень хорошо, какое значеніе имѣетъ бумага. Обыкновенно, разумѣется, необходима такая бумага, которая принадлежала бы тому же времени, какъ и самый автографъ. Но достать старую бумагу въ большомъ количествѣ весьма затруднительно. Она встрѣчается еще иногда, но вообще она рѣдка и дорога.

Для многихъ писемъ XVII и XVIII ст. Вренъ Люка употреб-

лялъ толстую бумагу, которая уже въ то время не употреблялась въ частной корреспонденціи. Онъ не стѣснялся употреблять бумагу, вырѣзанную изъ старыхъ протоколовъ. Большая часть писемъ написаны на одномъ листѣ. Онъ весьма экономно тратилъ бумагу, и изъ этой бросавшейся въ глаза расчетливости уже съ самаго начала многіе заключали о подложности документовъ.

Весьма часто попадается бумага съ лиліей и притомъ у автографовъ, долженствовавшихъ быть написанными въ такое время, когда еще подобной бумаги вовсе не существовало.

Документы, писанные на пергаментѣ, Вренъ Люка не умѣлъ или не смѣлъ поддѣлывать, такъ какъ онъ продалъ Шалю только одну подобную рукопись.

Изготовивши автографъ, Вренъ Люка не слишкомъ бывалъ разборчивъ на средства, способныя придать этому автографу видъ старины. Онъ пачкалъ рукопись или клалъ ее въ воду, или покрывалъ ее воскомъ, или закапчивалъ ее надъ лампой. Случалось, что та или другая рукопись загоралась и вслѣдствіе этого дѣлалась хрупкою и даже разсыпалась.

Первые 12—1500 документовъ, купленныхъ Шалемъ, почти невозможно было разобрать, вслѣдстніе того что они лежали въ водѣ. Вренъ Люка объяснялъ это крушеніемъ корабля, на которомъ находился графъ Буажурденъ съ своимъ собраніемъ рукописей; Шаль передалъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ химику Сентъ-Клеръ Девилю (Sainte-Claire Deville) съ просьбой возстановить насколько возможно письмо. Послѣдній возвратилъ ихъ съ объясненіемъ, что вѣроятно ихъ держали въ водѣ, такъ какъ заключающееся въ чернилахъ сѣрнокислое желѣзо разлилось по всей страницѣ.

Въ этомъ мнѣніи Шаль нашелъ новое подкрѣпленіе для своей вѣры въ подлинность автографовъ. Этимъ подтверждалась исторія кораблекрушенія и поврежденія документовъ отъ морской воды.

Поддѣлка чернилъ удалась повидимому обманщику сравнительно лучше, чѣмъ все остальное.

Въ одномъ изъ засѣданій Академіи, въ то время какъ шелъ споръ о подлинности шалевскихъ автографовъ, химикъ Карре (Carré) предложилъ произвести опытъ надъ чернилами спорныхъ документовъ. Онъ утверждалъ, что можно опредѣлить древность чернилъ. Два другихъ химика подтвердили его слова, и опытъ былъ произведенъ. 15 рукописей эпохи 1577—1770 гг. и 60 рукописей эпохи 1800—1867 гг. были положены въ разбавленную кислотами воду. Оказалось, что чернила древнихъ рукописей разложились далеко не въ такой степени, какъ чернила новыхъ ру-

кописей. Затѣмъ были подвергнуты опыту письма, полученныя Шалемъ отъ Врена Люка и подаренныя имъ Академіи и, о чудо! чернила долго противостояли кислотамъ. Мнѣніе экспертовъ было таково, что если и совершенъ подлогъ, то вѣроятно уже очень давно, развѣ поддѣлыватель владѣетъ искусствомъ приготовлять чернила особаго рода.

Вѣра Шаля въ подлинность автографовъ не мало была укрѣплена этимъ опытомъ.

Какія средства были употребляемы Люка для заготовленія чернилъ съ свойствами старыхъ неизвѣстно, но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ владѣетъ искусствомъ приготовлять подобныя чернила.

Большую часть документовъ Вренъ Люка составилъ при помощи книгъ. Онъ бралъ сочиненія Саверіена и Жердиля (Gerdil) за и противъ ученія Ньютона, разрѣзывалъ ихъ на отдѣльные листки и клочки и при помощи незначительнаго измѣненія въ началѣ и концѣ составлялъ изъ такого клочка письмо или ученую замѣтку.

Во всякомъ случаѣ имъ употреблено большое количество книгъ такимъ образомъ для составленія стольких тысячъ подложныхъ автографовъ. Не легкій трудъ отыскать всѣ книги, употребленныя обманщикомъ; впрочемъ оно и не имѣетъ цѣли, достаточно и того, что открыто нѣсколько такихъ сочиненій.

Такъ напр., онъ превратилъ нѣсколько статей изъ Энциклопедіи Дидро и д'Аламбера въ письма Паскаля. Письма, заключающія въ себѣ сужденія почти о всѣхъ твореніяхъ Мольера, заимствованы почти буквально изъ мемуаровъ де ла Серра (de la Serre) о жизни Мольера.

Письма Ла-Брюйера (La Bruyère), которыхъ до сихъ поръ извѣстно не болѣе двадцати, между тѣмъ какъ собраніе Шаля заключаетъ ихъ въ себѣ до 739 штукъ, заимствованы изъ различныхъ книгъ: изъ „Меркурія", изъ предисловія къ посмертнымъ сочиненіямъ Лафонтена и главнымъ образомъ изъ сочиненій самого Ла-Брюйера, изъ которыхъ для этой цѣли выбраны отдѣльныя мѣста.

Отъ историка Жуанвиля (Joinville) дошли до нашего времени только его исторія Людовика Св., его Credo, письмо къ Филиппу Смѣлому и нѣкоторое число письменныхъ документовъ, указывающихъ на отношенія его къ вассаламъ.

Въ собраніи же Шаля подъ рубрикою „Жуанвиль" значатся: письма къ Людовику Св., къ его духовнику и поэтическія произведенія. Содержаніе для писемъ Люка извлекъ изъ отчетовъ духовника королевы Маргариты, напечатанныхъ въ 20 томѣ

историковъ Франціи. Поэтическія-же произведенія заимствованы изъ стихотворныхъ хроникъ.

Шалю принадлежитъ между прочимъ дюжина писемъ Григорія Турскаго. Нѣкоторыя изъ нихъ составлены при помощи его сочиненій, такъ напр., одно письмо Григорія къ врагу его, епископу нантскому, есть ничто иное какъ отрывокъ изъ его исторіи Франковъ, въ которомъ благочестивый Григорій Турскій обругалъ своего товарища. Записка, заключающая въ себѣ жалобу на упадокъ изученія латинскаго языка, взята изъ предисловія помянутой исторіи и т. д.

Люка хотѣлъ скрыть подлогъ тѣмъ, что списывалъ свои автографы или составлялъ ихъ съ помощію книгъ. Онъ заставлялъ знаменитыхъ людей, сочиненіямъ которыхъ онъ подражалъ, выражаться ихъ собственнымъ языкомъ или по крайней мѣрѣ языкомъ ихъ времени.

Но не всегда онъ дѣйствовалъ предусмотрительно. Нерѣдко онъ черпалъ содержаніе для своихъ автографовъ не изъ сочиненій, а изъ собственной головы. Во всѣхъ такихъ случаяхъ содержаніе писемъ и другихъ документовъ состояло изъ пустыхъ фразъ и общихъ мѣстъ. Тонъ ихъ бывалъ весьма обыкновенный, идеи бѣдны и почти всегда однѣ и тѣ же. Содержаніе свидѣтельствовало о невѣжествѣ автора. Въ документахъ отъ различныхъ будто бы лицъ и эпохъ повторялись даже однѣ и тѣ же орѳографическія ошибки. Письма, приведенныя выше, свидѣтельствуютъ наилучшимъ образомъ объ умственной нищетѣ и въ высшей степени посредственной фантазіи ихъ автора.

Самымъ удивительнымъ въ этомъ удивительномъ процессѣ все-таки остается то, что ученые и умные люди приняли измышленія Люка за произведенія Паскаля, Ньютона, Галилея и другихъ глубокихъ мыслителей, что именно содержаніе и слогъ поддѣльныхъ рукописей выдавались секретаремъ Академіи и другими учеными знаменитостями за несомнѣнныя доказательства ихъ подлинности.

Характеристично еще то, какъ Вренъ Люка при случаѣ вкладывалъ въ уста своихъ героевъ мысли, сильно занимавшія его самого. Онъ постоянно бредилъ подложными автографами и вотъ его герои также являются любителями древнихъ рукописей. Такъ Ньютонъ пишетъ Вольтеру: „Я вамъ говорилъ, что хочу познакомить васъ съ человѣкомъ, владѣющимъ сочиненіями Бэйля. Онъ владѣетъ не только историческими и литературными произведеніями, собранными Бэйлемъ, но еще множествомъ другихъ документовъ. Я вамъ довольно сказалъ. Если пріѣдете сюда, то можете собрать порядочную жатву“.

